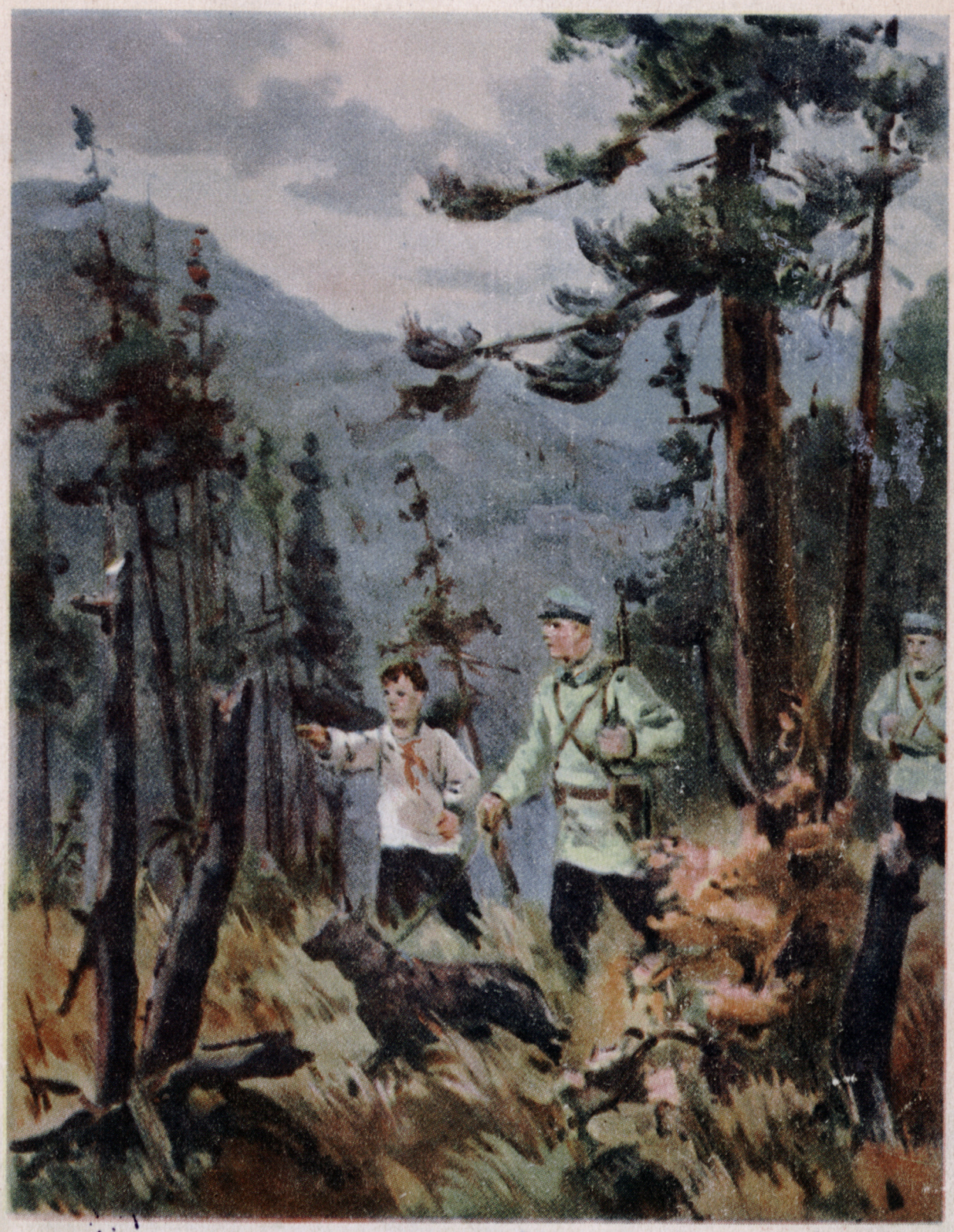
ПИОНЕР



Июль

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда" 1938 г.

7

Член Совета географического общества „Компас", Герой Советского Союза Э. Т. Кренкель. Его отчет перед членами „Компаса" читайте на стр. 42 этого номера „Пионера".

Рисунок Толи Торопова из села Билярского, Татария.

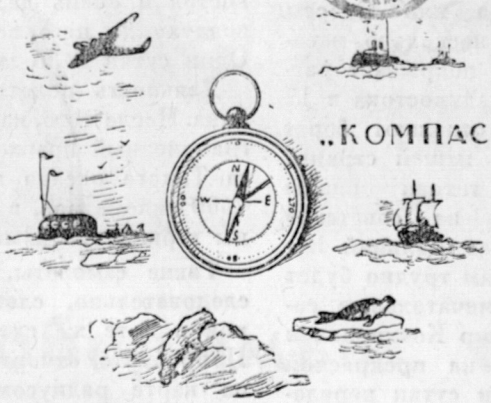
— Папанинцы встречают ледоколы.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

П29
34
1938
№ 7-12
Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде



№ 7

Июль 1938

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК СТАЛ БЛИЗКИМ

Пароход из Ленинграда или Одессы идет на Дальний Восток несколько месяцев. Самый скорый поезд покрывает расстояние от Москвы до Владивостока в 12 суток. 7000 километров отделяют берег Тихого океана от сердца нашей страны.

Японские генералы, готовя планы разбойничьего нападения на советское Приморье, думают, что раз Дальний Восток далеко от Москвы, нам трудно будет его защищать. И вот замечательные советские летчики — Владимир Коккинаки и Александр Бряндинский — на прекрасной советской машине за одни сутки перелетели из Москвы во Владивосток. Дальний Восток стал близким.

Птица, на которой летели Коккинаки и Бряндинский, самая обыкновенная. Ничем особенным она не выделяется. Крылья красные, как у всех дальних самолетов: в случае аварии красную машину легче заметить среди зелени лесов и полей. На крыльях огромными белыми буквами написано «Москва». Это — имя самолета.

Самолет, на котором недавно американский летчик Говард Юз летел вокруг света, сделан специально для рекордного полета. «Москва»—обыкновенный серийный, двухмоторный самолет, очень надежный и выносливый. На крылья, например, можно поставить столько людей, сколько там уместится, и от такой тяжести крылья не сломаются. Это очень прочная машина.

Есть у «Москвы» и другие достоинства. Она может забираться на большую высоту. А вы сами понимаете, как это важно. Наверху, за облаками, всегда стоит хорошая погода, там нет бурь и туманов, полет ровен и спокоен. Если нижние слои воздуха можно сравнить с булыжной мостовой, так наверху для самолета все равно, что асфальт для автомобиля.

И скорость в высоте можно развить очень большую. Там воздух разрежен и меньше мешает полету. А боевым самолетам в заоблачной выси легче уйти от преследования и от огня зенитных батарей. Легче, наконец, проникнуть в тыл врага. Этими достоинствами обладает «Москва». Коккинаки вел ее порой на высоте 7 тысяч метров.

Скорость машины тоже довольно значительная — 307 километров в час в среднем. Коккинаки доказал, что хоть Владивосток и очень далек от Москвы, но по воздуху до него всего лишь сутки пути. Одни сутки и 36 минут!

Дальность полета «Москвы» также велика. После того, как Коккинаки совершил грандиозный прыжок из Москвы до берега Тихого океана и покрыл без посадки 7600 километров, в баках осталось полтонны горючего. Он мог лететь дальше.

Такие самолеты, как «Москва», могут, следовательно, слетать за 3800 километров и в те же сутки вернуться обратно. Попробуйте, отчертите возле Москвы круг на карте радиусом в 3800 километров. Посмотрите, куда могут залетать советские самолеты за одни сутки без посадки.

Последнее, самое замечательное достоинство самолета конструкции инженера Ильюшина Коккинаки заметил во время испытания. Хотя «Москва» — солидный и тяжелый самолет: ведь у нее два мотора,— но она может проделывать в воздухе сложные фигуры высшего пилотажа. Она так же послушна рулям, поворотлива и стремительна, как и легкие самолеты.

Но нужно подчеркнуть, что это все-таки не какой-нибудь необычайный самолет. Это обыкновенная серийная машина, которую может строить советская авиопромышленность в таком количестве, в каком потребует этого наша родина.

И как заявил, возвратившись в Москву, товарищ Коккинаки, тысячи советских летчиков на таких машинах по первому зову партии, по первому зову товарища Сталина полетят туда, куда им прикажет Родина, и разгромят любого врага.

Непобедимый союз

Дружно, сплоченно, единодушно выбирали граждане Советской страны Верховные Советы союзных и автономных республик.

День выборов в каждой республике был ярким, всенародным праздником. Люди, впервые встречавшиеся по дороге к избирательному участку, выходили оттуда будто старые знакомые. Молодежь тут же пускалась в пляс, а старики, усевшись на заботливо приготовленные скамейки, вспоминали прошлое, говорили о новой, счастливой жизни.

Наш народ дружен, сплочен и един потому, что нет в его среде эксплоататоров и эксплоатируемых, потому, что все граждане — трудящиеся, у них у всех общие интересы. И защищают эти общие интересы всех трудящихся партия большевиков и ее вождь товарищ Сталин. Вот почему на выборах коммунисты и беспартийные выступали в едином блоке — союзе, — вот почему коммунисты вместе с беспартийными выставили одних кандидатов в Верховные Советы республик. И первым кандидатом во все Верховные Советы всех союзных и автономных республик был выдвинут товарищ Сталин.

Вслед за именем товарища Сталина рабочие и колхозники, служащие и красноармейцы называли имена лучших сынов советского народа, имена людей, которые, не жалея сил, трудятся для процветания нашей родины, которые, не щадя сил, боролись, борются и будут бороться с врагами народа, троцкистско-бухаринскими и иными мерзавцами.

А когда после 12 часов ночи председатели избирательных комиссий сняли с урн сургучные печати, листки бюллетеней, извлеченные из конвертов, рассказали о большой победе союза коммунистов и беспартийных. Все до одного кандидаты союза коммунистов и беспартийных были избраны в Верховные Советы!

Вот несколько цифр. Эти цифры говорят о нашей мощи и силе так же, как и колонны танков, проходящие в первомайский парад по Красной площади, как эскадрильи самолетов в небе, как шеренги автомобилей, с'езжающие с конвейеров автомобильных заводов, как тучные колосья на колхозных полях.

Эти цифры наполняют гордостью и радостью наши сердца. Эти цифры — грозное предупреждение фашистским поджигателям войны.

По РСФСР за кандидатов блока коммунистов и беспартийных голосовало 59 542 333 человека — 99,3% избирателей — 993 человека из каждой тысячи! По Украине — 17 387 683 человека — 99,55% — 996 человек из тысячи! По Белоруссии — 3 005 609 человек—99,19%— 992 человека из тысячи! Такие же итоги выборов и в других республиках.

Союз коммунистов и беспартийных мог одержать такую блестящую победу потому, что большевики всегда были крепко связаны с народом, всегда неустанно крепили и крепят эту связь.

Есть древний греческий миф об исполине Антее — сыне Геи, богини земли. Об этом мифе вспоминал недавно в одной речи товарищ Сталин. Пока Антей прикасался к земле, к своей матери, которая родила и вскормила его,—он был непобедим. Для того, чтобы одолеть Антея, Геркулесу пришлось поднять его на воздух, оторвать от земли.

«Я думаю,— говорит товарищ Сталин,— что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми».

Связь большевиков с народом зародилась давно, когда еще только создавалась большевистская партия. Тогда беспартийные рабочие спасали у себя в домах большевистских агитаторов, на которых охотились царские ищейки, а под койкой беспартийного мастерового жандармы иногда находили шапирограф, на котором большевики печатали воззвания.

Беспартийный крестьянин Хашим хорошо спрятал в своей хибарке товарища Сталина так же, как 15 лет спустя питерские рабочие спрятали Ленина и не дали сыщикам Временного правительства арестовать его.

В 1905 году на баррикадах Красной Пресни плечом к плечу сражались большевики и беспартийные рабочие.

Красногвардейцы-большевики вместе с беспартийными рабочими и солдатами шли в незабываемую октябрьскую ночь штурмовать Зимний дворец. На фронтах, в гражданскую войну, во всех атаках, коммунисты шли впереди, увлекая своим примером остальных красноармейцев.

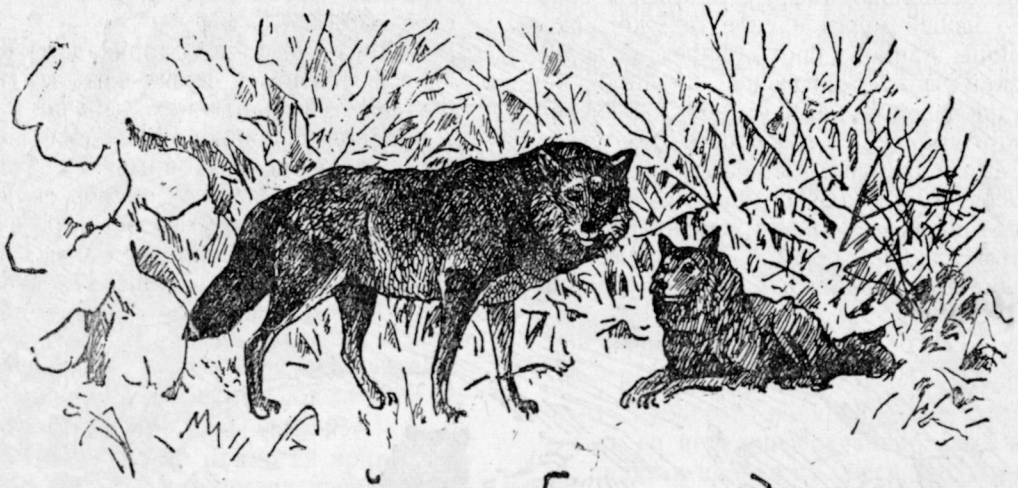
Связь коммунистов с беспартийными росла и крепла в годы сталинских пятилеток. Коммунисты были первыми ударниками. За ними шли в ударные бригады тысячи и десятки тысяч беспартийных рабочих. Под руководством коммунистов выросло могучее стахановское движение. Когда беспартийный рабочий Стаханов спустился в шахту, задумав вырубить угля больше, чем кто-либо когда-либо вырубал, и этим показать, как надо работать в стране социализма,— его шахтерскую лампочку нес, освещая путь к рекорду, парторг шахты Дюканов.

Под руководством партии большевиков в нашей стране победил социализм. Создан новый, советский народ, где нет места эксплоататорам, где все — трудящиеся. Только в результате этих великих побед стал возможен избирательный блок коммунистов и беспартийных.

Такого союза коммунистов со всей массой беспартийных не могло у нас быть не только до революции, но и в первые годы революции.

Ничего подобного такому союзу не может быть ни в одной буржуазной стране потому, что там идет непрерывная и жестокая борьба между трудящимися и эксплоататорами.

Советский народ видит, что партия большевиков привела его к счастливой и радостной жизни, советский народ видит, что, идя по пути, указанному Лениным и Сталиным, наш Союз стал великим и могучим. Поэтому народ верит большевистской партии, окружает ее любовью и преданностью, окружает всенародной любовью и беззаветной преданностью великого вождя партии и народа Иосифа Виссарионовича Сталина. Поэтому на выборах коммунисты выставляют кандидатов вместе с беспартийными и вместе же дружно голосуют за этих кандидатов. Поэтому наш народ един, могуч и непобедим.



ОСТРЫЙ ЗУБ И ВЕДЬМА

Рассказ Е. Маркова *Рисунки П. Митурича*

У капкана

Год был особенный, холодный. Давно в Сагареджо не было такой зимы.

В конце ноября выпал снег. Он слежался и хрустел под ногами. К ночи мороз крепчал, а солнце не согревало даже днем.

И чем становилось холоднее, тем больше зверей появлялось со всех сторон.

Только медведи ушли в горы и залегли в берлогах.

Зато лисы и волки спустились с хребтов, шакалы покинули колючие чащобы и рыскали повсюду, охотясь за зайцами.

Зайцы тоже выбрались из бурьяна и кустарных крепей, беспокойно сновали от куста к кусту, торопливо обгрызали веточки, скусывали кору с деревьев, боязливо поглядывали во все стороны и в страхе двигали огромными ушами.

Следы на снегу точно указывают путь косого, а хитрые «петли» и «сметки» не всегда помогают спасти заячью жизнь. В сторонке от его хорошо заметного следа часто можно видеть «цепочку» [1] лисицы или шакала, а то и волка. Рано или поздно эти ловкие следопыты доберутся до занесенного снегом кустика или кочки, где, прижавшись к холодной земле, залег зайчишка. Только тонкий слух да быстрые ноги могут его выручить. Но часто заяц так крепко спит, что хищник хватает его во сне, и тогда спасенья ему уже нет.

На открытом покатом склоне горы, с развалиной старинной крепости на вершине, чуть занесенный снегом лежал мертвый поросенок.

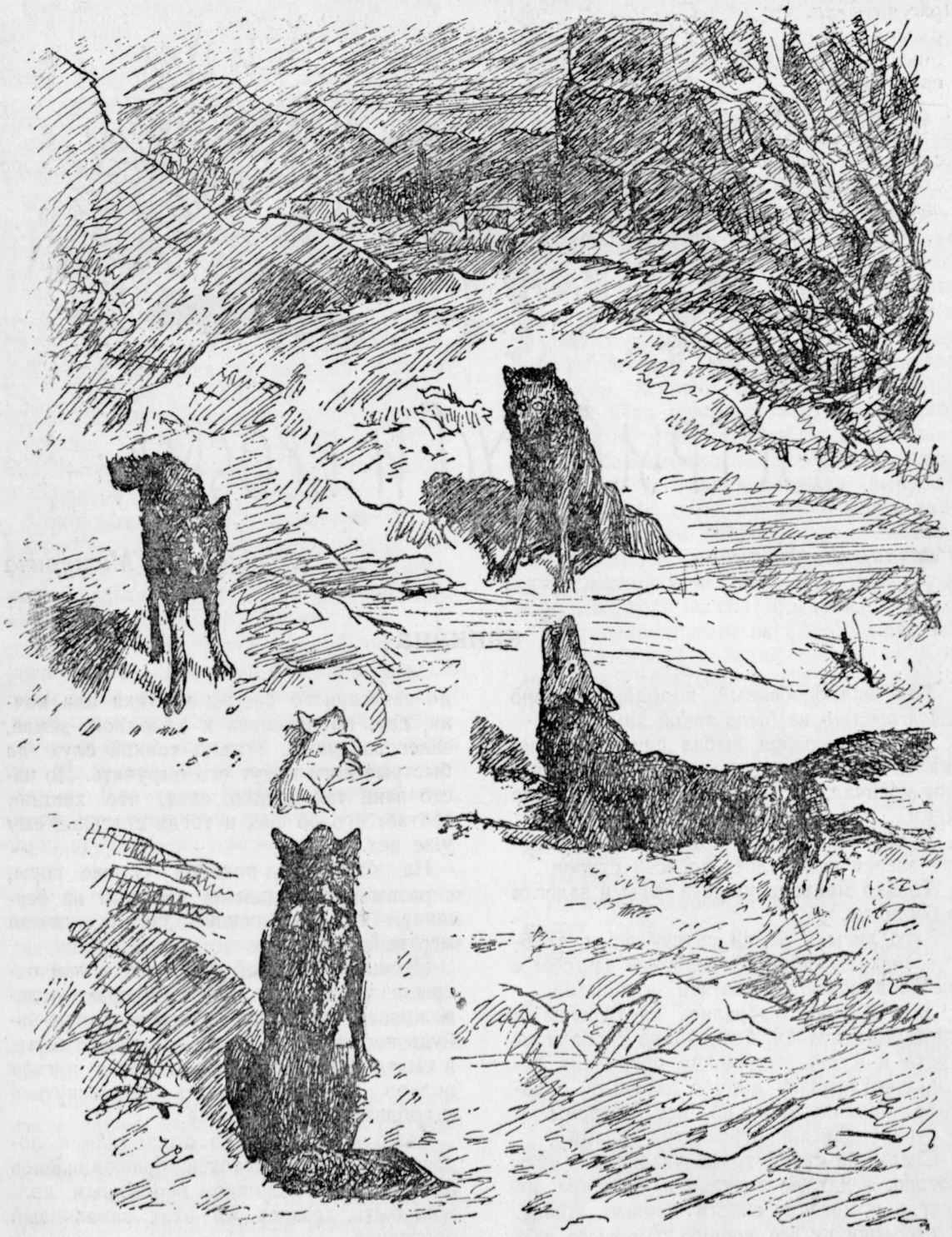
Прошло уже дней пять, как волки открыли эту поживу. Но постоянная осторожность, страх наткнуться на какую-нибудь неожиданную засаду, а может быть, и смутный запах следов человека пугали волков, и они боялись прикоснуться к соблазнительному мясу.

Каждую ночь волки подходили к поросенку, прислушивались, принюхивались и... выжидали. Слишком необычным, должно быть, казался им этот заманчивый поросенок.

Волк привык зарабатывать пищу неутомимым преследованием, разными хитростями, большим трудом и терпением, поэтому легко доступная падаль всегда возбуждает его подозрение.

Обычно ему помогают сороки и воро-

[1] «Цепочкой» охотники называют следы зверя, идущие акуратно чередующимися в одну линию ямками.



Волки подошли к поросенку совсем близко.

ны. С громким криком и стрекотаньем они клюют падаль и как разведчики показывают, что опасности нет. Но здесь ни вороны, ни сороки еще не начинали своей трапезы, и поросенок лежал нетронутый, крепко примерзнув к слежавшемуся снегу.

Наконец, волки решились и подошли к поросенку совсем близко. Но каждый

рассчитывал, что не он, а другой первым рванет добычу. А тогда уже можно безопасно присоединиться и взять силою свою часть.

Их было четверо.

Вдали блестели огоньки Сагареджо, и слышался далекий собачий лай. Волки настораживали острые уши, прислушивались.

Хорошо бы поймать живую собаку, напиться ее горячей крови, наесться еще теплого мяса! Но собаки далеко, а поросенок тут, под носом, совсем близко!

Особенно нервничали и показывали нетерпенье два голодных переярка [1].

Добродушный Быстроногий прилег, вытянулся, уложив голову на передние лапы, хвостом разметывал пушинки снега и скалил зубы, будто улыбался. Он был ближе всех к поросенку, и ему, вероятно, казалось, что он имеет поэтому на него больше прав чем остальные.

Но мрачная, сварливая его сестра Злюка, стоя почти рядом, пригнула голову и злобно заворчала. Она ощерила пасть, наморщила нос и показала огромные белые клыки.

Зато опытный огромный матерой [2] волчина Острый зуб, отец переярков, присел на хвост, сощурил умные глаза и только наблюдал, что будет дальше. Он был уверен, что добыча от него не уйдет. Огромная, широкая голова на толстой мускулистой шее, длинная морда с острыми как ножи зубами, могучая грудь, крепкие высокие ноги показывали страшную силу этого зверя. Кто посмеет оспаривать у него добычу? И Острый зуб, сознавая свое могущество, спокойно наблюдал и не волновался.

Четвертый волк стоял дальше других от падали. Правда, он только вторую ночь приходил сюда, но не признавал никаких преимуществ других волков. Неожиданно огромным прыжком он бросился к мясу.

За ним подскочили Быстроногий и Злюка, и каждый с ворчанием стал рвать и тянуть в свою сторону обмерзлого поросенка.

Острый зуб тоже вскочил на ноги.

Но в то же мгновение раздался резкий, свистящий звук двойной пружины капкана. И чужой волк, выронив кусок мяса изо рту, со стоном повалился на снег. Его задние ноги были крепко схвачены зубастой ловушкой. Он пытался встать на передние, отчаянно грыз железо, падал и ползал по снегу, барахтаясь и хрипя.

Переярки на секунду остановились, оглядели искалеченного собрата и опять с жадностью стали терзать поросенка.

Тогда Острый зуб осторожно подошел к попавшему в капкан волку и остановился. Тот лежал на земле, вытянув передние ноги, скалил клыки и злыми глазами глядел на подошедшего.

Вдруг Острый зуб впился ему в шею.

Сын и дочь бросились на помощь отцу, и очень скоро от бесстрашного красивого зверя остались только широкая башка с острою клыкастою мордою, захваченные капканом лапы да клочки густой, теплой шубы с хвостом.

Покончив со своею жертвою, волки «умылись», то есть, подогнув передние ноги, тщательно вытерли о снег морды. Острый зуб даже вывалялся в снегу всем телом, потом вскочил, отряхнул приставшие к меху комья и пошел в сторону реки Иоры. Остальные двинулись за ним.

И все трое, один за одним, ступая след в след, обычною мелкою рысью затрусили искать волчицу-мать.

Бесо и Шалико

Бесо еще до света поднялся с постели. Он захватил свою тулку [3], надел патронташ, сунул в козью гуду [4] чурек и кусок сыру, нацепил на ременный пояс острый нож в деревянных ножнах, взял в руки тяжелую, крепкую палку из грушевого дерева и тихонько вышел из дому.

На дворе было еще темно, но уже чуть заалела полоска света на востоке.

Полной грудью вдохнул старый охотник морозный воздух, такой чистый и свежий после угарной теплоты комнаты. Бодрою, легкою походкой захрустел по снегу. Он подошел к ближайшей хатке и громко свистнул.

Выскочили две мохнатых овчарки и, ра-

[1] Переярками называются волки, родившиеся в прошлом году.

[2] Матерыми называются вполне взрослые волки, в частности волчицы, уже бывшие матерями.

[3] Тулка — ружье тульского завода.

[4] Гуда — кожаный заплечный мешок.

достно виляя хвостами, стали тереться мордами о ноги Бесо. Он потрепал их кудластые головы, похлопал по крутой спине.

Из дому быстро вышел с ижевкой[1] за плечами совсем снаряженный Шалико, восемнадцатилетний комсомолец, страстный охотник и товарищ Бесо в его охотничьих делах.

Шалико был неутомимым ходоком, не боялся никакой опасности, отлично стрелял и хорошо устанавливал капканы. Только в следах зверей он разбирался еще плохо. А Бесо, опытнейший следопыт, с радостью натаскивал молодого охотника, делился с ним опытом, рассказывал все, что сам знал о зверях, о их жизни и привычках. Еще вчера уговорились они пойти проверять капканы.

— Вайме, деда[2]. Холодно сегодня,— сказал Бесо.— В такой мороз волки особенно рыщут.

— Хоть один капкан да зацапает что-нибудь. Больше всего надеюсь я на нашего поросенка. Там ведь целых три капкана. Волки, должно быть, уж попробовали нашего угощенья.

— Волк — хитрый зверь, — сказал Шалико.

— Он хитрый, да и мы с тобой не дураки. Волка нетрудно поймать. Надо только уметь ставить капканы. Хочу я за зиму поймать не меньше пятнадцати волков. Ты поможешь — вместе сдадим шкуры,— сказал Бесо.

Охотники уже далеко отошли от Сагареджо, направляясь в сторону Манави.

Слева, заваленный снегом, уже алел Гомборский хребет, а внизу, на равнине, еще был полумрак и свет боролся с ночью.

Прошли километров пять.

Стало совсем светло.

У широкого входа в ущелье, на полянке, впереди кустарных зарослей, на белой глади снега, чернела тушка крупной собаки, которую Бесо и Шалико притащили сюда больше двух недель назад. Возле нее они насторожили два капкана, искусно прикрыв их снегом.

Охотники остановились. Бесо достал бинокль и стал внимательно всматриваться.

— Кажется, есть,— спокойно сказал он.

Они осторожно подошли и шагах в сорока ясно заметили, что падаль тронута, что от нее к зарослям ведет глубокая борозда: это пытался скрыться зверь с капканом на ноге.

Бросились по следу.

В сотне шагов от падали, у куста боярышника, они увидели лежавшего на боку, зацепившегося крючком капкана за корни волка. Он пытался встать на ноги, падал и, подняв в их сторону морду, свирепо рычал и щелкал зубами. Передняя нога его прочно застряла в капкане.

Бесо ловко прикончил волка, ударив его по голове грушевой палкой.

Они содрали с него пушистую шубу, а мясо бросили для приманки рядом с трупом собаки.

В капканах, поставленных на лесных тропках за полотном железной дороги, не оказалось ничего. Охотники направились к бугру «Дампалас-цихе», у подножья которого был положен поросенок.

Бесо издали осмотрел в бинокль место привады и в недоуменье пожал плечами.

— Что там? — спросил Шалико.

— Поросенка нет, но и волка нет!

Подошли вплотную к месту ночной трапезы волков.

Бесо стал осторожно обходить и пристально разглядывать следы, что-то соображал, долго вглядывался в капкан с волчьими ногами, в башку волка со стеклянными глазами и прикушенным языком.

Шалико следовал за ним по пятам, стараясь самостоятельно разобраться в том, что здесь произошло.

Бесо молчал и принялся внимательно изучать волчьи следы, уходившие от места привады.

— Отсюда подошел один волк,— сказал, наконец, старый охотник. — С этой стороны подошли еще волки... Но сколько же их было?

Он нагнулся, стал рукою ощупывать ямки следов, вытащил из одной кусок снега, размял его в руках. Шалико во все глаза глядел, как старый охотник по плотности снега под следами определял, сколько здесь было волков.

— Не меньше трех! А вот отсюда они ушли... Видишь прямую цепочку в сторону Коруха?

Он нагнулся и опять потрогал пальцем ямки.

— Да, да! Здесь было три волка... И все трое ушли. А четвертого, который попался в капкан, они разорвали и сожрали... Но посмотри, Шалико, какие здоро-

[1] Ижевка — по имени Ижевского оружейного завода — одностволь ное ружье.

[2] Ай, мама!—по-русски.

На снегу были видны четкие следы Острого зуба.

венные следы! Я таких еще не видывал. Посмотри ты на его лапищу... Это не волк, а буйвол.

И Бесо хлопнул себя рукою по лбу и щелкнул языком от восхищения.

Местами четкие следы Острого зуба резко выделялись на снегу и снова вызывали восхищение Бесо. Он опять показывал их Шалико, и они любовались отпечатками могучих лап.

— А знаешь, Шалико, я не хочу пятнадцати волков, не хочу и сорока... Только бы мне вот этого здорового волчину поймать!

Шалико еще никогда не видал старика в таком возбуждении.

Заправив и здесь — на всякий случай — сорванный с места капкан, Бесо бросил возле него волчьи остатки и собрался уходить. Но вдруг остановился и каким-то особенным, торжественным голосом сказал:

— Шалико! Даю слово и сдержу его, что я убью этого огромного волка... Спать не буду, отдыхать не буду, а найду и захвачу. В капкан его, чорта, не поймаешь: слишком он хитер. Я убью его из ружья... Всех наших охотников соберу, а убью. И ты, Шалико, должен мне помочь.

Еще раз осмотрел Бесо следы, зорко оглядел все тропки зверей и особенно «цепочку», уходившую в сторону Коруха.

Вечером Бесо собрал лучших сагареджинских охотников и долго обсуждал с ними, как поймать огромного волка. Решили обложить и хорошенько прогаить[1] все крепи и заросли по Иоре. Только там, по мнению охотников, и должны были сейчас держаться волки.

Голодная зима

Крупная серая, с черною спиною, матерая волчица, злая, хитрая и смышленая, настоящая ведьма, кочевала со своим выводком вблизи реки Иоры, у села Муганло.

Уже четыре года, как она выводила свое потомство все в одном и том же месте, в логове, которое сама облюбовала и устроила по своему вкусу среди заросшего камышом болота — в заказнике[2] Корух.

Там, на бугорке, среди непролазной чащи ежевичных кустов, росло старое, полусгнившее дерево. Среди его корней шакалы выкопали нору. Ведьма прогнала шакалов, отвоевала у них нору, расширила ее и устроила надежное гнездо, укрытое от дождей и непогоды.

Неподалеку от норы была река с селениями по берегам, а в заказнике водилось много зайцев и фазанов...

В апреле Ведьма принесла пять волчат, но выжили до осени только трое. Одного еще в августе убил лесной сторож, когда волчонок неосторожно вылез из камышей и пытался поймать молодого зайца, а второй попал в капкан. Зато трое оставшихся в живых прибылых[3] были крепкие восьмимесячные волки. Ростом и силой они сравнялись со взрослыми и уступали им только в смышлености, опыте и осторожности.

Под руководством матери в последние месяцы они стали делать вылазки даже к отдаленным селениям, бродили ночами километров за пятнадцать от логова, упражняясь в беге, в хитростях, и проходили всю школу трудной волчьей науки: как добывать пищу и как спасать свою шкуру.

Опытная Ведьма служила для волчат примером. Они слепо следовали за нею, доверяя ее уму и силе, и с каждым разом убеждались все больше, как важно для волков соблюдать волчьи законы — сохранять постоянную осторожность и предусмотрительность.

Малейшее подозрение, едва уловимый звук, в котором волчата не чуяли ничего страшного, еле заметный запах человека — и волчица неизменно уводила в сторону своих волчат, затаивалась, выжидала и, только уверившись в безопасности, бесстрашно вела за собою свое племя.

Молодые звери, случалось, нервничали, природная кровожадность подмывала их броситься на, казалось, беззащитную жертву, а волчица вдруг отводила их в сторону и отказывалась от легкой и доступной добычи.

Ведьма почти никогда не ошибалась: жизнь на каждом шагу доказывала это волчатам.

И понемногу все трое инстинктивно старались перенять от нее ее хитрость, осторожность и выдержку.

Извечный закон диких животных — бояться всего нового, необычного — волчата усвоили особенно твердо.

Зато сколько удачных нападений провели они с матерью! Сколько вкусных животных зарезали и растерзали крепкими, молодыми зубами! Поймали пять зазевавшихся собак, сожрали десяток зайцев, зарезали в лесу шесть свиней, трех баранов, двух телок, осла и жеребенка. Но

---

[1] Гаить — охотничье выражение: обыскать и пройти участок, где скрываются звери.

[2] Заказник — участок, в котором запрещена охота.

[3] Прибылыми охотники называют волков, родившихся в текущем году.

иногда ели и падаль, которую ловко и умело разыскивала волчица.

В последнее время, когда выпал снег, вся живность куда-то исчезла. Ни овец, ни свиней в лесу не было, собаки, хоть и брехали в селеньях, а в поле не выходили. Голод подвел волкам животы. Отощавшие, злые, звери бродили целыми ночами, обегали все окрестности, но с'естного ничего найти не могли. Только несколько обглоданных костей да пять дохлых куриц достались на их долю за всю неделю.

Голодные волки дневали сегодня вблизи Иоры в огромном, засыпанном снегом кусте ежевики. Здесь спали они весь день, тесно прижавшись друг к другу.

На закате Ведьма подняла голову, несколько раз судорожно зевнула, поднялась на ноги, вытянулась, принюхалась и осторожно вылезла из куста. Следом за нею выбрались и волчата.

Среди густых зарослей и молодых деревьев волчица спокойным шагом пошла в сторону Муганло. Волчата гуськом следовали за нею, попадая ей след в след, в точности повторяя движения матери.

Как ни осторожна была в своих движениях волчица, но иногда задетый ею куст или молодое деревцо вдруг обдавали облаком снежной пыли. Волчица не обращала на это внимания и, встряхнувшись, продолжала путь. Волчатам с непривычки не особенно нравились эти снежные души, но и они, по примеру волчицы, ничем не проявляли своих чувств и спокойно следовали за матерью.

Подошли к опушке леса, залегли между деревьев.

Стало смеркаться.

В деревне появились огоньки.

Собаки лениво перелаивались между собою. Временами доносился говор людей.

Волчица тихо лежала, устремив глаза на деревню.

Умная Ведьма задумала хитрую штуку и ждала, чтобы замер в селенье шум, чтобы люди успокоились и уснули.

Охота на собаку

Прошло часа два.

То в том, то в другом домишке гасли огоньки. Стало тихо. Казалось, заснули даже собаки.

В ясное, звездное небо прямыми белесыми столбами подымался дым из бухаров. Иногда в нем мигали огненные искорки: это хозяин ворошил затухавшие поленья.

Из-за хребта вылезал месяц.

Над рекою густой пеленою стоял пар.

Волки с опушки выбрались на дорогу, которая вела прямо в селенье, и цепочкою следовали за волчицей.

У самой деревни один сильный и смелый волчонок отделился и пошел вправо. Шагах в ста от дороги он залег за кустом и затаился.

Оба других волчонка свернули влево и тоже залегли вблизи от дороги, за буграми.

Ведьма, поджав полено[1], тихими, воровскими шагами направилась прямо в деревню.

Она неслышно прошла уже по первой улице, как вдруг из ближайшего двора на нее отчаянно залаяла маленькая собачонка.

Она заливалась непрерывным визгливым, жалобным нето лаем, нето воем и, стоя на высокой глинобитной стене, наблюдала за волчицей.

А та, как ни в чем не бывало, чуть пригнувшись и притворяясь испуганной и нерешительной, тихо продвигалась дальше под вой, визг и лай всполошившихся в соседних дворах собак.

На улицу выскочила огромная овчарка и с грозным ворчаньем бросилась на Ведьму. Волчица, видимо, испугалась не на шутку, поджала хвост, быстро повернулась и крупной рысью побежала к дороге, откуда только что пришла.

Овчарка бешено гналась за волчицей, обманутая ее трусливым видом. Все остальные собаки остались в своих дворах и только усилили отчаянный собачий концерт.

А храбрая овчарка, забыв осторожность, с хриплым лаем уже неслась за волчицей по дороге, чтобы догнать и задушить врага.

[1] Поленом охотники называют волчий хвост.

Но едва миновали они то место у дороги, откуда свернули прибылые, как с двух сторон сзади показались светящиеся глаза трех голодных волков. Они бросились нагонять собаку, и в ту же минуту Ведьма неожиданно повернулась всем телом и яростно бросилась на овчарку. Сзади кинулись волчата. Пес грузно рухнул на землю.

В несколько минут от неосторожной овчарки ничего не осталось. А волки облизывались и «умывали» морды о снег.

Добыча не насытила четырех голодных зверей, а только растравила их апетит. Из селенья еще доносился затихавший собачий лай.

Волчица повела волчат далеко в обход селенья и снова подошла к нему с противоположной стороны.

Близился рассвет. Затравив еще одну собаку, волчица пошла в сторону Иоры, в свои излюбленные заросли.

По дороге волкам удалось окружить жировавшего зайца. Он нарвался на волчонка, который слопал его целиком, не поделившись с братьями.

Подойдя к опушке леса, Ведьма остановилась, высоко подняла морду и вдруг завыла зловещим, глухим воем. Волчата стали ей подвывать. И по тихим снежным просторам раздался волчий вой. Вдали отозвался другой могучий голос, второй, третий. Острый зуб с переярками отвечал волчице: он шел в ее сторону.

Ведьма с волчатами улеглась под огромным, заваленным снегом кустом. Под его сводами сохранилась сухая трава, там было тепло и тихо. Переярки забрались в другую гущину, по соседству, а Острый зуб расположился в стороне от остальных, среди самых колючих и густых кустарников.

Ночь кончалась. Наступал поздний рассвет.

Еще ярко блестела на горизонте утренница, а осторожные звери уже скрылись в чащобах, где никакой охотник не смог бы их найти.

Разведка

Волки перешли Иору справа от Муганло, где река, расширившись, тонким, хрустальным слоем переливалась через полосу гальки и мелкого камня.

Острый зуб, а за ним вся его команда шли крупной рысью, переходя при сильных под'емах в обычную волчью трусцу.

Миновали засыпанное снегом спящее селение Азамбур, прошли мимо соленого озера и, не останавливаясь, затрусили дальше по едва приметному проселку.

Острый зуб направлялся в Давид-Гареджийскую пустыню, по-грузински Удабно, где зимою выпасалось много овец.

За какие-нибудь три часа волки отмахали больше тридцати километров и остановились на пригорке, внимательно рассматривая заваленную снегом горную равнину.

Темнота ночи не помешала зорким, волчьим глазам разглядеть расположенные недалеко от них пастушьи бины[1] совхоза Удабно.

В одной из землянок пробивался смутный огонек: видно, там ночевали пастухи. Дымок легкою струйкой подымался к небу. Тянуло тяжелым, сытным запахом овечьих отар.

Острый зуб и Ведьма осторожным шагом направились к бинам.

На ночь и в непогоду пастухи загоняют овец в низкие тесные земляные бины, полуврытые в землю, крытые камышом или колючкою, поверх которых навалена для теплоты земля. Редкие дыры-отдушины в потолке не освежают воздуха в бинах. Овцы набиты в них как спички в коробке, по 200—300 голов. Там стоит смрадный, тяжелый овечий запах, зато овцам тепло, и они охотно бегут на ночь в бины.

Верные хранители добра, на дворе, у входа в бины, ночуют овчарки, часть их бродит дозором вокруг.

Предусмотрительные пастухи бреют псам кончики хвоста. Укладываясь спать, овчарка так подворачивает хвост, что его пушистый конец приходится к носу и мешает собаке, по мнению пастухов, хорошо чуять. Все овчарки в Удабно — с бритыми кончиками хвоста, все спят чутко, все готовы в любую минуту броситься на врагов.

[1] Бины — крытые камышом землянки, в которых ночуют зимою пастухи со своими овцами.

Десять кавказских овчарок—это страшная сила.

Стоит им зачуять чужих людей, хотя бы за два—три километра, как они дружно с лаем летят в их сторону, и горе тогда одинокому охотнику и его легашу, если пастухи вовремя не отсвищут своих псов!

Бывали случаи, когда они разрывали на глазах охотников их собак, стягивали с лошади и калечили верхового. А сколько они задушили неопытных волков и лисиц, которые слишком неосторожно приближались к отарам! Только могучий карьер волка да бешеный скок лисицы могут спасти еще этих зверей.

Острый зуб со своей спутницей осторожно двинулся в сторону бин.

Они неслышно подошли к бинам с подветренной стороны. Собаки их не чуяли. Зато волки отлично различали среди доносившегося до них густого овечьего запаха раздражающий собачий дух.

В бинах слышалось редкое блеяние молодых барашков, успокаивающее фырканье овец. Порою тявкала дежурная овчарка.

Волки внимательно наблюдали, слушали и обходили кругом бины, постепенно от них удаляясь.

Теперь они оказались за ветром. Чуть слышное колебание воздуха донесло до чутких псов острый, волчий запах. Вся стая овчарок вскочила как одна, ощетинилась и с неистовым лаем и визгом бросилась со всех ног в сторону волков.

Опытные бандиты не стали дожидаться псов и во всю прыть пустились наутек.

Уснувшая равнина застонала от злобных визгов и лая овчарок, гнавшихся за волками. Свист, крики, улюлюканье и выстрелы вскочивших пастухов поддавали жару преследователям.

Но Острый зуб и рядом с ним Ведьма неслись таким бешеным карьером, что скоро оставили далеко за собою рычащую свору овчарок и уже достигли окружавшего равнину хребта. Они остановились, неуклюже поворотились всем телом в сторону собак. Сердца их бились и громко стучали. Волки разогрелись и дышали тяжело.

Только две—три самых злобных овчарки еще гнались по их следам, да и то скоро остановились, побрехали для формы, а затем вся стая медленно и лениво пошла восвояси.

Оба волка далеким кругом обошли равнину, перебрались к подножию хребта, у которого оставили свое потомство, и только к рассвету подошли к терпеливо ожидавшим волчатам.

Весь день волки спали в скалах соседнего ущелья. Во сне они взвизгивали, и им снились жирные овцы, глупые собаки и привольная, сытая жизнь.

В овчарне

На заходе солнца стая разбрелась и ходила вокруг бин с овцами. Волки стояли настороже, прислушивались, наблюдали.

Из-за гор вышел месяц и осветил Удабно мутным, сонным светом.

Острый зуб не уходил из-под скалы, где провел весь день. Он поднял к небу морду и завыл глухим басом. Вдали гнусавым тенором ему ответила Ведьма, завыли переярки, подвывали прибылые.

А внизу, у бин, в ответ раздался лай свирепых овчарок.

Волки скоро перестали выть, но сторожевые овчарки еще долго заливались неистовым лаем и суетливо бегали вокруг землянок с овцами.

Овцы трепетали, метались в своих теплых бинах, перестали жевать и трусливо озирались в темноте большими сонными глазами.

Все умолкло. Ночной покой опустился на землю. Уснули овцы, уснули собаки, спали чабаны.

Только волки жадными глазами наблюдали с недалекого хребта за землянками, где скрывалось столько теплого мяса.

Чуть заметный ветерок дул от бин в сторону волков.

Ведьма со Злюкою быстрою трусцою бросились вчерашним следом в обход равнины.

Они пробрались к тому месту хребта, куда вчера матерая с Острым зубом удрала от собак, остановились, снова стали пристально наблюдать за равниною и рас-

положенными на ней землянками с овцами.

Потом Ведьма, а по ее следам и Злюка осторожно спустились в равнину и прямиком воровскими шагами направились в сторону овечьих отар.

Собаки по ветру зачуяли волчий запах.

Снова поднялся страшный лай и вой. Все псы собрались в ту сторону, откуда несся волчий дух, и с ожесточением стали наступать на волков.

Волки подпустили овчарок довольно близко; они смотрели на них злыми и голодными глазами. Когда расстояние между волками и собаками уменьшилось примерно до двухсот шагов, обе волчицы неожиданно повернулись и неторопливым галопом стали уходить от собак.

Собаки с неистовым лаем полным карьером пустились за ними вдогонку.

Из бины выскочили чабаны и дали в сторону удалявшейся стаи несколько выстрелов. Это еще больше раз'ярило собак.

Но волчицы зорко наблюдали, чтобы расстояние между ними и собаками не уменьшилось. Их острые уши все время двигались, почти заворачивались в сторону собак, лучше глаз определяя расстояние, в каком находились преследователи. Волчицы то прибавляли, то уменьшали свои махи и уводили собак все дальше и дальше от землянок.

Между тем, как только на бинах раздался собачий лай, Острый зуб и Быстроногий спустились с хребта и бросились к ближайшей землянке с овцами.

Могучими передними лапами, помогая зубами, Острый зуб в несколько минут подрылся под земляную стену и вместе с Быстроногим ворвался в овчарню. Наткнувшись на массу скученных овец и ошалев от густого овечьего запаха, оба волка в несколько минут передушили и искалечили больше двадцати овец. Одним они перекусывали горло, другим рвали животы, валили на землю, от одной бросались на другую и резали беззащитных овец, обезумев от крови и множества добычи.

Не будь с ним опытного, старого, матерого, Быстроногий, наверное, продолжал бы эту кровавую расправу, пока его не застукали бы в бине проснувшиеся пастухи.

Но Острый зуб сообразил, что времени мало, и, схватив мертвой хваткой крупного, жирного барана, с трудом выволок его через пролом в стене. Следом за ним выскочил с овцой Быстроногий. Волки подняли морды и с захваченной добычей что было сил бросились бежать.

С огромным бараном в зубах, среди безмолвия ночи, старый волк скакал так, будто нес цыпленка. Здоровый переярок не отставал от отца, хотя и его добыча весила немало.

Сильно развитые и крепкие шейные мускулы и могучая челюсть волка позволяют ему таскать в зубах двухпудовых баранов.

И все же оба волка очень устали, пока добрались до скал в ущелье. Они бросили принесенную добычу, а сами в изнеможении легли возле.

Грозным рычанием они отогнали подошедших было к ним прибылых. Те расселись в отдаленье, терпеливо выжидая, когда и им перепадет кусок добычи.

Со стороны равнины еще слышался отдаленный, постепенно замиравший лай овчарок. Стая псов, отогнав волков, не торопясь, возвращалась к бинам.

А там уже открылось несчастье с овцами.

Шум в бине, тревожный топот овец, их испуганное блеянье разбудили мирно спавших чабанов.

Страшная картина представилась их глазам, когда с фонарем в руках они вошли в земляную бину и увидели зарезанных и издыхающих овец.

Люди проспали.

Голодные звери перехитрили и людей и собак.

Острый зуб и Быстроногий хорошо наелись в эту ночь. Ведьма и Злюка тоже получили свое, на долю прибылых остались одни об'едки.

Задолго до рассвета Острый зуб пустился снова в путь и к восходу солнца со всей семьей был уже среди привольных иорских зарослей. Там они забрались в гущину и заснули.

Облава

Было ещё темно, когда из Сагареджо под начальством Бесо выступила огромная толпа. На призыв Бесо выйти на борьбу с волками откликнулось столько народу, что многим пришлось отказать, а взять только самых опытных и крепких охотников. Часть их шла с ружьями, большинство же было вооружено одними палками и должно было играть роль загонщиков — кричал и молчунов.

Каждый вел на веревке одну, а то и двух собак. Тут были дворняжки, выродки легавых, маленькие злобные «шарики», были и четыре настоящих гончака [1], которых привезли охотники из Тбилиси, куда успел с'ездить Бесо. Сначала собаки ссорились, ворчали друг на друга, а затем, обнюхавшись и познакомившись, мирно шли рядом, весело виляя хвостами.

Среди приезжих охотников был известный зверовик Илико, присланный союзом охотников в помощь Бесо. Они шли рядом и громко обсуждали план предстоящей охоты. Рассказы Бесо про гиганта-волка взбудоражили охотничье самолюбие Илико. Он считал делом своей чести умело обложить и добыть редкого зверя, хотя и сознавал всю трудность этой задачи.

— И почему вы вовремя не разложили привады в этих местах? Ведь мы тогда могли бы рассчитывать наверняка застать здесь волков. А теперь—чорт его знает,— быть может, они бродят где-нибудь за сорок километров отсюда... Флажки надо было заготовить на шнурах. Как бы они нам пригодились!

И охотник стал об'яснять Бесо, как в России применяют на волчьих облавах флажки и как они полезны на охотах. Окруженные флажками, волки уже никуда не уходят, и их тогда нетрудно взять.

— Впрочем, ничего, — продолжал Илико,—мы и без них как-нибудь справимся.

Не доходя Сигнахского шоссе, у глубокой Корухской канавы, охотники сделали привал и закусили.

Бесо и Илико отделили охотников от гайщиков и рассказали подробный план охоты. Решили провести три гая, подвигаясь постепенно в сторону Муганло.

Со стороны хребта Цива к реке Иоре тянул слабый ветерок. И, чтобы волки не учуяли людей, решено было расставить охотников вдоль реки, а гайщиков пустить со стороны шоссейной дороги.

Они должны были идти молча, медленно, не терять из виду друг друга и чуть похлопывать в ладоши или палкой по деревьям. Криком испортишь всю охоту по такому осторожному зверю, как волк.

Восемнадцать надежных стрелков с ружьями отделили на пересаду [2] и с обеих сторон пересады поставили по двадцати молчунов, чтобы зверь не прорвался в сторону.

— Все наше дело пропадет, если будем шуметь и кричать!—в последний раз предупредил Илико.

В полном молчанье, обходя далеко вправо заросли и лесные чащи, охотники и молчуны следом за Илико, цепочкою, как волки, направились к Иоре. Гайщики под начальством Бесо остались на месте, поджидая сигнального выстрела.

Дошли до Иоры. Илико поставил охранных молчунов и стал расставлять пересаду, выбирая для каждого охотника подходящий лаз [3] — наторенную зверем тропу, откуда надо ждать его появления.

— Кроме волка ничего не стрелять! Ни зайца, ни шакала, ни фазана... — заканчивал Илико свои наставления и торопливо шел дальше.

Солнце в сером небе стояло уже высоко. Охотники уминали под собою снег, чтоб он не хрустел, и надели белые балахоны, чтобы слиться со снегом и не бросаться волку в глаза.

Расставили и молчунов. Наконец, раздался сигнальный выстрел. Все замерли на своих местах, крепко сжимая ружья, забыв о морозе, который сильно кусал руки.

Почти на километр развернул своих гайщиков Бесо: он вел их широким полукругом в направлении пересады. Поляны и пустые лужайки охотники проходили быстро, заросли, кусты и лесные чащи обыскивали медленно, тщательно присматриваясь к следам. Попадались зайцы, с шумным свистом взлетали фазаны, пригибаясь низко к земле, шмыгали среди кустов шакалы.

---

[1] Гончак — гончая собака.

[2] Пересада — линия стрелков-охотников, на которую гайщики выгоняют зверя.

[3] Лаз — тропа среди зарослей, которою ходят звери.

Цепь гайщиков постепенно приближалась к пересаде, легонько похлопывая в ладоши и постукивая по деревьям, как учил Илико.

Крупный старый волк-одинец[1], давно отставший от стаи, со стертыми, желтыми зубами, с темной, почти черной спиной, голодный и злой, крепко спал в густой заросли терновника. До его тонкого слуха донеслись подозрительные шумы и шорохи. Он вскочил, насторожился и стал бесшумно пробираться среди зарослей кустарника, наискось к Иоре, не выходя на открытые места.

Вдруг он остановился. Впереди, на поляне, неподвижно стоял человек. Справа и слева от него — еще люди. Волк набрел на молчунов.

Старик быстро повернул влево — прямо к Иоре.

За деревом стоял Шалико, он словно прилип к дереву. Белый балахон почти сливался с засыпанным снегом кустарником.

Охотник зорко следил за лазом, он вовремя заметил пробирающегося среди чащи волка.

На двадцать шагов он всадил волку весь заряд картечи под лопатку, и зверь рухнул без движенья.

Почти следом за выстрелом Шалико, правее, раздались один за другим два выстрела. Тифлисский охотник дуплетом промазал молодого прибылого, он прорвался за пересаду и во весь мах удирал через Иору в гору.

К пересаде подошли гайщики. Первый гай кончился.

Илико шопотом распоряжался. Он отдавал короткие приказания, напоминая, что второй гай самый ответственный.

Гайщики безмолвно ушли назад к шоссе, а Илико направился дальше, вдоль реки Иоры, расставлять пересаду и молчунов.

Снова прогремел сигнальный выстрел, снова гайщики углубились в заросли и лесные чащи Коруха.

Охотники терпеливо ждали.

Именно здесь, в этой части Коруха, как правильно сообразил Илико, дневали наши волки, забывшись крепким сном после тревожной ночи.

Но ухо волка и во сне слышит. Волк особенно боится подозрительных, тихих, осторожных шумов. К тому же вдруг резко застрекотали крикливые сойки, проверещала сорока, пронеслось быстрым полетом несколько испуганных черных дроздов. Все показывало, что надвигается опасность.

Первыми вскочили переярки и стали воровски пробираться по кустам в сторону Иоры.

Ведьма лежала в стороне от них. Зачуяв опасность, она зевнула, неспеша встала и тоже пошла, избегая открытых мест. Прибылые крались за матерью.

Острый зуб, забравшись в огромный колючий куст ежевики, слышал не хуже других волков подозрительные шорохи и предостерегающие крики птиц. Однако он так хорошо наелся ночью, так сладко спал после тяжелой работы, ему было так тепло, что он не торопился вставать. И он продолжал лежать на согретой его телом сухой траве и листьях. Только подвижные уши его шевелились и двигались во все стороны.

Один из гайщиков набрел на его огромный след, который вел к норе. Гайщик тихо подозвал товарищей. С пятью собаками они направились в заросли, где залег волчина.

В это время гончие напали на следы Ведьмы и переярков. Лес огласился их возбужденным, яростным гоном. К нему присоединились остальные собаки и на разные голоса, ныряя в снегу и гонясь за далеко ушедшими гончаками, поддерживали их своим лаем. Поднялся невообразимый шум.

Гончие разбились. Одна, пригнув к земле морду, с тонким визгом бешено мчалась по следам Ведьмы, трое других бросились за переярками, торопливо пробиравшимися к Иоре.

Заслышав шум и завидев подходящих людей, Острый зуб осторожно выбрался на противоположную сторону заросли и пустился наутек, заворачивая круто вправо, туда, откуда шли гайщики. Люди видели огромного волка, пытались перехватить ему дорогу, не пустить его назад. Но Острый зуб мчался, как бешеный, прорвал линию гайщиков и быстро скрылся в чаще густого кустарника.

Погнавшиеся было за ним дворняжки скоро вернулись и, не сознавая своей неудачи, радостно виляли хвостами, будто сделали великое дело.

[1] Одинцом называют охотники всякого старого зверя, который уходит из стаи и живет в одиночестве.

Крепко выругались гайщики, но делать было нечего, пошли дальше.

Далекий собачий гон приближался.

Из чащи выглянула острая морда Быстроногого. Он приостановился. Такнул выстрел. Переярок присел на землю, затем вскочил и бросился в сторону. Второй выстрел догнал его в пятидесяти шагах и уложил на месте.

Следовавшая за ним Злюка бесшумно проскочила через пересаду, пока охотник расстреливал ее незадачливого брата, и быстро неслась уже за Иорой, в сторону гор. Слева и справа пальнули по ней из ружья, но ни одна картечина не задела шустрой волчицы.

Ведьма с прибылыми бросилась сначала к Муганлинской стороне, но наткнулась на молчунов. Сзади наседали собаки во главе с голосистой гончей. Ведьма осторожной трусцой побежала к Иоре, но тут напоролась на самого Илико, терпеливо выжидавшего за деревом.

Среди засыпанных снегом кустов мелькала серая шкура огромной волчицы, а за нею как тени бежали трое прибылых.

Первым выстрелом Илико уложил Ведьму, сразив ее штуцерною пулей в шею, вторым повалил веселую, молодую волчицу Игрунью.

Обе волчицы легли в десяти шагах друг от друга, а оставшиеся в живых два переярка бросились бежать вдоль пересады. Раздались один за другим выстрелы. Но оба волка унесли счастливо свои шкуры и ушли невредимыми из страшной огненной цепи.

Уже солнце спустилось совсем низко, когда охотники заканчивали третий и последний гай, самый крайний к Муганло.

В этом гаю подняли только одного волка. Собаки яростно бросились по его следу. Но бывалый бродяга пошел в сторону, в густые заросли, обошел молчунов и скрылся бесследно в чаще.

В этом гаю никто даже не стрелял.

Охота была кончена.

Все собрались вокруг Илико и Бесо, которые горячо обсуждали подробности облавы, указывали на ошибки и промахи, хвалили отличившихся стрелков и гайщиков.

Четыре волка лежали тут же.

Бесо, подтачивая острый нож, быстро и умело снял с них шкуры.

Охотники выбрались к Муганлинской дороге и, раздув костры у ручья, сделали привал.

Трещали весело костры, люди ели поджаренный на огне чурек с сыром и запивали вином.

Но Бесо был невесел.

— Пока не убьем Большого волка, не успокоюсь, — сказал он. — Как я увидел опять сегодня его лапы на снегу, так вся кровь во мне загорелась... Вот это волк!..

— Ну, будь здоров, Бесо! — мохевец[1] выпил за него целый стакан.

Отдохнув, с песнями, охотники пошли на Сагареджо.

Месяц стоял высоко в небе.

Вдруг от берега Иоры, где Бесо свежевал волков, раздался заунывный басистый вой. Ему ответил второй волчий голос, третий, четвертый. Волки надрывно и страшно выли.

— Оплакивают своих покойников!—засмеялся кто-то из охотников.

Но волки, конечно, не оплакивали погибших родичей.

Трудно решить вопрос, почему волки воют.

Один старый охотник говорил, что воют они с голодухи. Другой считает, что воем волки созывают свою стаю, чтобы идти вместе на добычу. Некоторые уверяют, что волки, как и другие хищники: лев, тигр, гиена и шакал, — воют перед выходом на охоту, чтобы устрашить свои жертвы, навести на них панику. Есть и такие охотники, которые говорят, будто никаких причин для воя у волков нет, кроме случая, когда матерые перекликаются с выводком; что волки, мол, воют, как и все звери, просто от желания «подать голос»: хочется им покричать — вот и воют!

*

Острый зуб первый подошел к месту, где лежали ободранные трупы Ведьмы и двух волков. Скоро притрусила Злюка, а за нею — два осиротевших прибылых.

Голод донимал молодых волков. С жадностью глядели они на лежавшее перед ними мясо, ходили вокруг да около, опасаясь засады.

Наконец, не выдержали, бросились, рыча и лязгая челюстями, и стали пожирать остатки матери, сестры и брата.

Сытые еще с ночи, Острый зуб и Злюка тоже подошли осторожно и последовали примеру младших. И скоро от падали остались одни черепа да кости.

---

[1] Мохевцы — грузины, жители горного ущелья Хевы у Казбека.

В эту ночь волки доотвалу наелись свежего мяса, а к утру перебрались к Бадиаури, где залегли в густой крепи кустарников вблизи Иоры.

Вчерашняя охота напугала старого волка. Он чуял, что здесь для него уже небезопасно, что надо отсюда уходить подальше.

У заповедника

Острый зуб с детьми каждую ночь забирался все дальше и дальше от Сагареджо.

Прошли Магаро, дневали в зарослях у Яблонового кута.

У Алазанского совхоза зарезали и пожрали молодого бычка.

За Алазанью днем Острый зуб почти на глазах охотника, ходившего по фазанам, утащил его легаша.

Через три дня волки бродили уже в Белоканском районе.

Здесь им не повезло: два дня ничего не попадалось.

Старик шел впереди, за ним прибылые, а Злюка, заняв место Ведьмы, замыкала волчью цепь. Так бродили они, голодные и злые, пока не добрались к границам заповедника и задневали на поляне Рехутала.

В лесу, по снегу, всюду виднелись следы свиней и каких-то крупных животных. В них опытный глаз Острого зуба сейчас же признал оленей, самую дорогую и любимую волками дичь.

Апетит старого бандита разыгрался, ему захотелось поесть оленины, попить горячей крови.

Но взять оленя волку не так-то легко. Оленя носят сильные ноги. Он осторожен и чуток, да и кроме того у нас теперь редко встретишь оленя.

А пока что Злюка поймала и с'ела здесь же, на поляне, жирного барсука, который выбрался из теплой норы и задумал погулять по снегу.

Под Ахкималом волки устроили облаву на свиней: им удалось зарезать двухпудового кабанчика, мясо которого особенно понравилось прибылым: никогда раньше они не пробовали дикой поросятины.

Здесь, в Реху-тала, они свели знакомство и дружбу с другими волками, которых в окрестностях было множество.

Особенно пришелся им по душе совсем особенный, белый волк — двухлетний переярок. Он был светлосерый, но на расстоянии казался совершенно белым. На первых порах это смущало наших волков, но скоро они привыкли к светлой шкуре нового товарища и больше не обращали на нее внимания.

С белым волком к их стае присоединились и его два брата — здоровые переярки обычного, серого с черным цвета.

Теперь стайка Острого зуба состояла опять из семи крепких, кровожадных волков, слепо следовавших за вожаком, готовых поддержать и выполнить все его хитрые выдумки.

Стая незадолго перед рассветом подымалась в полгоры по ущелью. Острый зуб как всегда шел впереди.

На склоне хребта, среди букового леса, жировали олени. Два огромных самца с ветвистыми рогами, несколько самок и ланчуков[1] медленно двигались в сторону от волков, раскапывали копытами снег в поисках буковых орешков, скусывали тонкие ветви кустарников с торчащими кое-где сухими листьями, обгрызали с голодухи кору деревьев.

Внизу ущелья, почти у самой речушки, бежавшей по его дну, отделившись от других, обкусывал присохшие лопухи и крупные бодыли бурьянов красивый небольшой рогаль.

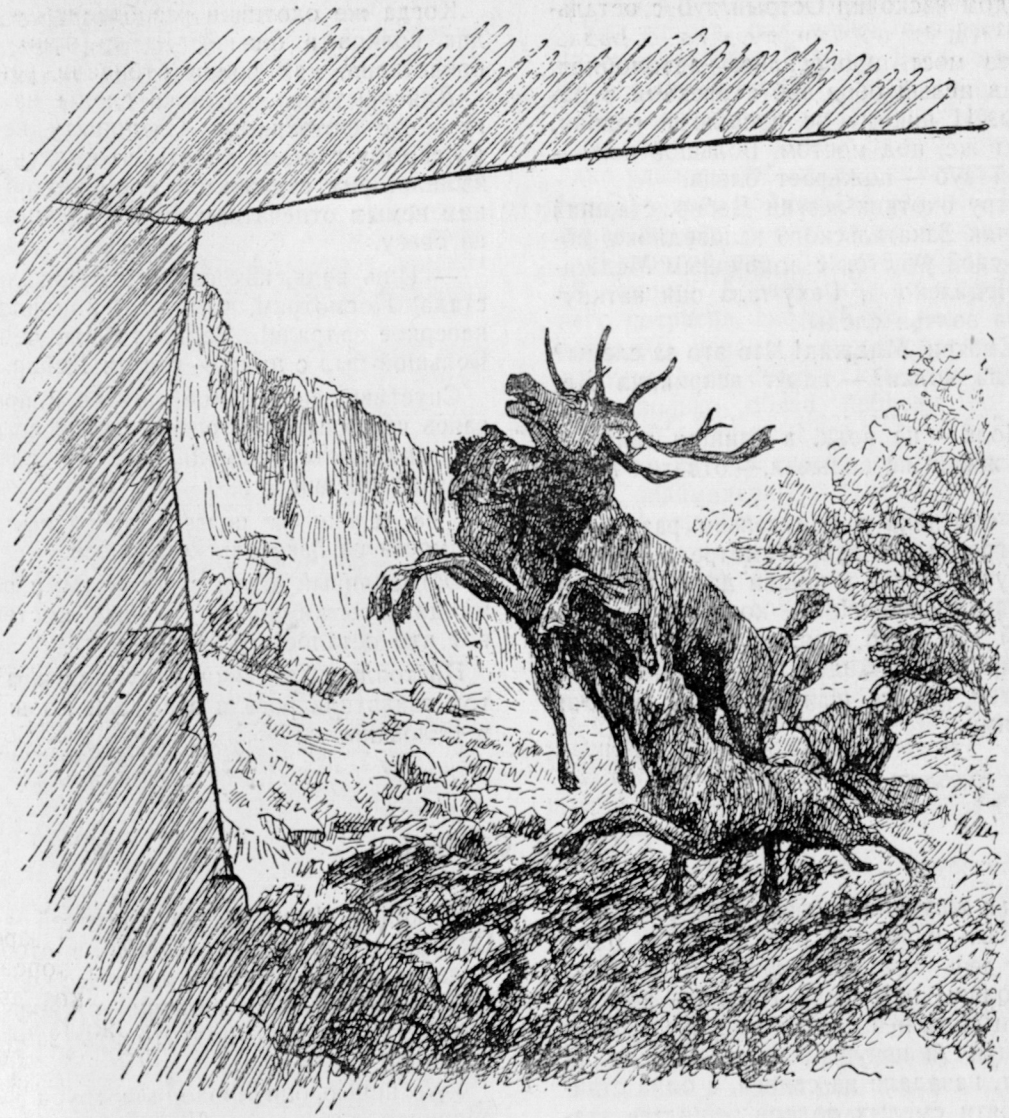
Прикрываясь кустами и стволами огромных буков, волки неслышно поползли в сторону оленей.

Когда до них оставалось не больше ста шагов, Острый зуб огромным прыжком выскочил из засады и в карьер бросился «отрезать» рогаля от стада, которое вмиг унеслось в гору.

Испуганный, отбитый от своих, олень со всех ног пустился по ущелью речки. Высоко была поднята его благородная голова, рога лежали на спине, ноздри раздувались. Рогаль мчался, выбирая места, где меньше снега, делал саженные прыжки, скакал по воде, через камни, через бурелом...

Но и волки не отставали. Неутомимым карьером гнались они за своею жертвою,

[1] Ланчук — молодой олень до года.



Волки выскочили из засады и вцепились в грудь рогаля.

искусно направляли ее бег все по ущелью, не давая рогалю свернуть на хребет. Острый зуб с прибылыми скакал по одной стороне ущелья, Злюка, Белый и другие неслись что есть силы по другой.

Рогаль выскочил в русло реки Немировчай.

Обезумев от погони, с побитыми о камни копытами, с трудом перескакивая через глубокие снежные завалы, олень, широко раскрыв рот и раздувая нежные ноздри, мчался уже не так быстро. Ноги его теряли упругость, но он, выбиваясь из сил, скакал по реке.

Обогнав огромными махами Злюку, Белый выскочил вперед и помчался куда-то в сторону, уводя за собою Злюку. Остальные не отставали от оленя.

Пылала яркокрасная заря. В страшном молчанье неслись волки и их жертва.

Волки тоже гнались из последних сил. Еще километр такой скачки—и олень был бы спасен! Но на его беду речушка протекала под высоким мостом Закатальского шоссе. А здесь его уже поджидали Белый и Злюка.

Едва рогаль влетел под мост, как в грудь ему вцепились остервенелые звери и мгновенно прокусили шею. Белый и Злюка переняли оленя. Он рухнул на землю.

Следом наскочил Острый зуб с остальными.

Через мост проносились автомобили, проехал целый обоз арб с орехами в Закаталы. И никому не пришло в голову, что тут же, под мостом, Большой волк— Острый зуб — пожирает оленя.

Поутру охотник-лезгин Дебир, старший об'ездчик Закатальского заповедника, обходил свой участок с подручным Меджидом. Недалеко от Реху-тала они наткнулись на волчьи следы.

— Смотри, Меджид! Что это за следы? Неужели волки? — вдруг вскрикнул Дебир.

— Волк — не волк, а лапищи такой я еще в жизни не видывал,— ответил Меджид.

Оба охотника с удивленьем разглядывали огромные следы. Осмотрели на всякий случай ружья и пошли дальше, следя за волчьей «цепочкой», которую провел Острый зуб и его стая.

Дебир с Меджидом пробирались тем же путем, каким шли волки до встречи с оленями.

Когда же охотники разобрались в следах волков и оленей, Дебир ясно себе представил, как волки отбивали рогаля.

Для опытного охотника следы на снегу — что фотоснимок. Следопыту не надо самому глазами видеть, что здесь произошло: ему становится все ясно по одним немым отпечаткам копыт и лап зверя на снегу.

— Ишь ведь, как они его отбивали от стада! Посмотрим, чем это кончилось... наверное задрали!.. Ведь их было семь, и Большой был с ними,— сказал Дебир.

Спустившись в самое ущелье и пробиваясь через сугробы снега, Дебир со своим спутником упорно шел по следам оленьей погони.

Уже далеко за полдень добрались они до моста на Закатальском шоссе.

Обглоданный череп с ветвистыми рогами да огрызки ног и крупных костей — вот что осталось от оленя.

Постояли об'ездчики, задумались, а потом захватили рога и зашагали по шоссе в Белоканы.

Новая семья

Волчья жизнь шла своим чередом. Весь район был наводнен волками. За один только день три об'ездчика у Рехутальской поляны встретили тридцать волков.

Волки гоняли по снегу косуль, душили отощавших и изнуренных за зиму диких поросят, нападали на свиней, а одна стайка из пяти смелых волков решилась атаковать вблизи Белокан крупного кабана-одинца.

Борьба была жестокая. Кабану не сразу удалось победить зубастых хищников. Нескольких он жестоко изранил и зарубил клыками одного из нападающих. Остальные волки тут же пожрали своего, а кабан ушел невредимым.

В поисках мяса волки пытались подыматься и повыше в горы, но глубокие снега, обмерзшие скалы и кручи мало привлекали хищников, не давали им поживы. Обычно, в горы волки уходят уже в мае— в июне, когда там пасутся овцы. Они опять перебрались в низину, где охота удавалась лучше, где, кроме дикого зверя, можно было захватить и собаку, и буйволенка, и случайно отбившуюся лошадь.

К концу февраля, на вечерней заре, Острый зуб и Злюка трусили в сторону Сагареджо в поисках логова, которое предусмотрительная волчица, ожидавшая потомства, хотела подготовить заблаговременно.

Уже ночью они проходили трусцою по обочинам дороги Алазанского совхоза, в сторону Цнори. Неожиданно впереди показались два огромных ярких «глаза» и ослепили волков. Они остановились, попятились, но ничего не видели и не знали, куда надо бежать. А «глаза» молниеносно приближались, ширились и проникали, казалось, в самое нутро волков. По дороге шел автомобиль.

— Датико! Волки слева! — закричал шофер, который вез директора совхоза.

Тот тоже увидел блестевшие в свете фар четыре волчьих глаза и их словно застывшие, неподвижные фигуры. Быстро схватил ружье, приложился и, не доезжая до волков двух десятков шагов, выстрелил.

Автомобиль промчался.

Острый зуб был ранен: весь левый бок его покрылся кровью. Дробь густо про-

дырявила шкуру, но далеко не проникла. Старый волчина и на этот раз остался жив.

Добравшись до Иоры, волки быстро разыскали логово в Корухе, где родилась Злюка, где еще в прошлом году Ведьма принесла последних щенят.

Они облюбовали родное логово и, ожидая щенков, усиленно бродили в поисках пищи по окрестностям, избегая ближних деревень и селений.

Все охотники, наблюдавшие жизнь волка, знают, что вблизи логова волки никогда не промышляют, боясь, как бы не обнаружили жилище. Умный зверь и в этом случае показывает свою хитрость, смышленность, осторожность, уменье скрыть от людей свое потомство.

В начале апреля Злюка принесла пять маленьких темнобурых щенят.

Острый зуб каждую ночь таскал волчице какую-нибудь живность: то гуся, то схваченную на гнезде фазанку, зайца, кошку или собаку, то целого барана. Раз приволок полуживого барсука, и волчица попила его горячей крови.

На двенадцатый день щенки стали открывать глаза. Мать не отходила от них. Почти месяц она провела с малышами, а матерый неутомимо таскал и таскал пищу на все семейство.

Отощавшая было Злюка, со вз'ерошенной шерстью, стала понемногу от'едаться. Зато Острый зуб сильно похудел, стал поджарый, длинноногий, летняя, короткая шерсть сделала всю фигуру волка более стройной, не такой крупной. Пожалуй, сам Бесо, увидев теперь Большого волка, не узнал бы его.

На второй месяц оба родителя ночами уже покидали щенят и выходили на добычу.

Чуть опустится солнце, как Острый зуб, а за ним и Злюка осторожно выбирались из камышей, где находилось логово, и бежали на промысел.

Щенки постепенно переходили на мясо. У них прорезались острые, как иголочки, зубы.

Сначала волчица отрыгивала им размельченную пищу, но скоро стала давать и целые куски мяса. Малыши обильно их слюнявили, жадно жевали и ели.

С каждым днем щенки крепли и росли, и апетит их все увеличивался.

Отец и мать только и знали, что таскали пищу ненасытному потомству.

Как-то раз, под вечер, возвращаясь с полевых работ у Коруха, Бесо наткнулся на Большого волка.

Бесо подходил к шоссейной дороге и думал как раз о волках. За зиму ему с Шалико удалось добыть их семнадцать штук. Но Большого поймать не удалось. И Бесо никак не мог понять, куда он ушел.

«Вероятно, его убил кто-нибудь без моей помощи. А ведь сколько я трудов на него потратил, сколько раз мы с Шалико таскались ночами в мороз, сидели у падали, караулили, сколько капканов расставили, сколько облав провели по всему району!» — думал Бесо.

В эту минуту справа, среди редких кустов, окаймлявших большую канаву, Бесо увидел огромного поджарого волка, который прошмыгнул в сторону шоссе.

Бесо замер на месте: «Он или не он? Похож, да не совсем, какой-то странный, тонкий да узкий».

Бесо торопливо пробрался следом за волком в кусты: он понял, что серый перемахнул отсюда через канаву. Бесо спустился по наторенной тропке к воде и здесь на грязной земле, у воды, увидел четкий отпечаток огромной лапы Острого зуба.

«Вернулся волчина! — радостно подумал Бесо и сразу оживился.— Теперь-то уж я его найду, теперь уж он не уйдет!..»

Бесо быстро зашагал к Сагареджо и по дороге строил планы охоты, обдумывая, как лучше выследить и захватить волка.

В тот же вечер он поделился новостью с Шалико и долго сидел в его комнатке, разрабатывая план охоты.

А волк и не чуял заговора охотников. Неутомимо рыскал он кругом, убегал за десятки километров и без устали носил своим серым детям добычу.

Волчата выросли и окрепли. Родители стали таскать им и живую добычу. Както Злюка принесла полуживого хомячка, другой раз — зайчонка, колючего ежа, полупридушенную собачонку. Зверята сразу проявили свои инстинкты. С жадностью принимались они терзать и рвать животных. А старики словно улыбались, глядя на забавы своих малышей.

Днем волчата выползали из гнезда, грелись на солнце, играли и неуклюже прыгали, а потом, собравшись в теснную кучку, мирно спали

Текло время. Шли дни. Но охотники их даром не теряли.

Последняя встреча

Бесо хорошо понял, что логово волка где-то недалеко, что у его волчицы щенята, что волки ежедневно ходят на промысел.

Нужно было найти лазы, которыми волки выходят и по которым возвращаются обратно. А тогда уже терпеливо караулить, сидеть ночи напролет, поджидать Большого на его тропах.

Бесо и Шалико бросили все дела, принялись за выслеживанье, забыли семью, друзей: все мысли их были заняты Большим и его выводком.

Верхом, чтобы не оставлять человечьих следов, Бесо и Шалико начали осторожно, медленно об'езжать обширную непролазную чащу камышей, где, по их мнению, должно было быть волчье логово.

Охотники и крестьяне вспоминали, что в прошлые годы по зорям оттуда не раз выли и перекликались со стариками волчата. Значит, именно там находилось логово, которое в этом году, вероятно, занял Большой со своею волчихой.

Известно, что волки из году в год устраивают свои логова в одном и том же месте, а освободившиеся логова захватывают новые пары.

Несколько дней охотники терпеливо обыскивали угодье.

Прошел сильный ливень. На другой день по примятой, втоптанной в грязь и поднявшейся потом траве опытный следопыт Бесо нашел один, а скоро и другой лаз. В трех местах на грязи отпечатался и след Большого. Хитрецы выходили из логова и возвращались со стороны камыша, граничившего с лесом, в сторону Иоры, а со стороны большой дороги ни один след не нарушал сплошной стены камыша и высоких трав.

Теперь охотники осмотрели внимательно, куда бы засесть понадежнее, чтобы их не заметили волки.

У крайнего лаза, невдалеке от камыша, стоял огромный, старый дуб. Шалико решил забраться на него.

Другой лаз выходил на открытое со всех сторон место, но там близко рос куст ежевики. Бесо расчистил кинжалом местечко поудобнее, срезал побеги и накидал их спереди на куст, воткнув в него еще две—три ветки боярышника.

Все происходило в строгом молчанье. Чтобы не оставлять за собой следов, ездили все время верхом на лошадях. Веток подкинули столько, чтобы волки сразу не заметили перемены в кусте. Прибавляли их понемногу, только через день.

Три дня прошло в нетерпеливом ожиданье.

Шалико нервничал, уверял, что пора садиться в засаду.

— Подожди, генацвале![1] Успеем,— неизменно отвечал Бесо. — Пусть волки успокоятся, если они нас заметили... да и луна еще не полная. А мы ведь не знаем, когда они пройдут. Может, под вечер, может, к утру, а то и ночью прошмыгнут. Если не будет светло, как мы будем стрелять?

За это время Бесо два раза ездил ночью к лазам.

Правда, близко не под'езжал. Остановит лошадь подальше от лаза, послюнит палец, подымет кверху и проверяет, откуда дует ветер. А ветер ночами неизменно тянул от камыша к Иоре, доносясь с холодных хребтов Цива.

«Это хорошо!» — подумал старый охотник.

Уговорились стрелять только наверняка, бить, когда зверь будет хорошо виден. Они понимали, что в этих условиях второй раз встретить волков не придется. После первого же неудачного выстрела звери перетащут выводок куда-нибудь в такую трущобу, что там их уже ни за что не найти, даже с собаками не разыщешь.

И каждый день, задолго до вечера, охотники осторожно занимали места и бесшумно всю ночь сидели в своей засаде, поджидая волков.

Ружья заряжены мелкою картечью, подобраны надежные пистоны, чтобы не случилось осечки, проверены и смазаны курки.

Прошло четыре бессонных ночи. Охотники ни на секунду не смыкали глаз, напряженно вглядывались в муть лунного света, нервно сжимая ружья.

Но волков они не видали. Учуяли волки засаду и уже покинули логово? Или у них были другие, неизвестные охотникам лазы? Быть может, волки, как тени, проскочили, и их не заметил усталый глаз охотника? Кто знает?

---

[1] Генацвале — по-грузински дорогой.

Волки вышли из-за камышей.

— Охотничье дело, Шалико, трудное, ох какое трудное! Надо много терпенья. Надо ждать,— говорил Бесо.

И охотники ждали. Попрежнему в урочный час они садились в засаду, покидая ее только с полным рассветом.

Стоял конец июня. Донимали комары и мошки. Бессонные ночи утомили даже Бесо. Но оба охотника мужественно и твердо решили не уходить с дозора, пока не встретятся с волками. Днем они, как и волки, отдыхали и спали на соседней мельнице, а к закату неизменно занимали свои места.

В шестой раз засели охотники.

Яркокровавый закат обещал на завтра ветер. Провыли жалобным плачем шакалы. И не успело еще скрыться солнце, как на небо вылезла огромная медно-красная луна. Стало светло, словно днем. Звезды потерялись в небе.

Кругом стояла тишина, только сова грустно кричала: «Сплю, сплю...»

В это время, как обычно, волки пошли на промысел.

Впереди шел Острый зуб, за ним, след в след,— волчица.

Последние дни волки промышляли вблизи Азамбура и ходили ближайшим к нему лазом, неизвестным охотникам. Сегодня они, видимо, направились в другую сторону и шли хорошо набитою тропкою прямо на Бесо.

Подходя к границе камыша, волк остановился, высунул огромную башку с длинною мордой и зорким глазом огляделся, но ничего подозрительного не увидел. Волки вышли из-за камышей.

В то же мгновенье прогремел выстрел.

Почти весь заряд картечи всадил Бесо в могучую грудь волка, пробил сердце, продырявил шею. Острый зуб упал, не дрогнув.

Несколько картечин зацепило стоявшую за ним Злюку; поджав хвост, она исчезла в камышах.

Бесо выскочил из засады.

Пороховой дым заслонял лаз, упорно держась у куста белесыми слоями, не расходясь и не сливаясь с неподвижным, сырым воздухом.

Когда Бесо подскочил к лазу, когда увидел лежащего перед ним желанного Большого волка, могучего, страшного, а теперь безвредного, душа его, как он после рассказывал, «запрыгала от радости».

Долгие труды, невероятное терпенье и осторожность вознаградили охотников: Большой волк был уничтожен.

Подошел Шалико. Ощупал руками громадину, потянул его за хвост. А потом от радости обнял и поцеловал старого охотника.

— Я бы всегда жалел, дорогой Бесо, если бы не ты, а я его убил. Ты должен был это сделать, именно ты!—восторженно добавил Шалико, не переставая любоваться огромным зверем.

И действительно, волк был удивительный. Он весил три пуда, а длина шкуры, без хвоста, равнялась полутора метрам. Никогда раньше не добывал Бесо таких крупных волков.

Далеко за полночь, усталые, счастливые, охотники вернулись в Сагареджо и завалились спать.

Весь день скромный домишко Бесо был набит людьми.

Все знали его зарок. Все радовались его успеху, поздравляли и любовались невиданным волком.

А на завтра решили идти прямо к логову перебить волчат, а если попадется — и волчицу.

Вышли рано. Всех было восемь охотников. Взяли овчарок на веревках. Окружили камыши. Под руководством Бесо и Шалико осторожно пошли лазами.

Прошли мокрые камыши, пробрались через заросли ежевики, выбрались на сухое, возвышенное место. Собаки ощетинились, насторожились.

Набитых тропок стало больше. Несло смрадом от гниющих костей и остатков мяса, характерным, особым, волчьим духом. Стали встречаться обглоданные кости, черепа, жалкие остатки заеденных зверями животных. Овчарок спустили с привязи, натравили. Они яро бросились к гнилому дереву, у корней которого чернела огромная нора. Все ружья направились в ту сторону. Овчарки свирепо рычали, но потом стали разбредаться в разные стороны, принюхиваться, искать.

Ни волчат, ни матери нигде не было

Обшарили каждый вершок. Видели недавние лежки зверят, их свежий помет, следы на грязной земле... а выводок исчез.

Не знали охотники, что после гибели матерого раненая волчица стремглав вернулась в логово и долго зализывала свои раны, а затем поднялась и, хромая на переднюю лапу, повела куда-то волчат.

Долго вела их Злюка густым кустарником, непролазною чащею, пока не подошла к самой Иоре.

У берега реки, среди бурелома, заросшего колючкой, облепихою и терновником, под вывороченным пнем, волчица устроила новое гнездо.

Здесь обосновался выводок до осени. Подрастут волчата, окрепнут у них зубы и ноги, и тогда ненужны будут им постоянные логова и они станут такими же бездомными и хитрыми бродягами, какими были Острый зуб и Ведьма.

Орденоносец-машинист-комсомолец Петр Кривонос в кабине своего паровоза. Теперь Кривонос назначен начальником Южно-Донецкой дороги.

Сталинское племя

С. Гарбузов

I

На выставке, посвященной 20-летию РККА, есть небольшая картина; она называется «В отряд к Ворошилову».

Жалкая, полуразвалившаяся шахтерская хибарка (теперь в Донбассе таких уже нет). Жена провожает на фронт мужа-партизана. Рядом с отцом — сын-подросток. Он тоже одет по-походному. И хотя еще неумело держит винтовку, но глаза его горят решимостью и энтузиазмом...

Каждый день на выставке бывают сотни посетителей, особенно много военных. У некоторых на груди медали. Медаль говорит о том, что человек 20 лет прослужил в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Такие посетители особенно долго задерживаются перед этой картиной. Многие из них вспоминают, как 20 лет тому назад они так же прощались с матерью, прощались с поселком, где прошло детство. Целыми комсомольскими организациями уходили они на фронт, туда, где первые, еще не окрепшие отряды Красной Армии отбивали атаки вооруженных до зубов белогвардейских банд. Размяв хлебный мякиш, секретарь приклеивал к дверям комсомольского комитета об'явление: «Райком закрыт: все ушли на фронт».

Пожелтевшие страницы «Правды». Этим страницам без малого 20 лет. Небольшая заметка:

«Скопин, Рязанской губернии. Местным комитетом российской коммунистической молодежи постановлено мобилизовать всех своих членов для немедленной отправки на фронт в связи с наступлением на восточном фронте колчаковских банд. Мобилизация проведена, и союз в полном составе выезжает на фронт».

В те грозные, боевые дни во всех уголках советской земли поднимались комсомольцы. Они об'являли себя мобилизованными, брали в руки винтовки и шли защищать Советскую республику. Горячей комсомольской кровью обильно орошены и степи Поволжья, и крутые днепровские берега, и леса Белоруссии.

Комсомольца Илюшу Колодочкина, 20-летнего рабочего завода Гужон (ныне «Серп и молот»), знал весь 35-й рабочий Рогожско-Симоновский полк. Веселый, подвижной, стройный, он был любимцем бойцов.

Комсомолка-стахановка Дуся Виноградова, ее сменщица Маруся Виноградова и главный инженер вичугской фабрики имени Ногина у выработанной Дусей Виноградовой мануфактуры.

В марте 1919 года, во время боев на южном фронте, 3-ю роту, которая находилась в заставе на берегу Донца, окружили казаки. Роте грозила гибель. Надо было срочно передать командиру приказ об отступлении. Спасти товарищей взялся комсомолец Илюша Колодочкин.

Казаков было много, и они прекрасно знали местность. Когда Колодочкин спускался с крутого берега Донца, его обстрелял казачий дозор. Пуля вошла в правое бедро и вышла через левое. Рана была тяжелая. У бойца отнялись ноги. Подтягиваясь на локтях, Илюша продолжал ползти вперед. Вот показалась казачья цепочка. Илюша спрятал наган и комсомольский билет под камни, а сам притворился мертвым. Один из под'ехавших казаков ударил Колодочкина прикладом по спине. Поверив, что перед ними мертвый, казаки поехали дальше. Истекая кровью, теряя последние силы, комсомолец Илья Колодочкин добрался до отрезанной роты и передал приказание.

Бойцы вырвались из окружения. Они принесли с собой в полк на носилках исхудавшего, смертельно-бледного Илюшу. Через несколько дней он скончался. Его похоронили в Ефремово-Степановской станице.

Тысячи героев, подобных Илье Колодочкину, завоевали для комсомола право на высшую революционную награду — орден боевого Красного знамени, которым наградило комсомол советское правительство.

II

В доме на Малой Дмитровке собрался III с'езд Российского коммунистического союза молодежи. Гремят аплодисменты, долго не смолкают приветственные клики. Сейчас будет говорить Владимир Ильич Ленин. Ильич поднимает руку — и в зале становится тихо-тихо. Жадно ловят делегаты каждое слово, каждый жест великого учителя.

Еще гремят на окраинах страны орудийные залпы, еще Врангель пытается поднять голову и вырваться из Крыма, еще гуляют кой-где по селам кулацкие банды. У многих делегатов в руках винтовки, а в кобурах боевые наганы. Они живут фронтом и мыслями о фронте. Но Ильич смотрит вперед, в будущее. Рядом с горой Магнитной видит он новый большой город, который будет построен. Он видит, как плотина перепоясывает Днепр, как потекут в Москву волжские воды, как загорится в деревнях электрическая лампочка, которую крестьяне назвали «лампочкой Ильича».

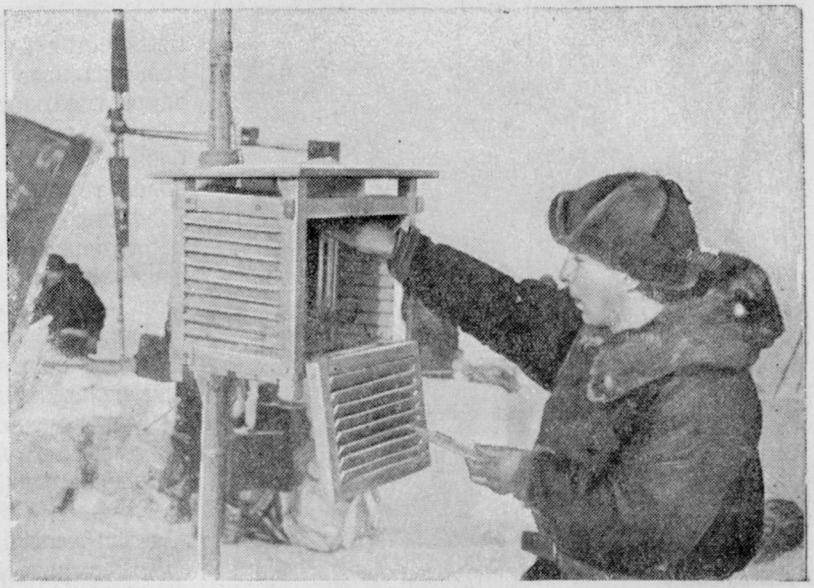
Он говорит, что именно молодежи предстоит построить коммунистическое общество. А чтобы строить, надо знать. Чтобы знать, надо учиться.

«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»,— говорит Ильич.

Вместе с другими слушает речь комсомолец Василий Нечаев. И каждое слово Ильича вызывает отклик в его сердце. Ведь Ильич говорит именно то, о чем мечтал он все эти бурные фронтовые годы! Учиться и строить... Строить и учиться... Василий Нечаев еще в детстве мечтал быть архитектором. В ученических тетрадях вычерчивал он роскошные фасады дома с огромными окнами (родители Василия жили в сером, закопченном доме с малюсенькими оконцами), которые когда-нибудь он, Василий, построит.

— Быть членами союза молодежи значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело,— говорит Ленин.

Когда партия большевиков призвала комсомольцев на фронт, Василий вместе с десятками тысяч своих товарищей оставил семью, оставил свои мечты и пошел с оружием в руках защищать революцию. Этого требовали интересы общего дела, которому посвятил он свою жизнь. Он и не думал, что так близко осуществление его мечты. И тем более радостно ему было слушать слова Ильича:



Комсомолец-ученый Евгений Федоров заканчивает последние метеонаблюдения на станции «Северный полюс».

— То поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество. И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества.

III

Василий Нечаев выполнил заветы, которые Ильич дал комсомолу на III с'езде: он овладел наукой, стал архитектором, он построил не один дом с большими окнами, пропускающими много воздуха и света.

Те комсомольцы, которые вместе с Ильей Колодочкиным, вместе с Василием Нечаевым сражались на фронтах в гражданскую войну, теперь руководят предприятиями, учреждениями, командуют частями Красной Армии, сами обучают студентов.

Им на смену выросло новое поколение комсомольцев. Это поколение вступило в жизнь в годы первой пятилетки, когда загорались первые огоньки великих строек. Это комсомольское поколение завоевало комсомолу право на второй орден — орден Трудового красного знамени.

Обращаясь к этому, второму комсомольскому поколению, товарищ Сталин говорил вслед за Ильичем:

— Перед нами стоит крепость. Называется она, эта крепость, наукой с ее многочисленными отраслями знаний. Эту крепость мы должны взять во что бы то ни стало. Эту крепость должна взять молодежь, если она хочет быть строителем новой жизни, если она хочет стать действительной сменой старой гвардии.

Наша сталинская молодежь доказала, что она действительно хочет быть строителем новой жизни. Молодые ударники и ударницы, овладевая наукой, одновременно строили и строят заводы, дороги, дома и города.

Если вы приедете в Магнитогорск, вам обязательно покажут комсомольскую домну — домну, построенную комсомольцами. В Сталинграде, на Тракторном заводе вам покажут конвейер, на котором работает только молодежь, а на Дальнем Востоке обязательно расскажут об удивительном городе, который в невиданно короткий срок построили в тайге комсомольцы и комсомолки.

Весной 1932 года, когда на Амуре тронулся лед, тронулся из Хабаровска караван пароходов. Тяжелые льдины сжимали пароходы, грозили опрокинуть и смять их. Караван медленно продвигался вперед.

Через два дня пароходы пристали к берегу. Кругом были лес, болото и почти ни одного клочка сухой земли. Но, по плану, здесь должен был вырасти большой город.

Комсомольцы, ехавшие строить этот город, сошли с пароходов. Они грузили на спину четырехпудовые мешки, детали машин, бочки с мясом, ящики с консервами и взбирались с ними по крутой, узкой тропе на обрывистый берег.

Орденоносец-трактористка-комсомолка Паша Ковардак у своего трактора перед началом сева.

Не успели они разгрузить пароходы, как хлынул дождь. Надо было срочно ставить палатки. Вслед за дождем налетел ветер. Он сорвал плохо закрепленные палатки — надо было начинать работу сызнова.

Так прошли первые сутки в тайге.

Потом комсомольцы рубили лес, корчевали пни, строили дома, рыли котлованы для заводских цехов, выводили первые заводские корпуса. Шло время — и люди меняли специальности: из лесорубов превращались в землекопов, из землекопов — в каменщиков, из каменщиков — в машинистов.

Теперь Комсомольск — большой город с красивыми домами, магазинами, школами. Рядом с городом построены большие заводы. Железная дорога связывает Комсомольск с великой сибирской магистралью.

Комсомольском назван этот город в честь его славных строителей и строительниц — комсомольцев и комсомолок.

Пять лет тому назад, поздравляя комсомол с его пятнадцатилетием, товарищ Сталин высоко оценил работу комсомола на фронте строительства:

«Ударники и ударницы комсомола покрыли себя славой в период нового строительства заводов, фабрик, шахт, железных дорог, совхозов, колхозов. Будем надеяться, что ударники комсомола проявят еще больше отваги и почина в деле освоения новой техники во всех отраслях народного хозяйства, в деле усиления обороноспособности нашей страны, в деле укрепления нашей армии, нашего флота, нашей авиации».

Ленинский комсомол с честью оправдал надежды вождя. Среди стахановцев — людей, овладевших техникой и двинувших ее вперед,— очень много комсомольцев.

Комсомолец-шахтер Митя Концедалов первый перенял опыт Алексея Стаханова. комсомолец Петр Кривонос — первый стахановец-железнодорожник, комсомолка Дуся Виноградова — первая стахановка на текстильных фабриках, комсомолка Мария Демченко первой собрала 500 центнеров свеклы с гектара и опрокинула все расчеты старой науки.

Все эти комсомольцы и тысячи идущих с ними в ногу — верные сыны советского народа, любящие свое дело. Они постоянно учатся, не успокаиваются на достигнутом, овладевают техникой и поэтому могут совершенствовать ее, двигать вперед.

Комсомольцы с честью оправдали надежды вождя в деле укрепления обороноспособности нашей страны. Среди соколов-летчиков, среди метких артиллеристов, бесстрашных танкистов и доблестных пограничников Советской страны много комсомольцев. Глубоко преданные родине, они зорко охраняют границы Союза.

Около 12 часов 11 апреля отряд японских самолетов перелетел советскую границу. Комсомолец-летчик Константин Слепцов по телефону получил приказание вылететь навстречу нарушителям.

Молниеносно поднявшись в воздух и взяв курс, указанный командованием, летчик увидел 9 японских истребителей. Когда показался советский самолет, 6 из них повернули обратно, а 3 самолета продолжали лететь в глубь советской территории.

Константин Слепцов направился к этим 3 самолетам. Он летел прямо на них. Нервы самураев не выдержали: один из японских летчиков вильнул в сторону. За ним-то и устремился летчик-комсомолец. Он быстро покрыл расстояние, отделявшее его от японского самолета, и стал прижимать японца к земле.

«Во что бы то ни стало не упустить нарушителя, не дать ему уйти», — решил Слепцов.

И он свое решение выполнил. Японец не дотянул до границы, а сел в двух километрах от нее. Тут-то его и поймали окружившие самолет колхозники.

IV

Ленинский комсомол, преданный партии большевиков, преданный Сталину,— великая сила. Он воспитывает в коммунистическом духе миллионы юношей и девушек Советской страны, миллионы пионеров и школьников.

Сила комсомола в том, что он неразрывно связан с большевистской партией. Враги народа, враги нашей родины, это знают. Они не раз пытались сбить комсомол с пути, которым вел его Ленин, которым ведет его Сталин. Враги народа подсылали в комсомол своих агентов, они поручали им пробираться к руководству комсомольскими организациями, чтобы потом разваливать политучебу, спаивать и развращать отдельных, неустойчивых комсомольцев. Комсомол разоблачал и будет беспощадно разоблачать всех вражеских агентов. Преданность комсомола партии Ленина — Сталина непоколебима и безгранична.

Через несколько месяцев ленинский комсомол празднует свое 20-летие. За эти

Один из лучших сталеваров Союза — комсомолец Макар Мазай.

Комсомолец Ботвинник — гроссмейстер-шахматист.

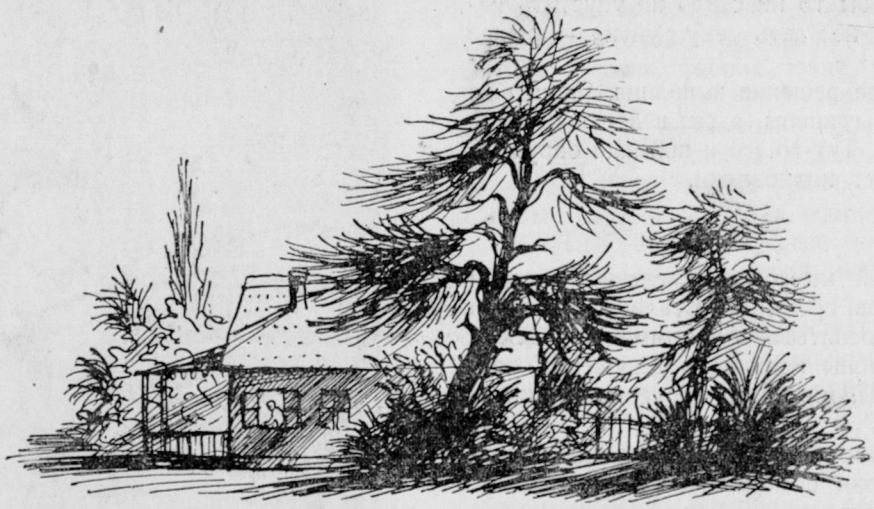
20 лет комсомол воспитал много сотен тысяч самоотверженных, честных и смелых борцов за коммунизм. За это время в комсомоле сменилось несколько поколений. Юноши и девушки, приходившие в комсомол молодыми, неоперившимися подростками, выходили из него стойкими, знающими людьми, готовыми к работе и борьбе.

Комсомольцы — передовые юноши и девушки Советской страны. Каждый пионер, каждый школьник мечтает стать комсомольцем. Для этого надо упорно, не покладая рук, учиться, воспитывать в себе любовь к родине, любовь к большевистской партии. Воспитывать в себе стойкость, непоколебимость в борьбе, беззаветную преданность делу Ленина — Сталина.

К своему 20-летию комсомол приходит как никогда крепким и сплоченным вокруг большевистской партии.

Каждый комсомолец готов повторить вслед за своим вождем и учителем, родным Сталиным:

— Можете не сомневаться, товарищи, что я готов и впредь отдать делу рабочего класса, делу пролетарской революции и мирового коммунизма все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей.



Стихи А. Оленич-Гнененко *Рис. Ю. Кискачи*

Ночь в заповеднике

Ночная свежесть входит в дом:
Распахнуто окно,
А на дворе темным-темно.
Склонясь над картой, человек
Работает давно.

Кружатся бабочки в окне,
Жуки летят на свет,
И насекомым дела нет,
Что здесь—ученый человек
И, может быть, поэт.

Неясыть крикнула в лесу,
Заухал филин вдруг.
Далеко слышен каждый звук,
Встает над пихтами луна,
Дымится в росах луг.

На спящих буках высоко
Листвой шуршат полчки,
Трещат бессонные сверчки.
И горный паводок гремит
В крутой струе реки.

Песня о топоре и мече

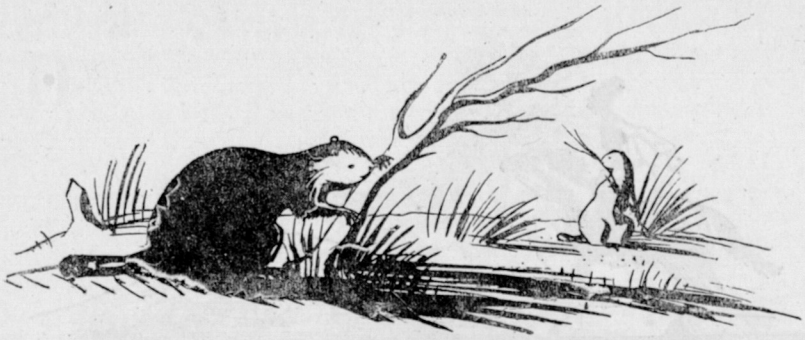
(С адыгейского)

Я взял топор отца
И струг отцовский взял,
На лезвие меча
Ту сталь перековал.

Три раза закален
Короткий острый меч,
Чтоб князю грудь пронзить
И голову отсечь.

Кузнец, что меч ковал,
Ослеп от жарких искр.
Клинок булатный тверд,
Удар смертельный быстр!

И князю наскаку
Снес голову я с плеч,
И в сердце у него
Я свой оставил меч!



Баллада о бобрах

Чей это виден круглый дом,
Лозой и тиной крыт?
Чья эта тень под синим льдом
Усами шевелит?

В том доме — много здесь таких
Разбросано домов,—
В крутой излучине реки,
Живет семья бобров.

Давно бобры пришли сюда:
Была низка в реке вода
(Со дна торчали пни),
Плотину выстроить тогда
Задумали они.

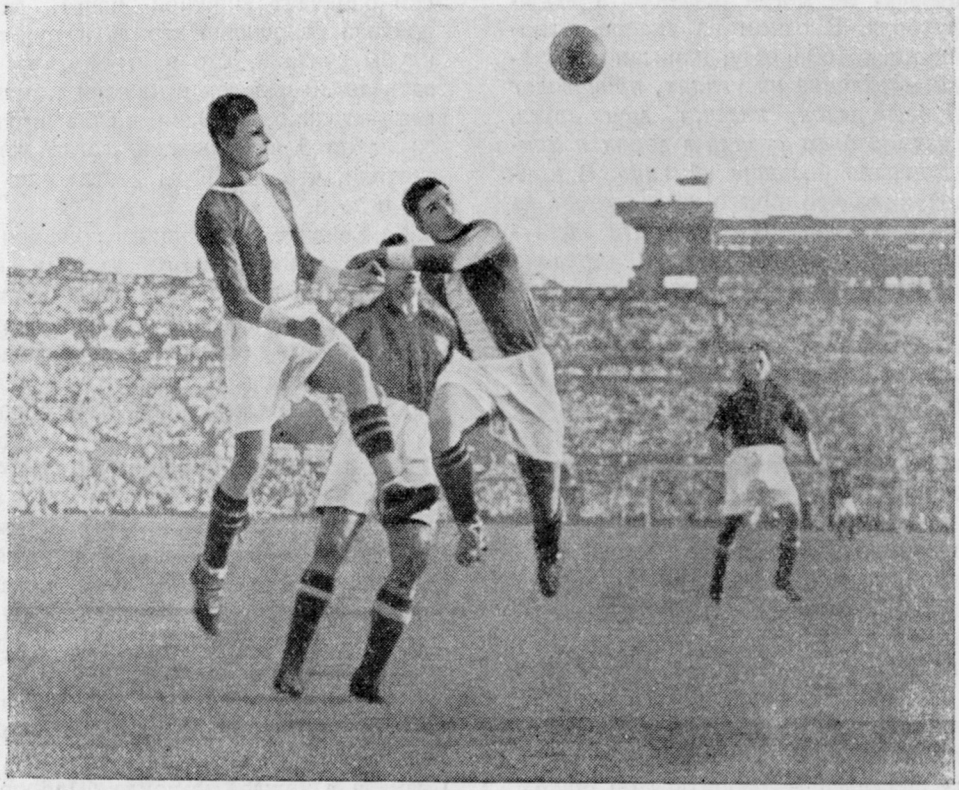
Им незнакомы топоры,
Железа звон и блеск:
Зубами острыми бобры
Подтачивали лес.

ПЕСНЯ БОБРОВ

«Под корень дерево грызи
И глину клейкую меси
Чешуйчатым хвостом!
Плотина будет тут. Вблизи
За домом встанет дом!
Далеко слышен плеск и стук:
Речной мы месим ил.
Мелькает он, как десять рук,
Чтоб дом на славу был!»

И отступили берега,
Уходит вглубь камыш,
И недоступна для врага
Броня округлых крыш.

И пусть, струю оледенив,
Морозы шлет зима:
Бобры кору и ветви ив
Снесли в свои дома.



Защита московского «Локомотива» перехватывает мяч у капитана команды басков Лангара.

История футбола

К. Оганесов

Из всех видов спорта футбол самый увлекательный и самый распространенный. Если другие спортивные игры привлекают сотни и тысячи зрителей, то на футбольных матчах десятки, а часто и сотни тысяч людей переполняют стадионы.

...Вызванные свистком судьи, обе команды выходят на поле и двумя полукругами выстраиваются в центре. Капитаны подходят к судье. Жребий брошен, стороны выбраны. Игроки разбегаются по полю и занимают свои места. Судья включает секундомер и резким свистком возвещает начало матча...

Но деды и прадеды современных футболистов очень удивились бы, если бы им пришлось побывать на футбольном матче в наши дни. Они бы не узнали своей любимой игры.

Да это и не удивительно. Футбол не молод. Только со дня создания правил игры прошло уже 75 лет. А история футбола насчитывает столетия.

Его родина — Англия. Уже 700 лет тому назад там очень любили играть в мяч. В игре участвовало иногда больше ста человек. Играли главным образом на улицах в праздничные дни. Никаких правил не существовало, и игры сплошь и рядом заканчивались кровопролитными побоищами, не говоря уже о том, что в окнах домов часто не оставалось ни одного целого стекла и

городские власти специальными указами запрещали тогдашний «футбол» под страхом большого денежного штрафа.

Но штрафы не могли остановить любителей футбола. В одном из указов, относящихся уже к 1608 году, написано: «*Буйные люди, играющие на улицах, производят большой беспорядок, калечат друг друга, своими мячами бьют стекла в домах и причиняют жителям большие убытки*». В конце концов, видя, что ничего не действует на футбольных «болельщиков», власти махнули на футболистов рукой. И к середине прошлого столетия футбол стал любимейшей игрой в английских школах и спортивных клубах.

У каждой школы, у каждого клуба были свои собственные правила игры. Все игроки играли и руками и ногами. Количество игроков на поле не было ограничено, так же как и продолжительность самой игры. Только цель игры была та же, что и теперь: надо было забить мяч в ворота.

Но одной команде было трудно играть с другой. У каждой были свои правила, каждая команда считала, что ее правила самые лучшие, и отказывалась признавать чужие. Вот почему зрители того времени часто развлекались не только игрой, но потасовками и драками на футбольном поле.

Не раз пытались договориться об общих правилах, но все неудачно. Наконец, в 1863 году в Лондоне снова собрались представители спортивных клубов. Это совещание прозвали «сражением рук и ног». Дело в том, что, по одним правилам, в игре можно было пользоваться только ногами (отсюда и слово «футбол», что по-английски означает «ножной мяч»), другие же правила разрешали играть и руками. Одни клубы считали, что в игре могут участвовать до 30 человек в каждой команде, другие — только 15. Одни клубы играли чуть ли не по 3 часа подряд, тогда как другие считали, что для игры достаточно 1½ часа, и т. п.

Как видите, участникам совещания предстояло решить много важных вопросов игры, и не удивительно, что спорили они по привычке чуть не до драки. Примирить «руки» и «ноги» оказалось невозможным, и в конце концов представители семи клубов — сторонников ног—ушли с совещания и создали свою футбольную ассоциацию. Правила этой ассоциации были опубликованы в газетах, и с 1 декабря 1863 года начинается история современного футбола.

«Руки» также создали отдельную ассоциацию и опубликовали свои правила, по которым можно было играть и руками и ногами. Так возникла другая известная спортивная игра — рэгби.

Правила, выработанные футбольной ассоциацией в 1863 году, тоже во многом отличались от тех, что существуют теперь. Сначала в каждой команде было по 15 человек, но затем число это сократилось до 11. Самое расположение игроков на поле было совершенно иным: вратарь, один защитник, один полузащитник и восемь нападающих! Трем игрокам защиты приходилось буквально отбиваться от атак 8 нападающих. Футболисты так ненавидели игру руками, что на первых порах даже вратарю не разрешали дотрагиваться руками до мяча. Не было тогда и ворот вроде тех, какие устраиваются сейчас. Просто в землю вбивались две палки, между которыми не протягивалась даже веревка, и определить, был ли забит гол или нет, было не так-то легко.

Международный матч между англичанами и шотландцами в 1872 году.

Как играли в фут-

бол тогда, видно на помещенном здесь рисунке матча между Англией и Шотландией в 1872 году (первая международная встреча в истории мирового футбола). Художник зарисовал напряженную схватку у ворот Шотландии. Игроки одеты в костюмы, только отдаленно напоминающие современный легкий и удобный спортивный костюм футболиста. Один из английских нападающих лежит на земле, сбитый с ног: тогда играли очень грубо.

Как-то играли футбольные команды двух английских клубов. Один из игроков, прорываясь с мячом к воротам, был встречен защитником другой команды и получил сильный удар ногой в колено. Нападающий, остановив мяч, спросил у своего противника: «По каким правилам мы играем: бьем только по мячу или также и по ногам?» «И по ногам и по мячу»,— был ответ. «Ну, ладно, тогда я знаю, что мне делать!»,— сказал нападающий и со всего размаха ударил своего противника так, что тот свалился на землю и несколько минут не мог придти в себя.

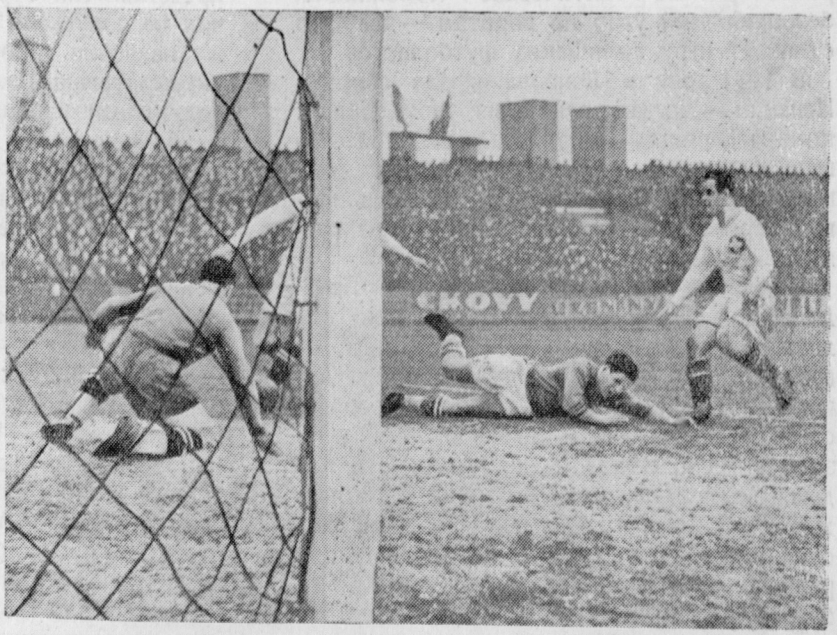
Вы спросите: что же сделал судья? Но дело-то в том, что тогда судьи присутствовали далеко не на всех матчах. Посмотрите внимательно рисунок матча Англия—Шотландия—и вы нигде не найдете судьи, без которого мы сейчас не можем представить себе ни одного матча. Судейство было признано необходимым только с 1881 года. Но даже на тех матчах, где и был судья, судить ему было трудно, потому что у него не было свистка. Очень часто ему приходилось руками разнимать не в меру увлекшихся игроков. Тогда еще не было правил, наказывающих грубую игру, и судья не имел права удалять с поля провинившихся игроков. Только в 1871 году судьи, наконец, получили свисток, но прошло еще 20 лет, пока они получили всю полноту власти во время матча.

В футбол стали играть так, как играют сегодня, только в середине 80-х годов прошлого столетия. К этому времени и игроки стали расстанавливаться на поле так же, как сейчас: вратарь, 2 защитника, 3 полузащитника и 5 нападающих. В ближайшие годы на воротах ввели сетку, установили правила подачи углового удара, штрафных и т. д.

Интересно, как возникло правило пенальти — удар с 11 метров по воротам, защищаемым только одним вратарем.

Это было в 1890 году. Английский клуб «Сток Сити» играл матч с другим клубом, «Ноттс Каунти». За несколько минут до конца в свалке у ворот один из игроков «Ноттс Каунти» ударил по мячу рукой. Судья дал штрафной. Вся команда «Ноттс Каунти» — 11 человек — стала в ворота, закрыв их наглухо. Гол, конечно, не был забит. Вот после этого и ввели штрафную площадку, и все нарушения правил, совершенные в пределах этой площадки, стали называться штрафным ударом, пробиваемым с 11 метров в ворота. Этот штрафной удар получил название «пенальти».

Очень изменилась и тактика игры. Раньше каждый игрок старался больше для себя. Нападающие стремились сами провести мяч чуть ли не через все поле и сильным ударом послать его в ворота. Тогда еще мало думали о командной игре и прорывы отдельных игроков считались верхом со-



Заграничные команды часто играют очень грубо. Видя, что остановить чехословацкого нападающего нельзя, швейцарские защитники грубо сшибают его с ног.

вершенства. Почти не играли головой. Но защита научилась отбивать разрозненные атаки нападения, и в игру вошел важнейший ее элемент — пассовка, т. е. умелая и точная передача мяча от игрока к игроку. Научились разыгрывать тактические комбинации, и это сделало игру не только более красивой, но и гораздо более быстрой. Футбольные команды поняли, что «мяч всегда быстрее игрока».

В первые годы существования современного футбола на матчи редко приходило больше сотни зрителей. Но не прошло и нескольких лет, как на игры стали собираться тысячи людей, и уже в 1895 году на финале кубка Англии присутствовало 42 тысячи человек. Кубок Англии был учрежден в 1871 году. Это старейший футбольный приз. Тогда в розыгрыше его участвовало всего 15 команд, теперь же в розыгрыше кубка участвует больше тысячи команд.

Еще в конце прошлого столетия футбол из Англии распространился и по другим странам, и сейчас, пожалуй, нет такого места на земном шаре, где не знали бы этой игры.

В зарубежном футболе сильнейшими командами считаются английские. Технику и тактику игры они довели до высокой степени совершенства. Чрезвычайно быстрый темп, точная передача мяча, богатые и разнообразные тактические комбинации, безошибочный удар по воротам — все это отличает игру английских футболистов.

В 1931 году в Лондоне играла сборная Испании — тогда одна из сильнейших команд Европы — и проиграла сборной Англии со счетом 1 : 7. С тех пор из году в год в Англию приезжают сборные различных европейских стран, но пока еще никому не удалось там побить англичан.

В декабре прошлого года с Англией играла сборная Чехословакии и добилась отличного результата, сумев чуть-чуть не выиграть у до сих пор непобедимых противников. Чехословацкие футболисты вообще славятся мастерской и красивой игрой, и от этой встречи ждали очень много. Эти надежды оправдались: за 15 минут до конца матча счет был 4 : 4, и все усилия английских нападающих пробить великолепно игравшую чехословацкую защиту оставались безрезультатными. И только за 7 минут до конца правый крайний нападающий Англии вырвался с мячом, сумел провести его мимо трех противников и забить гол, решивший исход матча.

Прыжок Лангары запоздал на секунду — вратарь Гранаткин уже схватил мяч.

Футбол появился и в России. Но до Октябрьской революции им, как и всеми другими видами спорта, занимались только представители буржуазных классов. Рабочих не допускали в футбольные клубы, даже название такое придумали для них— «нежелательный элемент». А любовь к футболу среди рабочих была очень большой. И вот возникали так называемые «дикие» кружки, не входившие в московскую футбольную лигу. Эти кружки не имели своего поля и играли где-нибудь на окраинах, на пустырях. Вскладчину приобретали футбольные мячи, спортивную форму. Очень часто бывало и так: только «дикие» команды начнут матч,— явится полиция и разгонит «незаконное сборище».

Московская футбольная лига не разрешала своим клубам встречаться с «дикими». «Дикие» были очень сильными игроками, и проиграть им было бы конфузно. Из «диких» кружков особенно известен был «Рогожский кружок спорта». В его команде играли рабочие и мелкие служащие Курской железной дороги, из этой команды вышло много прекрасных футболистов.

Только после Великой Октябрьской революции футбол сделался подлинно народным, массовым.

Несколько лет тому назад сборная команда Москвы наглядно показала высокий класс игры советских футболистов. Это было в матче с известной чехословацкой командой «Жиденице», с которой футболисты Москвы играли летом в 1934 году в городе Брно (Чехословакия).

«Жиденице» — буржуазная профессиональная команда с большим опытом международных встреч. Советским футболистам предстояла нелегкая задача — победить такого противника. Матч с «Жиденице»— славная страница в истории советского футбола. В этой игре команда Москвы показала не только большое техническое и тактическое мастерство, но и большую сплоченность, энергию и волю к победе— то, что вообще отличает советских спортсменов.

...Счет был 2 : 2, и до конца игры оставалось еще 30 минут. Профессионалы «Жиденице», которым, если они победят советскую команду, была обещана денежная премия, делали все, чтобы выиграть, не гнушаясь и грубой игрой. Но советские футболисты крепко защищали свои ворота. Они знали, что надо во что бы то ни стало сдержать натиск противника и, переломив его, самим перейти в атаку.

И за 10 минут до конца нападающий Москвы Михаил Якушин, один из известнейших советских футболистов, увидел возможность победы. Мяч, отбитый защитой, попал к нападающему Степанову.

— Володя! На выров! — закричал Якушин и бросился за мячом, посланным Степановым вперед.

На Якушина налетели оба защитника «Жиденице», но он обошел их и с шестнадцати метров с силой ударил по воротам. Мяч прошел в сетку несмотря на отчаянный бросок вратаря. Москва выиграла 3:2!..

А на следующий год в Париже сборная футбольная команда Украины встретилась с одним из сильнейших французских профессиональных клубов — «Рэд Стар». И на этот раз профессионалы не смогли противостоять натиску и отличной технике советских футболистов. Со счетом 6 : 1 победила Украина своих испытанных в футбольных встречах противников.

★

Сейчас в разгаре летний спортивный сезон, и после долгого зимнего перерыва футбол опять вступил в свои права. В дни матчей стадионы, как магнит, притягивают тысячи и тысячи зрителей, и трибуны заполнены шумной человеческой толпой.

Футбол — не только увлекательный, но и полезный спорт. Он развивает волю, энергию, инициативу. Он укрепляет мышечную систему, сердце и легкие. Футбол — командная игра и прекрасно учит сплоченным действиям коллектива. Вот эти отличительные особенности футбола и сделали его таким распространенным и любимым в нашей стране — стране жизнерадостных, здоровых, сильных людей.

Вратарь детской команды «Сталинец» броском берет мяч после штрафного удара во время игры с детской командой «Спартак»

Несчастный день

Леонид Ленч *Рис. Ф. Полищук*

Сережка Коников вернулся домой из школы в дурном расположении духа.

Раздевшись в общей прихожей, он не сразу пошел по коридору в свою комнату, а сначала несколько минут посидел, удрученно болтая ногами, на пыльном могучем сундуке, напоминавшем уснувшего бегемота и неизвестно кому принадлежащем.

Сидел Сережка долго, вздыхал, думал, морща лоб и дергая себя за кончик носа.

Однако сиди, не сиди, а идти надо! Сережка расстегнул свой брезентовый портфельчик, вынул из него плотный синий конверт, на котором крупными буквами было написано: «Софье Григорьевне Кониковой»,— сполз с сундука и, еле-еле переставляя ноги, двинулся по коридору.

Вообще-то говоря, профессия письмоносца ему нравилась. Например вдруг в сумку к тебе попадет письмо с редкой, скажем, испанской маркой, а человек, которому это письмо адресовано, скажем,— дурак и ничего в марках не понимает. Совершенно ясно, что если его хорошенько попросить, он сдуру подарит испанскую марку письмоносцу, и Сережка станет обладателем несметного богатства. Но вот нести в собственных руках письмо от собственного классного руководителя к собственной матери, зная, что в этом письме очкастый и носатый Трофим Иванович просит «уважаемую С. Г. Коникову зайти в ближайший день в школу поговорить относительно поведения вашего сына Сергея Коникова», было очень неприятно. Эта печальная необходимость, в глазах Сережки, лишала профессию письмоносца всякой привлекательности.

Перед дверью в комнату Сережка остановился, одернул курточку, изобразил на своем лице скорбно-невинное выражение и уже взялся за дверную ручку, как вдруг обнаружил, что дверь заперта, а в замочной скважине торчит свернутая в трубочку бумажка. Значит, матери нет дома. У Сережки отлегло от сердца.

Он достал бумажку из скважины и прочел записку, написанную четким красивым почерком Софьи Григорьевны:

«Сереженька! Я задержусь на работе. Приду поздно. Ключ у Марии Павловны, попроси ее тебя покормить. Не хулигань и не шуми в коридоре. Мама».

Через секунду Сережка уже мчался по коридору в кухню, оглушительно стуча каблуками и распевая во все горло.

После обеда, оставшись один, Сережка забрался с ногами на диван и стал думать, что ему делать вечером. Для начала он решил послушать радио и включил штепсель.

«Через две минуты слушайте лекцию доктора Бугрова на тему «Острозаразные желудочно-кишечные заболевания»,— сказал равнодушным голосом диктор.

Нет, лучше уж пойти куда-нибудь погулять, а уроки можно будет приготовить завтра утром (Сережка занимался во вторую смену).

Он подошел к окну, посмотрел на улицу. Вечерело. Уже зажигались неоновые огни витрин. Ему вдруг нестерпимо захотелось пойти в кино. Немедленно. Сию же минуту. На картину про войну. Чтобы наши танки стальной лавиной катились на окопы фашистов. Чтобы красные казаки мчались в атаку, размахивая клинками. Чтобы можно было словчиться и просидеть два сеанса подряд.

Сережка вышел в коридор и решительно направился к общему телефону. Рядом с аппаратом висел лист бумаги с фамилиями жильцов. Против фамилий стояли аккуратные палочки-единички: поговорив, каж-

дый обязан был для расчета ставить себе такую палочку.

Сережка набрал нужный номер и сказал солидно:

— Попросите Женю Афанасьева.

Через минуту он услышал далекий голос своего приятеля:

— Я слушаю. Кто это говорит?

— Я говорю,— нарочито громко сказал Сережа, косясь на дверь соседки.— Слушай, Женя, у меня дело к тебе: я забыл, что нам задали по географии.

— Про Гималаи задали.

Оглянувшись по сторонам, Сережка понизил голос и сказал на языке «рун» (на этом языке мальчики их класса разговаривали между собой на ответственные тайные темы):

— Пойрун демрун в кирун норун!..

— Пойдем,— ответила трубка, а деньги у терун бярун естьрун?

— Сорун рокрун копеек!

— А у меня шестьрун дерун сятрун! — печально признался Женя.

— Ничего! — сказал Сережка, поглощенный своей страстью.— Выходи к аптеке. Что-нибудь придумаем!..

Он повесил трубку, поставил в порядке мести жирную единичку-палочку напротив фамилии ответственного с'емщика Непросыпова, с которым у Сережки были неважные отношения, и постучался к Марии Павловне.

— Марь Пална,— скромно сказал он, когда соседка высунулась в дверь.— Я пойду к Жене Афанасьеву учить географию. Вы маме скажите, когда она придет.

— Ладно. Иди.

...Мальчики встретились, как всегда, на углу у аптеки. Толстый рыжий Женя Афанасьев сразу приступил к делу:

— В «Интернациональном» «Глубокий рейд» идет!

— Пошли!..

— А деньги, где возьмем? Нужно два рубля на двоих, а у нас рубль... на двоих.

— Я, брат, уже все придумал,— сказал Сережка.— Мы сейчас зайдем в магазин, встанем возле кассы и будем ждать, когда кто-нибудь потеряет деньги. В магазинах всегда теряют деньги. Я раз в одной колбасной нашел на полу тридцать копеек. Двугривенный и два пятака. А сейчас мы вдвоем будем искать, значит, в два раза больше найдем!.. Идем, а то опоздаем на сеанс.

— Будем искать вдвоем — найдем шестьдесят копеек, а нам нужен рубль.

— Шестьдесят копеек найдем в одном

Они долго лазали на коленях по полу, пока, наконец, не нашли свои деньги.

магазине, сорок — в другом!.. Пошли, пошли!..

Поиски денег решили начать с большой кондитерской. Зашли туда и стали у кассы. Стояли долго, глядя под ноги на пол,— денег никто почему-то не ронял. Один раз Сережке показалось, что среди опилок соблазнительно блеснул двугривенный, он нагнулся и схватил его рукой, но оказалось, что это старая сломанная кнопка. В конце концов кассирша заметила их и велела убираться вон. Тогда мальчики отошли к стойке и впились глазами в пирожные, будто гипнотизировали все эти «эклеры» и «наполеоны».

Прервав сладкий гипноз, Женя Афанасьев прошептал, глотая слюну:

— Давай купим одно пирожное. У нас ведь как раз рубль.

— А на кино?

— А на кино поищем в другом магазине.

— Давай деньги,— решительно сказал Сережка.

Он взял у Жени Афанасьева его шестьдесят копеек и бросился к кассе, норовя проскочить без очереди. Торопясь, он уронил все свои двугривенные, и они покатились в разные стороны.

— Женька!—отчаянно закричал Сережка.— Я сам деньги потерял, иди скорей искать!

Они долго лазали на коленях по полу, хватая за ноги покупателей, пока, наконец, не нашли свои деньги. Потом купили один «эклер» и отошли в угол.

— Я откушу первый,— сказал Женя Афанасьев,— ты держи пальцами, до какого места мне нужно кусать.

— Ладно,— согласился Сережка.— Открывай рот.

Они с'ели пирожное и вышли из кондитерской.

— Чем искать, давай лучше попросим денег,— предложил Сережка.

— Как попросим?

— Очень просто. Подойдем и попросим. Подойди вот к этому дяде и скажи: «Дядя, дядя, дайте нам на кино два рубля». Ну, иди.

— Не даст!

— А вдруг даст! Вдруг он очень добрый! Иди, иди!

— Я боюсь. Иди ты!

— Трус несчастный!.. Это же очень просто! Стой здесь...

Сережка храбро догнал прохожего в шубе с воротником шалью из котика, заглянул ему в лицо и тонким голосом неожиданно для самого себя спросил:

— Дяденька, который час?

Человек в шубе посмотрел на ручные часы и вежливо ответил:

— Половина восьмого!..

— Спасибо, дяденька!.. — сказал Сережка и вернулся к Жене.

— Ну, что он сказал? — спросил Женя Афанасьев.

— Сказал, чтобы я завтра к нему зашел,— соврал Сережка.— У него сегодня нету денег, а завтра будут. Адрес мне дал. Теперь ты иди проси. Вот у этой тетеньки попроси. Она, наверное, даст.

Женя Афанасьев нахлобучил кепку на нос, подошел к женщине с добрым лицом, в синем берете, на которую ему показал Сережка,— она стояла на углу и кого-то ждала — и уже раскрыл рот, чтобы попросить денег на кино, как вдруг ему стало очень стыдно. Покраснев, он пролепетал на языке «рун».

— Терун тярун, дайрун терун дварун рублярун нарун кирун норун!..

— Что, что? — сказала женщина в синем берете, и лицо у нее от изумления вытянулось, словно резиновое.

Женя Афанасьев круто повернулся и убежал.

— Не дала,— соврал он Сережке,— сказала, что позовет милиционера. Знаешь что? Пойдем в переулок деньги просить, а то здесь стыдно и страшно. Ладно?

— Пошли.

Они свернули в переулок, где было темнее, и остановились в подворотне.

— У пятого, который мимо пройдет, попрошу,— решил про себя Сережка.

Первый, второй, третий, четвертый прохожий прошли мимо. Показался пятый. Он шел, опустив голову, о чем-то думал. Сережка толкнул Женю Афанасьева в бок, вышел из подворотни и, подойдя вплотную к прохожему, сказал жалобно:

— Дяденька, дайте мне, пожалуйста, два рубля, нам не хватает на кино...

Прохожий поднял голову — и ошеломленный Сережа узнал очки и длинный нос

— Терун тярун, дайрун терун...

классного руководителя Трофима Ивановича.

Положительно ему не везло сегодня!..

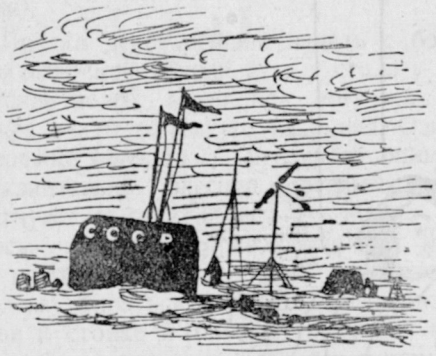
Сережка хотел убежать, но было уже поздно. Тяжелая рука Трофима Ивановича легла ему на плечо.

— Очень хорошо,— сказал классный руководитель.— Бегаем по улицам и клянчим деньги у прохожих? Так, так!.. А письмецо мое ты отдал матери?..

— Н-нет еще,— прошептал Сережка.— Ее дома не было... Я у вас нечаянно деньги на кино попросил, Трофим Иванович.

— Не отдал письмо? Очень хорошо! Ну, пойдем вместе. Я лично с твоей матерью поговорю!..

Трофим Иванович взял Сережку за руку, и они пошли вместе по ярко освещенной улице. Некоторое время Женя Афанасьев крался за ними следом, потом остановился, махнул рукой и побежал в обратную сторону, к себе домой.



ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО „КОМПАС"

Известия Географического общества читателей журнала «Пионер» № 20

Открытое заседание совета Общества «Компас»

В этом номере журнала мы устраиваем открытое заседание совета Географического общества «Компас» при журнале «Пионер» для заслушания отчета о героической работе члена совета нашего Общества товарища Эрнста Теодоровича Кренкеля.

Мы горды и счастливы, что среди активных членов нашего Общества с самого основания его был Эрнст Теодорович. Мы вспоминаем, с каким интересом читали члены нашего Общества письма товарища Кренкеля с Северной земли (в № 4 «Известий» Общества), как акуратно отвечал по радио Эрнст Теодорович с дрейфующей станции «Северный полюс» на поздравления и запросы совета «Компаса».

Героическая работа замечательного сына нашей родины, товарища Кренкеля, должна быть примером для каждого члена «Компаса». Мы уверены, что каждый из вас мечтает хоть немного, но походить на нашего старшего товарища по Обществу, а в будущем, когда вырастет, сделать для славы нашей страны и советской географии хоть часть того, что сделал товарищ Кренкель.

Горячий привет отважному радисту Северного полюса от членов нашего Общества.

Слово для сообщения о научных итогах дрейфующей станции «Северный полюс» имеет депутат Верховного Совета СССР, доктор географических наук, член совета Географического общества при журнале «Пионер», Герой Советского Союза Эрнст Теодорович Кренкель.

2500 километров на льдине

21 мая прошлого года Водопьянов последний раз помахал нам рукой, захлопнул крышку люка, и самолеты один за другим улетели. Мы остались на Северном полюсе впятером (считая среди обитателей полюса и пса Веселого). Куда ни посмотришь, — всюду юг, всюду солнечная сторона.

Через 9 месяцев, точнее, через 274 дня, нас поймали уже в Гренландском море — в 2100 километрах от места нашей высадки, если считать по прямой линии. А если измерить настоящий наш путь, так как наша льдина капризничала, делала петли и зигзаги, то мы проплыли около 2½ тысяч километров. Я думаю, что вы настолько знаете арифметику, чтобы рассчитать среднюю скорость нашего движения. Точного расписания движения у нас не было

Герой Советского Союза Эрнст Теодорович Кренкель прислал совету „Компаса" свою фотографию с надписью: „Привет Обществу „Компас". Радист Северного полюса Э. Кренкель".

составлено, и иногда льдина стояла на одном месте по 2 — 3 дня, но эти остановки она наверстывала тогда, когда за сутки проходила сразу километров 40. Мы вели научную работу на протяжении 15 градусов — от полюса до 75-й параллели.

Я постараюсь отчитаться перед вами, своими товарищами по «Компасу», в том, какие научные наблюдения проделала дрейфующая станция «Северный полюс», расскажу, как мы выполнили задания партии и правительства.

Перед отправлением экспедиции мы особенно много думали о снаряжении. Общий вес груза, считая и людей, не должен был быть выше 10 тысяч килограммов. Это условие поставили летчики. Нам хотелось сделать как можно больше наблюдений, поэтому надо было взять как можно больше научных приборов. Имелись готовые приборы, но они нас не удовлетворяли. Они были чересчур громоздкие и тяжелые. Нам нужны были легкие, компактные приборы с гарантией, что они не испортятся. Такие приборы были сделаны специально по нашему заказу. Возьмите ветряк. В Америке самые маленькие ветряки весят не меньше 200 килограммов. А для нас, по заказу Папанина, сделали ветряк весом в 54 килограмма, и он все время прекрасно работал.

Часть научных работ нашей экспедиции имела теоретическое значение, но большая часть: наблюдение за погодой, магнитная с'емка на всем протяжении дрейфа, изучение дрейфа льда и гидрологические разрезы — имела практическое значение.

Мы счастливы и горды тем, что своими сведениями о погоде помогли перелетам Чкалова и Громова через полюс. Чкалов и Громов перед отлетом из Москвы особенно часто запрашивали нас по радио, интересовались нашей погодой, так как на самом большом и неизведанном этапе перелетов — Земля Франца-Иосифа — Аляска — метеостанции нет.

Через несколько недель нашего пребывания на полюсе мы получили телеграммы от наших ведущих метеорологов и также от иностранных ученых. Они сообщали, что наши сведения о погоде совершенно меняют прежнее представление о процессах погоды в центре Полярного бассейна. Так как ученые считали, что Полярный бассейн является «кухней погоды», то ясно, какое большое значение имели наши наблюдения не только для полярных областей, но и для более умеренных широт. Мы сняли с полюса «холодную полярную шапку». Мы выяснили, что на полюсе не бывает зимой таких низких температур, как внутри Гренландии или в Якутской республике.

Оказывается, даже на Северном полюсе летом тает. Там исчез весь снеговой покров, достигавший местами двух метров высоты, и даже трехметровый лед растаял примерно на полметра. Весь лед покрылся лужами, даже целыми озерами пресной воды. Некоторые озера были длиной в полкилометра и местами достигали глубины в 2 метра. Эти озера соединялись между собой бурными реками, и мы опробовали на озерах резиновые лодки. Чтобы это неожиданное наводнение не причинило нам бед, мы разместили наши палатки и продовольственную базу на многочисленных ледяных островках и возвышенностях. Узнав о наших озерах, один чудак, коротковолновик с Гавайских островов, испуганно запрашивал меня:

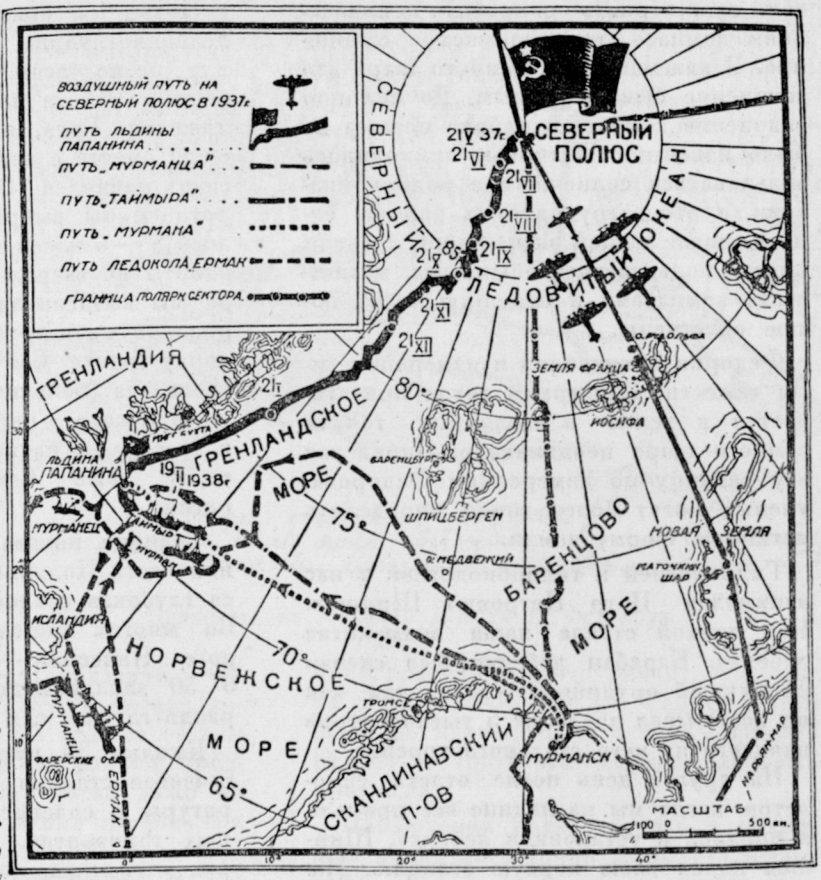
— Вы не утонете?

В районе полюса сильных ветров мы не наблюдали. Часто мне приходилось пускаться на всякие ухищрения, чтобы во время безветрия растянуть запас электроэнергии в моих аккумуляторах. Ведь электроэнергию мы добывали при помощи ветряка. Когда не было ветра, для передачи радиосообщений крутили вручную динамку. Крутить приходилось авторам корреспонденции, и это сильно охлаждало их писательский пыл.

Чем ближе мы подплывали к берегам Гренландии, тем ветры становились сильнее и чаще. За последние 2 месяца нашего дрейфа часто наблюдались даже штормовые ветры. Это об'ясняется тем, что с одной стороны была холодная Гренландия и дрейфующий лед, с другой стороны — открытая вода и

теплые воды Гольфстрима. На стыке холода и тепла рождались ветры. Это определяло и направление ветров, а именно с северозапада на восток и юговосток.

Четыре раза в сутки мы регулярно передавали по радио метеосводки на материк, и они включались в карты погоды во всем мире. Это не только облегчало предсказание погоды. Дело в том, что состояние атмосферы сказывается и на состоянии и движении льдов. Возможно, что изучение метеоданных Северного полюса позволит ученым более точно давать ледовые прогнозы, предсказывать условия плавания по Великому Северному пути.



Наше ледяное поле, на котором Водопьянов 21 мая совершил блестящую посадку, было во всех отношениях отличным. Это был многолетний лед толщиной в 3 метра. Поле представляло собой грубый треугольник со сторонами примерно в 3 — 5 километров. До берегов Гренландии поле дрейфовало в сравнительно спокойной обстановке. Правда, иногда открывались старые трещины и между соседним и нашим полями образовывались полыньи. Но наше поле не трескалось.

Осенью, перед заходом солнца, мы совершили ряд походов в разные стороны радиусом в 10 — 15 километров от нашей палатки. Мы увидели, что выбор нашего ледяного поля был исключительно удачным. В соседних районах лед был как будто бы пропущен через гигантскую мясорубку: не было целых льдин размером хотя бы 10 на 10 метров. Трехметровый лед был весь искрошен, перевернут, поставлен на ребро или надвинут друг на друга.

Эти наблюдения заставили нас быть начеку каждый день, каждый час, каждую минуту. Все наше имущество было разделено на 3 части и находилось в трех различных местах нашего поля. Поэтому та катастрофа, которая случилась незадолго перед тем, как нас сняли со льдины, не застала нас врасплох. Тогда мы очутились на льдине размером 30 на 50 метров.

При малейшей возможности Федоров производил астрономические наблюдения: в полярный день — по солнцу, а ночью — по звездам. Мы так его и прозвали «заведующим планетарием». Путь нашего дрейфа нанесен на карту по 147 астрономическим определениям Федорова.

Федоров по пути нашего дрейфа произвел точную магнитную с'емку. Для того чтобы на кораблях и самолетах можно было пользоваться компа-

сом, нужно знать поправку к показаниям компаса, так называемое склонение. В каждой точке земного шара это склонение бывает разным. До сих пор склонение компаса в районе полюса не было известно. Летчикам приходилось пользоваться солнечным и радиокомпасами, и это затрудняло их работу. Теперь, после нашей экспедиции, летчики смогут пользоваться обычными, магнитными компасами и перелеты через полюс облегчены.

Федоров производил и измерения силы тяжести. Килограмм груза притягивается к земле в различных точках земного шара неодинаково. Определяя эту разницу по измерениям Федорова, ученые могут более точно определить истинную форму земли.

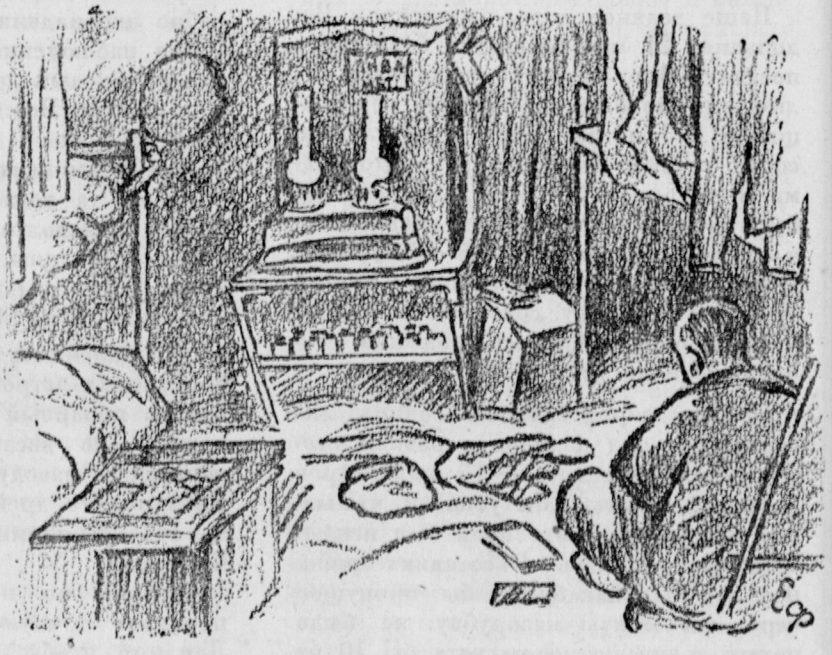
Гидрологией и гидробиологией у нас занимался Петр Петрович Ширшов. Над лункой стояла наша знаменитая лебедка. Барабан лебедки был сделан из лучшей орудийной стали, так как он испытывал давление 5 тысяч метров навитого на него стального тросика.

На другой день после отлета самолетов, когда мы на льдине все привели в порядок и установили лебедку, Ширшов начал свою первую станцию. Мы все собрались вокруг него и с нетерпением ждали раскрытия тайны Северного полюса. Метр за метром тросик уходил в воду. Казалось, он никогда не дойдет до дна. Наконец, лебедка остановилась. Мы намотали обратно метров 50 тросика и снова опустили его. Но он остановился на прежней глубине — 4290 метров. Особый тормоз останавливал лебедку, когда груз на конце тросика доставал дна. Так вот какая пропасть у нас под ногами! Глубоко же заложена ось земного шара!

Потом мы брали станции для определения глубины через каждые 30 минут (не по часам, а географических, конечно). Работа на лебедке была очень тяжелой. Груз, прикрепленный к тросику, вместе с весом выпущенного тросика равнялся 80 килограммам. Для того чтобы выбрать тросик, требовалось 5 — 6 часов непрерывной тяжелой работы вчетвером. При каждом промере мы вытаскивали при помощи специально сконструированного щупа колонку грунта. Сейчас эти образцы морского дна (большей частью красновато-коричневого цвета) обрабатываются в Москве, и наука узнает, из чего состоит ложе Северного Ледовитого океана.

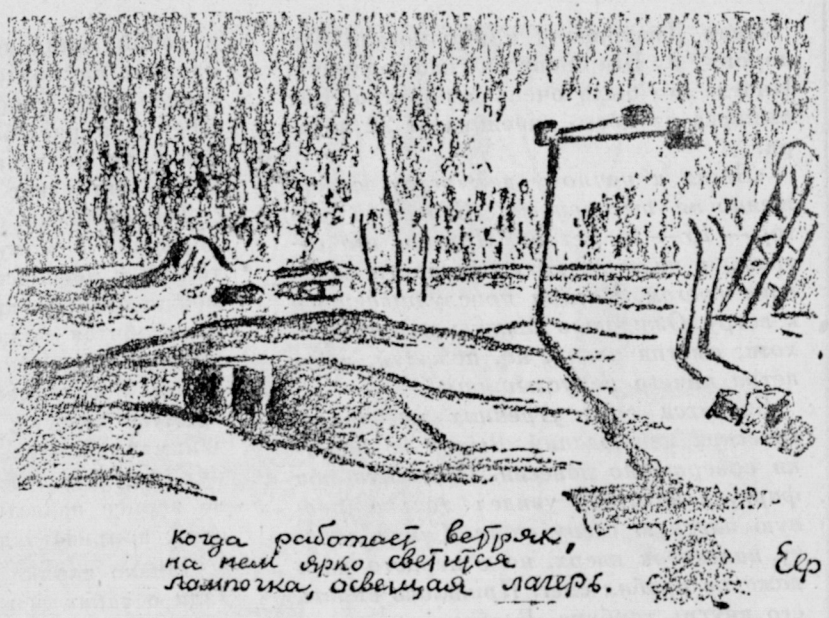
Станции показали, что в центральной части Полярного бассейна находится глубокая котловина с пологим дном. Во многих местах (например на «пороге Нансена» — 81° 00′ широты и 6° 50′ западной долготы) оказалось гораздо глубже, чем считали раньше.

Каждые 30 миль делалась гидрологическая станция — определение температуры и солености воды на различных горизонтах. Некоторые термометры, опущенные на глубину свыше 4 тысяч метров, не выдерживали огромного



В палатке. Рисунок из записной книжки Е. Федорова.

давления, и мы вытаскивали только осколки стекла. Специальным прибором — вертушкой Экмана — мы определяли морские течения подо льдом. Оказалось, что на глубине от 250 до 750 метров идет мощный поток теплой и соленой воды из Атлантического океана. Он доходит до самого полюса. Раньше не предполагали, что теплое течение так далеко заходит, считали, что оно идет только по окраинам Полярного бассейна.



Зарисовка из записной книжки Е. Федорова.

Гидробиологические наблюдения Ширшова показали, что воды Северного Ледовитого океана даже в районе Северного полюса совсем не так безжизненны, как раньше представляли. Планктонная сетка даже из глубины в 3 тысячи метров приносила к нам мелких животных.

Теплое течение приносит с собой много мелких организмов и растений. Так как летом ледяной покров уменьшается, через него в воду проникает достаточно солнечных лучей, чтобы могли развиваться мелкие животные и водоросли. Ширшов собрал богатую коллекцию всяких микроскопических рачков, червячков, всяких «букашек-таракашек». Большинство их такое же, как в Атлантическом океане. Все эти мелкие животные и водоросли называются планктоном.

Профессор Богоров сделал очень важное открытие: по количеству планктона и по его развитию очень просто узнать о состоянии ближайших льдов. Можно зачерпнуть ведро воды и по состоянию планктона выяснить, какие льды ожидают корабль на пути. Например, если планктон зимний, это значит, что в этом районе льды еще не вскрывались, корабль ждут тяжелые льды. Или корабль идет по чистой воде и вдруг встретит сильное «цветение» планктона — это значит, что скоро повстречаются льды. Работы Ширшова по изучению планктона позволят сильно уточнить эти местные ледовые прогнозы.

Наблюдения показали, что в полярных водах достаточно живых, чрезвычайно мелких организмов, чтобы дать питание тюленям. Когда образовались широкие трещины, мы наблюдали появление тюленей. Видели мы и потребителя тюленей — белого медведя. Это было севернее 88 градуса. Мы видели медведицу с двумя медвежатами. Папанину очень хотелось поесть свежей медвежатины, но Веселый некстати спугнул гостей лаем. Иван Дмитриевич напрасно долго догонял гостей, так нам и не удалось близко познакомиться. На самом полюсе к нам прилетали различные чайки, и даже два раза мы видели небольшую полярную птичку — пуночку. Жизнь есть и в этих высоких широтах.

Нашей экспедиции удалось выяснить ряд зависимостей между движением льдов, ветрами и течениями. В Арктике лед дрейфует не под влиянием течения, а его северные и северозападные ветры гонят в Гренландское море. Во время движения лед увлекает с собой самые верхние слои воды.

Иван Дмитриевич и я помогали Федорову и Ширшову в наблюдениях. Иногда это было очень неприятно. Вот выписка из моего дневника от 22 января:

«Встал к ночному дежурству, совершенно не выспавшись. Северный ветер — 15 — 16 метров. Порывы его сотрясают палатку, хотя она почти засыпана снегом. Часами прислушиваешься к ветру. Ожидаешь каждую минуту грохота, сжатия льдов, но, пожалуй, из-за ветра ничего не услышишь.

Близится срок утренних метеорологических наблюдений. Выход из палатки совершенно занесен. Отстегнув оба фартука палатки, увидел только ровную плотную стену снега. Сунул лопату наискосок вверх, но с первого раза даже не пробил снег. Пришлось кидать его внутрь тамбура. В образовавшуюся дыру пурга несла плотные клубы мелкого снега. Сразу залепило лицо, шапку и капюшон. Во рту карандаш, в одной руке кусок фанеры — для записей. В таком виде лезу наверх в узкую лазейку.

Метеобудка забита снегом. Пока выгребаешь, ветер режет лицо и пронизывает одежду: хорошо, что несколько дней тому назад зашил себе брюки. Пока возишься с очисткой будки, пальцы уже почти не чувствуют карандаша.

Наблюдения сделаны. В пургу еле-еле находишь дыру входа в палатку. Она едва светится сквозь потоки несущегося снега. Это светит кухонная лампочка. Надо торопиться к радиосроку. Поэтому на естественных «салазках», пригнув голову, на спине съезжаешь в тамбур. Окоченевшими пальцами ставишь новую ленту на термограф и заводишь барабан. Опять надо лезть наверх, опять весь в снегу.

Вернувшись, откапываешь снег дальше в тамбур, чтобы кое-как застегнуть фартук у входа. Пурга продолжает свое дело.

Ветер — 8 баллов, мороз — 20 градусов. Неприятно!..»

Папанин и я целиком взяли на себя все вспомогательные хозяйственные работы, которых у нас было очень много. Не зная заранее точную продолжительность нашего дрейфа, мы взяли с собой продовольствия, горючего и одежды на полтора года. Продовольствие было специально приготовлено. Обед для нас был сварен в Москве сразу на полтора года. Супы, например, были у нас в маленьких плитках.

Теоретически суп готовится в продолжение 5 минут. Но это относится только к московским условиям, там, где можно открыть кран и набрать сколько понадобится воды. На полюсе же мы должны были сначала растопить снег, потом в холодной кухне на обычном примусе довести воду до кипения. Это занимало 3 часа, а уж затем за 5 минут обед был готов. Эту процедуру было вернее назвать не приготовлением супа, а приготовлением кипятка.

Однако вполне понятно, что мы мечтали о таких вещах, как картошка, капуста, селедка и свежий хлеб. Мы с удовольствием сменяли бы кило шоколада на кило картошки. В случае будущей экспедиции прошу любителей шоколада это учесть. Однако при одном условии, что доставка картошки на полюс должна производиться за счет желающих менять картошку на шоколад.

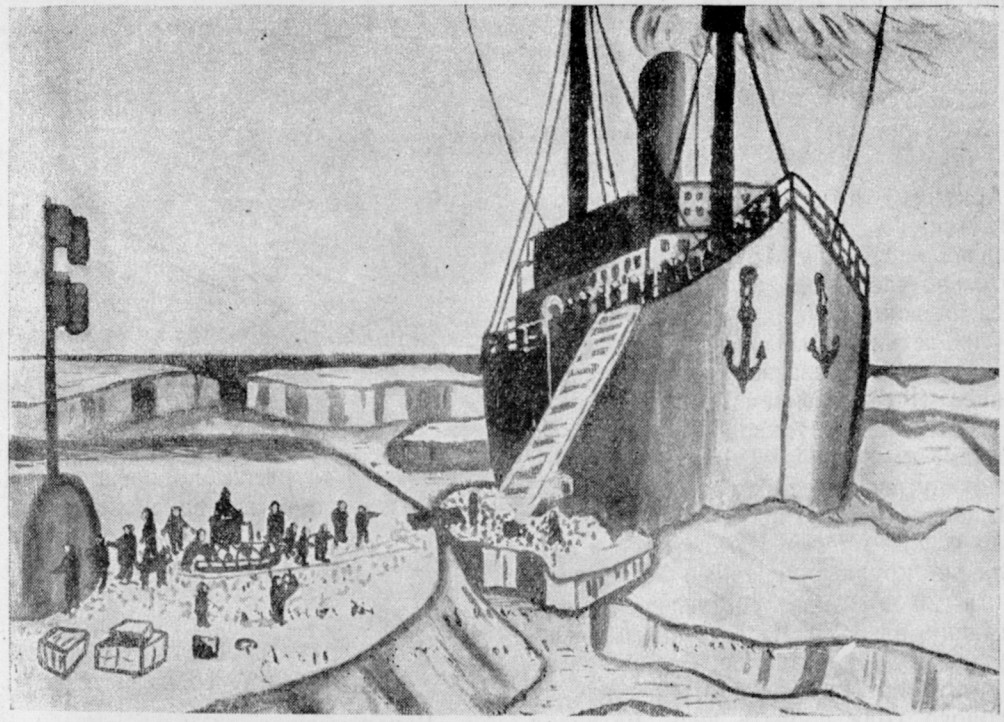
Мне очень хочется отметить хорошую работу нашей радиостанции. Мы получали очень много приветствий и сообщений с Большой земли. На все мы просто не были в состоянии ответить. Но пионерам и ребятам мы всегда отвечали.

Мы горды тем, что из рук советских полярников мировая наука получает ценный вклад в изучение Северного полюса.

Мы счастливы и горды тем, что наша молодая страна сделала то, что не могли сделать в продолжение десятилетий другие государства, что мы с честью выполнили задания нашей партии, правительства и горячо любимого Сталина.

Горячий привет нашим молодым друзьям, будущим ученым, летчикам и полярникам.

Э. Кренкель



«Таймыр снимает папанинцев. Рис. Толи Торопова из села Билярск. Татария.

Эрнст Теодорович просил членов нашего Общества высказаться о том, как можно использовать в освоении Арктики работы дрейфующей станции.

Слово имеет член нашего Общества Тоня Лагидова (Москва)

Подводные корабли

Когда я узнала про 2 открытия наших папанинцев, что на Северном полюсе очень глубоко — больше четырех километров — и что на глубине от 250 до 750 метров там проходит теплая атлантическая вода,— вот что пришло мне в голову.

Самый короткий путь из СССР в Америку идет через полюс. На самолетах хотя и можно летать, но не очень удобно. Моторы могут испортиться, потом самолеты могут попасть в туман и оледенеть. На полюсе аэродром устроить нельзя, так как льды двигаются. Кроме того самолеты не могут брать с собой много груза.

Поэтому я предлагаю открыть сообщение между СССР и Америкой через Северный полюс на особых подводных лодках. Их надо делать очень прочными, из самой лучшей нержавеющей стали. Эти лодки могут на большой глубине — метров в 300—400—плавать в Америку. Так как они будут плыть среди теплого течения, то их не надо отеплять. Кроме того на такой глубине нестрашны льды и бури: там всегда тихо и спокойно.

Конечно, мне скажут, что на такой глубине лодку раздавит давление воды. Но я читала, что американский ученый Биб построил батисферу и опускался в ней на 900 метров, чтобы изучать жизнь моря. Батисфера выдержала. У нас строят батисферу, которая может спуститься на тысячи метров,— значит, можно построить такие крепкие подводные лодки, что им глубина в 300—400 метров будет нестрашна. А лодки могут брать гораздо больше груза чем самолеты.

Слово имеет член нашего Общества Арнольд Танельвиц (Москва)

Арктический кружок

Арктикой я увлекся еще с похода «Челюскина». Читал о ней книги, составлял карты, дневники, альбомы. Внимательно следил за перелетами Водопьянова, Молокова, Леваневского, Фариха и других летчиков. Но особенно меня восхищала работа славной четверки папанинцев. Я с волнением искал в газетах их сообщения. В такие дни, когда были большие корреспонденции с дрейфующей льдины, у нас вся школа говорила о них.

В школе я организовал арктический кружок из 10 ребят. На кружке мы изучили все крупные северные экспедиции 19 и 20-го веков, составляли карты, дневники, альбомы. На лето каждый член кружка получил задание. Вот к примеру Анатолий Логинов должен к началу учебного года собрать весь материал о Северном морском пути: какие по нему будут экспедиции, наблюдать за их продвижением, собрать о них все заметки и статьи и после сделать на кружке доклад.

Арнольду Грифу надо сделать доклад о Северной земле — рассказать историю ее открытия и зимовок на ней, какие там течения, льды, ветры, растительный и животный мир и т. п.

16 марта мы пригласили в школу всех ребят на географический вечер, посвященный папанинцам. В зале устроили выставку, посвященную Арктике. Здесь можно было увидеть портреты Пири, Нансена, Кука, Шмидта, Папанина и других исследователей и краткое описание их экспедиций. Собрали всю, какую могли найти, литературу о Севере. Я рассказал ребятам об истории завоевания полюса и об экспедиции Папанина и ее значении. Одновременно с докладом показывалась пленка по истории открытия Севера. Послали приветствие отважной четверке. После показали пьесу «Жизнь папанинцев на льдине» в четырех картинах. Мы сами ее сочинили.

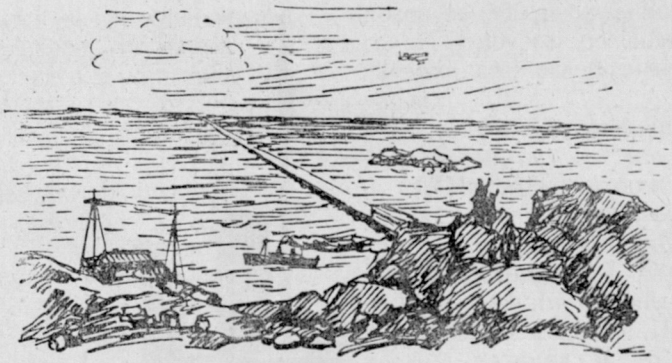
Особенно всем зрителям понравилось, когда Эрнст Теодорович сообщает своим товарищам, что из Москвы передают: «Откройте форточку, останьтесь в трусиках».

По окончании пьесы была викторина «на лучшего знатока Арктики». Во время викторины я задумался: раз на полюсе есть перелетные птицы, значит где-нибудь в районе полюса обязательно должна быть земля или остров. Я предлагаю нашим летчикам, находящимся на островах Рудольфа и Гуккера, тщательно облетать район Северного полюса. В случае обнаружения земли или острова нужно построить там самый крупный арктический аэропорт, где будет остановка для летчиков, летающих по маршруту Москва — Северный полюс — Северная Америка и обратно.

В навигации по Северному морскому пути в этом году впервые участвуют мощные ледоколы «И. Сталин», «Л. Каганович», которые без особого труда могут дойти до острова Рудольфа; и, если найдут острова в сердце Арктики, ледоколы дойдут до них. Здесь пополнят запасы авиобазы горючим. Сообщение на самолетах через Северный полюс устроить гораздо проще, чем пройти полюс на ледоколах. Но наши папанинцы дали нам яркое представление о полюсе, и все это можно использовать для того, чтобы пройти полюс и на ледоколах.

Если у нас самолеты и ледоколы будут летать и плавать через Центральный бассейн Арктики — а это самый короткий путь из СССР в США,— то можно свободно по этому маршруту открыть пассажирское и грузовое движение. Я предполагаю, что в скором времени наши самолеты будут курсировать между Северной Америкой и СССР через полюс.

Как-то И. Д. Папанину задали вопрос: «Кому принадлежит полюс?» Папанин ответил, что полюс принадлежит тому, кто больше там бывает. Большевики первые по-настоящему завоевали полюс.



Слово имеет член нашего Общества Юра Кашин (Москва).

Плотина в море

Когда мы учили в школе географию, мы узнали, что единственным незамерзающим портом на севере СССР является Мурманск. Мурманский порт не замерзает потому, что к нему подходит ветвь теплого течения из Мексиканского залива — Гольфстрима.

Теперь папанинцы открыли, что теплые воды Атлантического океана проходят мимо Гренландии к Северному полюсу и воздействуют там на атмосферу. Но все же это теплое течение приносит там мало пользы.

Мне кажется, что если бы перегородить ту часть Гольфстрима, которая идет далеко к северу, и направить ее ближе к северным берегам Европы и Азии, по тому пути, по которому идет поток Гольфстрима к Мурманску, человечество много бы выиграло. Теплые воды отогнали бы льды гораздо севернее. По Великому Северному пути можно было бы ходить пароходам круглый год. Климат бы в заполярных областях потеплел, и там возможно было бы земледелие, легче было бы добывать богатства Севера.

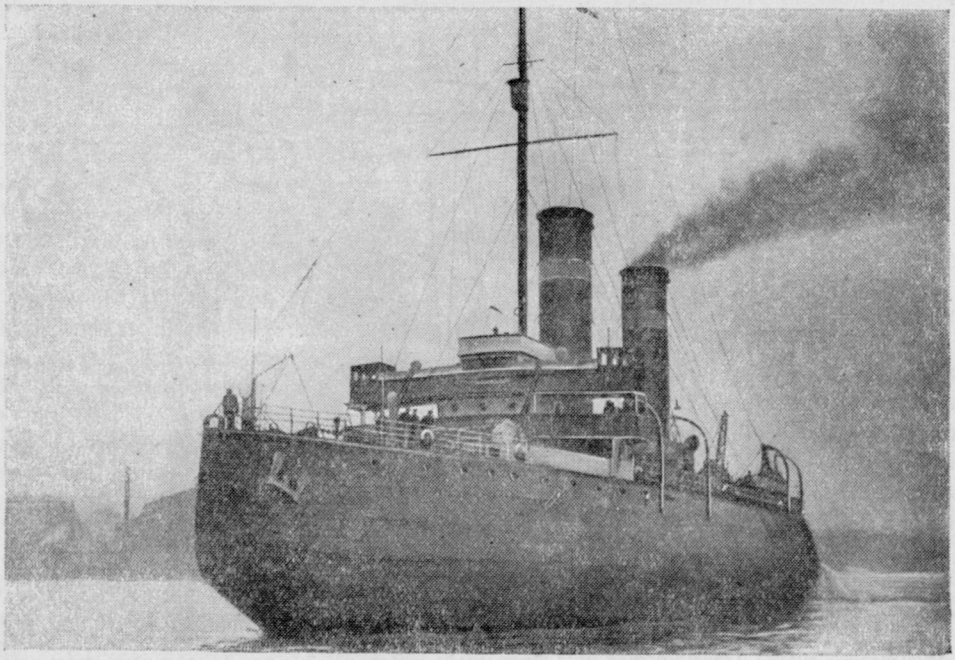
Конечно, в ближайшие годы едва ли удастся построить такую плотину. Капиталистические государства не пойдут на такую постройку. Но когда там произойдет революция и человечество будет переделывать всю землю,— по-моему, тогда надо будет прежде всего использовать это открытие.

Слово имеет член нашего Общества Толя Горяинов (Саратов)

ДОПОЛНИТЬ УЧЕБНИКИ ГЕОГРАФИИ

Я думаю, что в Советском Союзе не было ни одного пионера, ни одного ученика, который бы с гордостью и завистью не следил за дрейфом отважной четверки папанинцев. Я скажу про себя, что с удовольствием готов был все отдать, чтобы попасть на льдину к папанинцам, хоть пролететь зайцем в самолете.

Я считаю, что надо как можно скорее издать новые учебники географии, в которых подробно написать про дрейфующую станцию и про ее научные открытия. Надо бы, чтобы уже в следующем учебном году ребята учили про папанинцев и узнали, какими должны быть настоящие советские путешественники.



Ледокол «Ермак» в Финском заливе.

Слово для сообщения о 40-летнем юбилее ледокола «Ермак» имеют члены совета нашего Общества проф. Н. Зубов и А. Некрасов

Дедушка ледокольного флота

Сорок лет назад на заводе «Армстронг и Витворт» в Ньюкестле (Англия) готовились к торжественному спуску огромного и небывалого по тем временам корабля.

Вокруг этого события было много толков и споров. Одни возлагали на новый корабль необоснованные надежды, другие, наоборот, уверяли, что вся эта затея — пустая трата денег, и на все лады травили в газетах замечательного ученого — путешественника и моряка Степана Осиповича Макарова, который задумал эту постройку и несмотря на все препятствия и трудности довел ее до конца.

Торжественный спуск прошел скромно: на корпус поставили фальшивые мачты, расцветили их флагами; жена будущего командира корабля отбила горлышко бутылки о мощный форштевень, вино выпили; потом вышибли деревянные клинья, и огромный корпус, подминая доски и бревна, густо смазанные салом, пополз к воде.

Это было 10 октября 1898 года. В тот же день кораблю дали имя. Так появился на свет первый в мире мощный ледокол «Ермак».

С тех пор «Ермак» совершил немало славных походов, и до наших дней он считается одним из сильнейших в мире ледоколов. Имя этого корабля навсегда вписано в историю победы человека над Арктикой. И хотя «Ермак» не выполнил того подвига, к которому предназначал его инициатор и создатель этого замечательного ледокола: не пробился к полюсу, зато уже 40-летним стариком (а для корабля это очень почтенный возраст) «Ермак» с честью доставил на родину четырех советских героев, впервые по-настоящему обживших полюс. Но даже и тогда, когда заслуженный

корабль превратится в плавучий музей, инженеры-судостроители, полярные путешественники и ледовые капитаны будут изучать чертежи и расчеты «Ермака», опыт его плаваний и интересную историю его создания.

Эта история начинается почти за 30 лет до появления «Ермака» и даже до появления мысли о его постройке.

В 1864 году кронштадтский пароходчик Бритнев поставил в док и изуродовал свой пароходик «Пайлот», на котором он перевозил народ и небольшие грузы из Кронштадта в Петербург и обратно. Бритнев срезал нос своему и без того не больно красивому пароходу. Вид у «Пайлота» получился неважный, на ходу он подминал и гнал перед собой воду, и над Бритневым смеялись все, считавшие себя специалистами по морским делам.

Но вот наступила осень. На Маркизовой луже появился лед, еще с неделю походили пароходы и встали на приколы до весны. На две—три недели до полного ледостава Кронштадт замер, отрезанный от берега... Тут «Пайлот» и показал себя. Не очень быстро, но очень уверенно он пошел в свой обычный рейс, спокойно подламывая под собой лед и оставляя позади широкий канал. На все время ледостава изуродованный пароходик остался единственным средством связи Кронштадта с Петербургом, и Бритнев быстро окупил расходы. На следующий год Бритнев внес кое-какие изменения и улучшения в конструкцию «Пайлота», а потом построил и новый ледокольный корабль «Бой», который и был первым в мире ледоколом.

«Бой» и «Пайлот» работали неплохо, но мало кто обращал на них внимание. Так бы, вероятно, и погибло это замечательное изобретение, как погибало много изобретений в царской России, если бы в 1871 году суровые морозы не сковали льдом Эльбу. Замерз всерьез и надолго мировой порт Гамбург. Купцы и пароходные компании всего мира терпели миллионные убытки. И тогда в Гамбурге вспомнили о русском Бритневе, который давит лед в Финском заливе.

В Кронштадт приехали немецкие инженеры, осмотрели «Пайлот» и «Бой» и купили у Бритнева чертежи его пароходов за 300 рублей. Вскоре после этого в Гамбурге появились ледоколы и, взломав лед, освободили замерзшие корабли.

Об опыте Бритнева попрежнему мало думали, пока о нем не напомнил С. О. Макаров, который тогда уже задумал построить мощный ледокол. Макаров был опытным моряком и прекрасным судостроителем. Он очень хорошо понимал, каким мощным должен быть ледокольный корабль. Но Макаров прекрасно понимал и то, что раскачать царское правительство на такое дело труднее, чем пробить полярные льды.

Наконец, как будто случай представился. Фритиоф Нансен отправился в свой знаменитый дрейф на «Фраме». Макаров знал, на какой подвиг идет Нансен. Он всей душой сочувствовал этому смелому человеку. Он лучше самого Нансена предсказал путь дрейфа и дал Нансену много ценных советов, но в то же время втайне Макаров мечтал о том, чтобы Нансен подольше задержался во льдах Арктики. Он надеялся, что такой исход экспедиции, получившей мировую известность, раскачает общественное мнение и даст возможность собрать средства для организации поисков, а значит, и для постройки мощного ледокола. Но когда Нансен, а затем и «Фрам» благополучно в намеченный срок вернулись из своего удивительного похода, Макаров, радуясь этой победе человека над Арктикой, в то же время с разочарованием признался: «Возвращение Нансена и «Фрама» лишило меня того предлога, который мог дать возможность собрать средства на постройку ледокола, и мне пришлось придумать другой мотив, на этот раз коммерческий».

Снова стал перед Макаровым вопрос о том, кто же будет строить ледокол. Но он не бросил своей идеи.

На пароходе вместе с коммерческой экспедицией англичанина Попхэма Макаров отправился в Карское море. Там он усердно и долго уговаривал богатых сибирских купцов, доказывая необходимость постройки ледокола и собирал «мнения». Вернувшись в Петербург 30 марта 1897 года, Макаров сделал свой знаменитый доклад «О значении ледоко-

лов для исследования Арктики и продления навигации».

Этот доклад слушали ученые и специалисты, чьим мнением дорожил Макаров, но таких было немного, и сидели они на задних скамьях. А впереди важно восседал «герцог Альтенбургский с супругой Еленой Георгиевной» и другие высокопоставленные лица. И герцог и его супруга, вероятно, ничего не поняли из серьезного и умного доклада, но зато сам Макаров прекрасно понимал, что «вопрос не в том, можно ли разбить лед, а в том, стоит ли его разбивать».

Он сумел убедить всех, что стоит. «К Северному полюсу напролом»,— сказал Макаров в конце своего доклада, и эта фраза вошла в историю ледокольного дела.

Разбив лед косности и недоверия, Макаров энергично принялся за изучение вопроса о том, как практически победить льды Арктики. К этому делу он привлек лучших русских ученых того времени. Знаменитый химик Менделеев принимал участие в разработке проекта ледокола.

Комиссия рассмотрела проекты. Лучший проект представила фирма «Бурмейстер и Вейн» — та самая фирма, которая много лет спустя строила знаменитый «Челюскин». Но когда вскрыли конверты с предложением цен и сроков постройки, пришлось отказаться от этого проекта.

Бурмейстер просил на постройку 16 месяцев и 2 миллиона рублей.

Шихау — год и 2 миллиона 200 тысяч.

Армстронг брался построить ледокол в 10 месяцев за полтора миллиона.

Макаров торопился и экономил. Он знал, что царское правительство может передумать и поскупиться, и потому выбрал фирму «Армстронг». А чтобы ледокол получился не хуже того, что предлагал построить Бурмейстер, Макаров сам поехал заключать договор и выговорил такие условия, при которых завод сам пошел на то, чтобы сделать ледокол прочнее и лучше.

В то время была эпоха расцвета машиностроительной техники. Инженеры верили, что сталь и пар могут победить все, что угодно. Но льды они знали плохо, и Макаров, воспользовавшись этим,

«Красин» идет сквозь льды.

вставил в договор такое условие: «Крепость набора, обшивки, винтов и прочего должна быть такова, чтобы ледокол мог с полного переднего или заднего хода ударить в лед всякой толщины, который он встретит в любом районе Ледовитого океана, и при этом ничто не должно повредиться ни в корпусе, ни в машине, равно как должны остаться невредимыми винты и руль».

Верил ли сам Макаров в возможность постройки такого неповреждаемого ледокола, неизвестно. Ему приходилось говорить, что он верит. Но, наблюдая за постройкой, он то и дело рассказывал инженерам о крепости полярных льдов и о том, как льды губят стальные корабли. Видимо, рассказывал он так убедительно, что строители одну за другой заменяли части будущего ледокола более прочными. Макаров предусмотрел и это. В условие постройки был вставлен такой пункт: «Если осадка ледокола с грузом угля в триста тонн превысит 18 футов

и 6 дюймов, заказчик не примет судна...». Этот как будто незначительный и невинный пункт сначала тоже не смутил строителей. Но когда напуганные крепостью полярных льдов инженеры утяжелили крепление ледокола, выяснилось, что корабль будет сидеть глубже, и пришлось бесплатно, за счет фирмы, увеличивать ледокол на 5 футов в длину и 1 фут в ширину.

Также хитро выторговал Макаров и добавочную мощность машины. По проекту, ледокол должен был иметь 4 винта: 3 на корме и 1 на носу. Эти носовые винты были новостью, только что изобретенной в Америке. Изобрели их случайно: один капитан, не справившись с пловучим ледяным торосом, загораживавшим путь, решил взять торос на буксир и оттащить с дороги. Но вскоре после того, как началась буксировка, торос неожиданно развалился. Оказалось, что струя от винта размыла его, и с тех пор американцы стали ставить на ледоколах носовые винты специально для размывки торосов.

Вот этот винт и использовал Макаров для того, чтобы бесплатно усилить машину. Дело в том, что судовые машины развивают наибольшую мощность на полном ходу корабля. А ледоколу, как раз наоборот, приходится развивать наибольшую мощность в то время, когда он стоит, упираясь в лед. Зная это, Макаров поставил такое условие: «Машины должны развивать мощность в 10 тысяч сил, в то время как 3 задних винта работают передним ходом, а передний винт задним». Строители приняли это условие, но чтобы выполнить его, пришлось увеличить мощность машин.

Все это несколько удлинило сроки постройки, но зато за полтора миллиона был построен ледокол не хуже того, за который просили 2 миллиона.

Макарову приходилось быть и дипломатом, и инженером, и экономистом. Приходилось уговаривать завод делать ледокол прочнее, уговаривать царских министров подождать, уговаривать купцов, что ледокол — стоящее дело. Затянувшаяся на два месяца постройка уже вызвала «неудовольствие его величества», и подхваченное газетчиками это «неудовольствие» висело над Макаровым.

Наконец, 16 февраля 1899 года ледокол «Ермак» в совершенно готовом виде был пред'явлен к сдаче. Он выдержал все испытания и показал прекрасные качества. Под всеми машинами он шел по 15,9 узла — почти 30 километров в час.

Газеты писали о нем, печатали фотографии и рисунки. Толпы народа валили на невиданный корабль, который прозвали «Победителем льдов» и «Степанычем», по имени его инициатора и строителя.

А 20 марта, погрузив уголь, «Ермак» уже пошел работать. У Ревеля замерзли 13 пароходов, и «Ермак» благополучно провел их через льды.

10 июня 1899 года «Ермак» вышел в свой первый полярный поход в Ледовитый океан. К северозападу от Шпицбергена перед ледоколом стали льды.

Начался первый в мире полярный ледовый поход. «Ермак» с полного хода взбирался на лед и своей огромной тяжестью давил твердые ледяные поля. Иногда он застревал на льду, тогда мощные помпы перекачивали воду с борта на борт и из кормы в нос. Громадный корабль медленно раскачивался, разминал лед и соскакивал в воду, чтобы разбежаться и снова со всей силой своих машин взбираться на лед.

Льды становились все крепче и крепче. Удары сильнее. И вот 20 июня на широте 78° 30′ скула «Ермака» прогнулась.

Ледокол не справился с испытанием и пошел назад в Ньюкестль на ремонт. В месяц сделали «Ермаку» новый, более прочный нос, переделали крепления, усилили шпангоуты, поставили обшивку толще, и 26 июля «Ермак» снова пошел в наступление на льды. А через 11 дней «Ермак» получил пробоину, и Макаров отказался от мысли пробиться сквозь льды к полюсу. Но и того, что было сделано в этой экспедиции, было достаточно. Измерение льдов, гидрологические станции, магнитные и астрономические наблюдения и промеры, сделанные в этом походе, по тому времени были очень хороши. И до сих пор труды первых полярных походов «Ермака» изучаются полярниками.

Но в то время никто не оценил этого, и снова газетчики стали кричать, что «Ермак» — это мыльный пузырь и ник-

чемная забава. Глухо и с горечью говорит Макаров об этом времени: «Нам досталось трудно»,— пишет он.

Но на счастье «Ермака» после ремонта он снова понадобился в Финском заливе. Адмирал Рожественский, тот самый, который потом заслужил позорную славу, погубив русскую эскадру в 1905 году в Цусиме, посадил на мель новый броненосец «Генерал-адмирал Апраксин». Льды окружили аварийный броненосец, помочь ему не могло ни одно судно, и корабль стоимостью в четыре с половиной миллиона был обречен на гибель. Но тут подоспел «Ермак», сломал лед, сдернул с мели погибавший корабль и благополучно провел его через лед в порт Аспе.

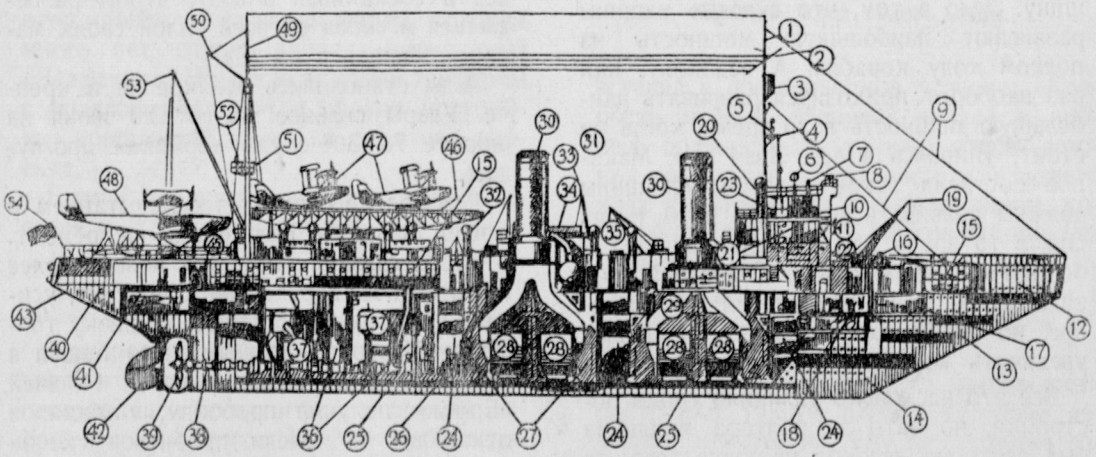
Ледокол окупил себя. Царь и министры простили Макарову постройку «Ермака», но строить новые ледоколы пока что воздержались.

Макаров же никогда не простил царю этого и в конце своей книги «Ермак во льдах» он написал замечательную фразу: «Говорят, что непоборимы торосы Ледовитого океана. Это ошибка, торосы поборимы, непоборимо людское суеверие».

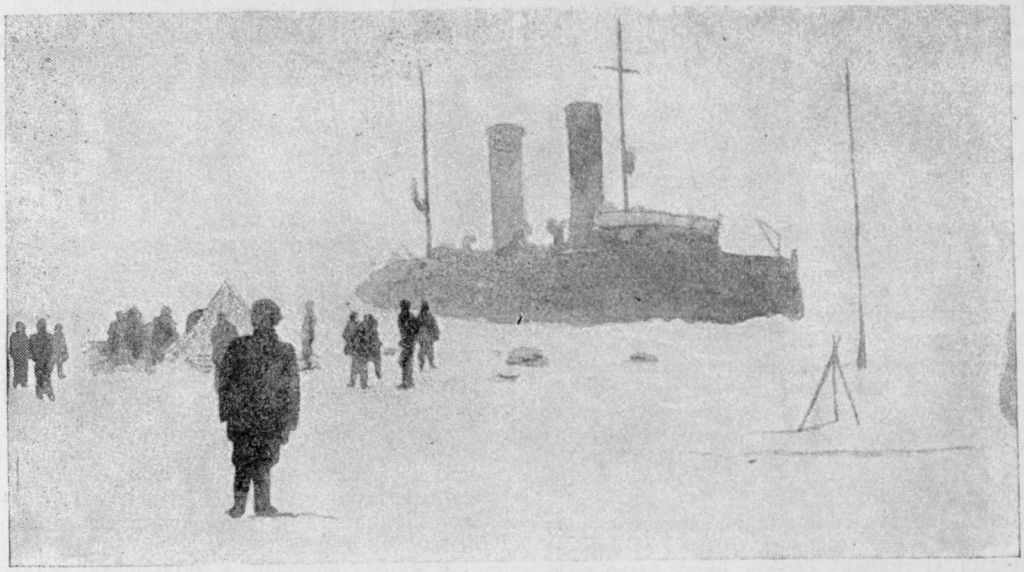
С тех пор прошло много лет. Макаров погиб в начале русско-японской войны на броненосце «Петропавловск». «Ермак» честно трудился, зимой проводя корабли через лед Финского залива, летом — в северных морях. В год смерти Макарова ледокол пошел, наконец, в Карское море, но дошел только до Югорского шара.

Сейчас в семью богатырей ледоколов вступают новые братья — мощные ледоколы, которые строятся на ленинградских и черноморских верфях. В их постройке впервые по-настоящему использован весь опыт Макарова и опыт многих других ученых, изобретателей и путешественников, которые по стопам Макарова шли на борьбу со льдами. С этими ледоколами Великий Северный морской путь станет легче и безопаснее и большевики поборят любые льды и торосы.

РАЗРЕЗ ЛЕДОКОЛА „ИОСИФ СТАЛИН“



РАЗРЕЗ ЛЕДОКОЛА «ИОСИФ СТАЛИН»: 1 — фокмачта; 2 — рейки для под'ема сигналов; 3 — «воронье гнездо» (наблюдательная вышка); 4 — площадка для прожекторов; 5 — прожектор; 6 — пеленгатор; 7 — главный компас; 8 — дальномер; 9 — штаги; 10 — средний командный мостик; 11 — нижний мостик; 12 — помещение для аммонала (взрывчатое вещество); 13 — форштевень; 14 — форпик (балластные цистерны); 15 — жилые помещения; 16 — брашпиль (машина для под'ема якорей); 17 — помещение для запасной провизии; 18 — рефрижераторное помещение; 19 — погрузочные средства (грузовая стрела с колонкой); 20 — штурманская и рулевая рубки; 21 — каюта капитана; 22 — каюта начальника экспедиции; 23—помещение радиооборудования; 24 — угольные ямы; 25 — междудонное пространство, служащее для пресной воды, для питания котлов и для балласта; 26 — спасательный насос; 27 — котельные отделения; 28 — котлы; 29 — дымники; 30 — трубы (дымовые); 31, 32 — вентиляционные трубы в машинных помещениях; 33—шлюпбалки; 34—шлюпка; 35 — краны для погрузки угля; 36 — машинные отделения; 37 — главные машины; 38 — вал гребного винта; 39 — винт; 40 — ахтерпиковые балластные цистерны; 41 — рулевая машинка; 42 — руль; 43 — ахерштевень; 44 — буксирная лебедка; 45 — машинка буксирной лебедки; 46 — катапульта; 47 — малые самолеты; 48 — большой самолет; 49 — гротмачта; 50 — гафель; 51 — площадка для прожекторов; 52 — прожектор; 53 — стрела для под'ема самолетов, грузоподъемностью 10 тонн; 54 — флагшток с флагом.



«Красин» подошел к льдине и спасает группу Нобиле.

В этом году исполнилось десять лет героического похода ледокола «Красин», который спас участников неудачливой итальянской полярной экспедиции. В наши дни особенно интересно сравнить отношение к людям в капиталистических странах и у нас, в стране социализма

Слово для сообщения имеет участник похода «Красина»
Николай Шпанов

Поход „Красина“

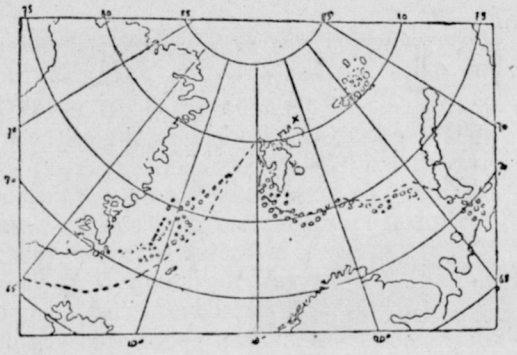
Как известно, итальянские фашисты стараются прикарманить все, что плохо лежит Десять лет назад они обратили внимание на то, что на земном шаре есть географическая точка, которая еще никому не принадлежит,—Северный полюс. Для его завоевания фашисты решили послать дирижабль и с него высадить на полюсе трех человек. Насколько это была легкомысленная и плохо подготовленная затея, видно из того, что случилось дальше.

5 мая 1928 года итальянский дирижабль «Италия» под командой его конструктора генерала Умберто Нобиле прибыл на свою полярную базу, в бухту Кингсбей, на острове Шпицберген.

23 мая «Италия» вылетела к Северному полюсу. Сначала все шло хорошо. Одно радио за другим сообщало об удачном полете. Но высадить людей, конечно, не удалось, и только крест и флаг были сброшены над полюсом. В 10 часов 30 минут 25 мая пришло последнее радио с дирижабля. С тех пор дирижабль умолк. Очевидно, с ним произошла катастрофа.

Прошел день, другой, третий, прошла неделя — «Италия» не подавала никаких вестей. Весь мир был встревожен полярной трагедией — исчезновением в полярных льдах 18 человек, среди которых было несколько известных ученых. Радиостанция «Италии» могла погибнуть во время катастрофы, и поэтому получить сведения о месте гибели дирижабля было невозможно. Поэтому надо было обследовать огромный сектор Арктики в треугольнике Шпицберген — Полюс — Северная Земля (которой, судя по радиодепешам, достигла «Италия»). Но нельзя было и надеяться на такой размах спасательных работ. Две страны, у которых были большие дирижабли для быстрого обследования района катастрофы,— США и Германия,— не желая принимать участия в поисках, затягивали время в переговорах. Такая богатая страна, как Англия, совсем отказалась от участия в поисках. Только один Советский Союз решил широко организовать поиски погибших людей.

Между тем «Италия» все не подавала никаких вестей о себе. Вдруг 3 июня, в 19 часов 30 минут, молодой советский радиолюбитель-коротковолновик Шмидт, живший в селе Вознесенске-Вохма, Северо-Двинской



Кружки — граница льдов. Крестик — место гибели «Италии».

губернии, уловил в эфире такие сигналы: «Itali... Nobile... Fran Uosef... SOS... SOS... SOS... terri teno Eh H...»

Шмидт тотчас сообщил об этих сигналах в Москву. Они могли исходить только от экипажа «Италии». Теперь надо было внимательно следить за эфиром, чтобы уловить новые сигналы. Но это в то время было не так просто. Советских радиостанций в Арктике тогда было мало. Большинство иностранных станций (север Норвегии, остров Шпицберген) принадлежало капиталистам, они не хотели бросить платную работу, чтобы денно и нощно следить за эфиром.

На поиски «Италии» капиталистические страны отправили десятки самолетов и кораблей. Но почти все корабли не были приспособлены для плавания во льдах и даже не пытались к ним подойти. Некоторые страны посылали такие «спасательные экспедиции» лишь для того, чтобы сказать: «И мы пахали». Сами итальянские фашисты послали для спасения своей экспедиции только один корабль и пять самолетов, совершенно неприспособленных к полетам на севере.

Только Советский Союз решил по-настоящему помочь гибнущим людям. Были посланы самый мощный в мире ледокол — «Красин», ледоколы «Малыгин» и «Седов» и разведочное судно «Персей».

В конце концов, экипажу «Италии» удалось наладить связь, и он сообщил, что 25 мая дирижабль обледенел, начал падать и сильно ударился о лед. Восемь человек были выброшены на лед, остальных оболочка дирижабля унесла неизвестно куда. Один из экипажа погиб и похоронен во льду. Местонахождение группы Нобиле к северовостоку от Шпицбергена, у мыса Лей Смит. Путь к нему был забит тяжелым, полярным льдом. Через него мог пробиться только «Красин».

16 июня «Красин» вышел из Ленинграда в Балтийское море. На борту «Красина» находилась летная группа под командой морского летчика Чухновского для полетов на трехмоторном моноплане «Красный медведь».

25-го, когда «Красин» уже почти миновал Норвегию, приняли радио о том, что шведский летчик Лундборг совершил посадку на льдину и благополучно вывез с нее Нобиле. Однако при попытке совершить следующую посадку Лундборг перевернулся и сам остался в плену на льду.

По морским законам, капитан последним сходит с гибнущего корабля. Командир экспедиции на «Италии», член фашистской партии Нобиле, поступил наоборот: он улетел первым, легко согласившись на уговоры Лундборга, которому тоже хотелось прославиться спасением командира экспедиции. Ведь остальные участники экспедиции в глазах капиталистического мира имели мало цены. Первым должны были вывезти механика Чечиони, у которого была сломана нога. Он заплакал, когда узнал, что его оставляют на льдине. Но разве можно сравнить простого механика с генералом? И Нобиле, забрав свою собачку Титину, сел в самолет Лундборга и улетел, бросив свою команду на льдине.

6 июля, подойдя к большому ледяному полю, «Красин» остановился. Команда тотчас приступила к устройству на льду аэродрома для Чухновского. Это была нелегкая задача. Все поле было усеяно ледяными буграми, мешавшими разбегу или посадке такого тяжелого самолета, как «Красный медведь».

Наконец, утром 7 июля все было готово и собранная машина распластала свои широкие крылья надо льдом. К сожалению, туманы долго не позволяли Чухновскому подняться. Девятого июля на горизонте все еще стлался туман, быстро приближавшийся к ледоколу, но Чухновский не хотел ждать.

Одна за другой приходили от него радиодепеши о ходе полета. В 18 часов 45 минут судовая радиостанция приняла обрывок радиограммы: «Группу Мальмгрена...» Ничего более связного добиться не удалось.

В 19 часов 16 минут было получено и последнее известие о том, что туман не позволяет Чухновскому подойти к «Красину»...

Только через четыре часа — в 23 часа 30 минут — радиостанция «Красина» снова уловила сигналы Чухновского. На этот раз он телеграфировал уже со льда. Из-за недостатка горючего ему пришлось совершить посадку на лед у мыса Вреде. При этом он снес шасси и разбил винт. Виною были большие торосы на месте посадки. Однако Чухновский не только не просил о помощи, но требовал, чтобы «Красин» немедленно шел к пересечению 25 градуса 45 минут восточной долготы и 80 градуса 42 минут северной широты. Там, на небольшой льдинке, у остроконечного тороса, механик Чухновского Шелагин обнаружил группу из трех человек. Это могла быть только группа шведского физика Мальмгрена. 30 мая, т. е. 50 дней тому назад, вскоре после аварии дирижабля, когда думали, что не удастся наладить радио, Мальмгрен — больной и слабый — решил добраться по льду до Шпицбергена и доставить миру весть о

судьбе экспедиции. С ним пошли итальянцы Цаппи и Марианно. Путники взяли продовольствия на 30 дней. С тех пор о них не было никаких вестей.

Надо отметить, что все буржуазные газеты в один голос удивлялись тому, что Чухновский потребовал, чтобы прежде всего спасли группу Мальмгрена, а не его. В капиталистических условиях, где каждый думает только о себе, это казалось удивительным.

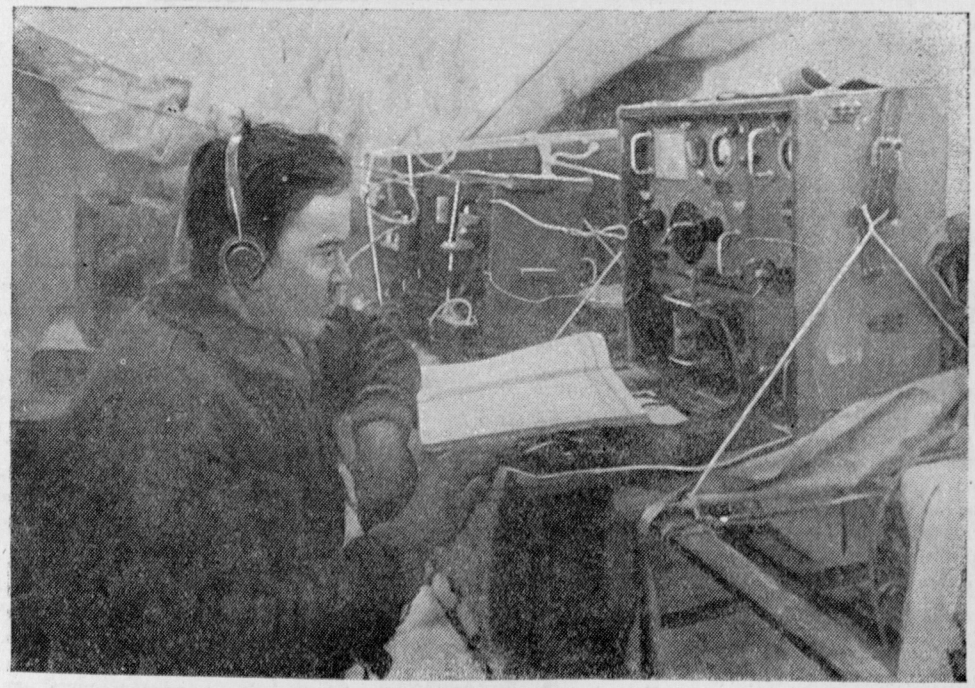
«Красин» поспешно поднял пары и двинулся к указанной точке. Почти сутки ушли на борьбу со льдом, отделяющим «Красина» от группы Мальмгрена, но все же в 5 часов 20 минут 12 июля помощник капитана увидел среди льдов черную точку. Это был человек. Через час двадцать минут «Красин» приблизился к маленькой льдинке. Но, увы, на ней были лишь двое — Цаппи и Марианно. Мальмгрен погиб еще 35 дней назад.

И тут красинцы узнали очень характерную для фашистских нравов историю. Марианно, более слабый и больной, лежал на обрывке мокрого одеяла легко одетый, без ботинок и шапки, с голыми коленями и отмороженными ногами. А здоровый Цаппи был очень тепло одет в тройной комплект одежды. Он сообщил, что по дороге Мальмгрен заболел и благородно попросил себя оставить во льду, чтобы не мешать спутникам идти. Фашисты согласились с предложением Мальмгрена, вырыли для него во льду могилу, положили туда его, забрали его одежду и все продовольствие и ушли.

Сняв этих изголодавшихся итальянцев, ледокол взял курс на координаты главного лагеря потерпевших. В 20 часов 15 минут был замечен дымок. Это итальянцы подавали сигналы. Осторожно, чтобы не расколоть льдину, столько месяцев служившую приютом для пострадавших, ледокол подошел к знаменитой палатке Нобиле и принял на борт плачущих от радости пятерых членов экипажа дирижабля.

Основная задача «Красина» была выполнена. Захватив у мыса Вреде Чухновского с его «Красным медведем», ледокол двинулся к Кингсбею. Там он сдал итальянцев на итальянское судно «Читта ди Милано».

Когда вспоминаешь эти дни, невольно напрашиваются сравнения с поведением челюскинцев и папанинцев, когда они остались на крошечном обломке льдины. Советские люди были твердо уверены, что их великая родина не оставит их, что они будут спасены. Несмотря на угрозу гибели, на сжатие льдов, они спокойно вели научную работу, жили такой же советской жизнью, как и вся наша родина. И челюскинцы и папанинцы в самых трудных условиях высоко держали флаг нашей страны. И, конечно, ни у кого и мысли не возникало о том, чтобы кто-нибудь из них бросил товарища в беде. Коммунисты показывали пример, как надо себя вести в трудных условиях. Советское правительство не жалело средств и сил, чтобы вовремя придти на помощь своим отважным гражданам. И челюскинцы и папанинцы были радостно встречены родным советским народом. У нас ярко видна сталинская забота о человеке, в капиталистических же странах — человек человеку — волк.



Тов. Кренкель посылает последнее радио с дрейфующей станции.

Стендаль

1783—1842

А. Роскин

«Умоляю вас прислать мне второй том «Красного и Черного». Я от него в восторге». Так писал Пушкин своей приятельнице Елизавете Михайловне Хитрово.

Пушкин был одним из первых в России читателей романа «Красное и Черное».

Да и не только в России: имя автора этого французского романа никому ничего не говорило и в самой Франции.

Правда, в Париже знавали поклонника Шекспира, любителя музыки, путешественника и остроумца Анри Бейля. Но только немногие были осведомлены о его литературных опытах, которые он подписывал вымышленным именем — Стендаль.

Среди великих писателей нового времени нет, вероятно, ни одного, который прожил свою жизнь в такой безвестности, как Стендаль. Когда знакомишься с биографией Стендаля, кажется даже непонятным, зачем его романы и повести набирались и печатались — ведь все равно эти книги разделяли судьбу неизданных рукописей: каждая из них имела только несколько десятков читателей, не более.

То были в большинстве личные друзья Стендаля или же такие прозорливые люди, как гениальный французский писатель Бальзак или наш Пушкин.

Для остальных, для тех, кто составлял парижское общество, Стендаль был только Анри Бейлем, сыном провинциального буржуа, делающим карьеру, «как все».

Сперва молодому Бейлю завидовали. Благодаря родству с одним из приближенных императора Наполеона Бейль сделался участником победоносных передвижений наполеоновских армий по полям Европы.

Вместе с штабами наполеоновских армий побывал Бейль в Италии, Австрии и Германии.

Бейлю пришлось быть и участником похода

Наполеона в Россию. Он видел сожженную русскими Москву, он был свидетелем гибели войск Наполеона, — их отступления, бегства и разгрома.

Наполеон пал — во Франции установилась новая власть. Теперь в парижском обществе уже не завидовали «карьере» Бейля: ее считали оборвавшейся. А затем о Бейле и совсем забыли: он переселился в Италию, где долгие годы занимал скромный пост французского консула в глухом городке Чивитта-Веккья. Но сам Бейль мало заботился о том, что в буржуазном обществе принято называть карьерой. Он жил в Италии, и он любил природу, искусство и простой народ этой страны; служба оставляла ему достаточно свободного времени, чтобы читать, слушать музыку, размышлять и писать.

Этого было довольно, чтобы Бейль чувствовал себя счастливым.

Он вел двойную жизнь: одна — была жизнь французского консула, одинокого чиновника, получавшего небольшой оклад и изредка писавшего скучные казенные бумаги; другая — была жизнь Стендаля, глубокого и оригинального писателя, неустанно изучавшего людей и страстно любившего искусство.

Бейль тщательно берег «тайну Стендаля»: он никогда сам не говорил и не писал о своих литературных занятиях. Поэтому даже Пушкин, которого Максим Горький справедливо называл «всеведующим», знал Стендаля только как автора романа «Красное и Черное». Но Стендаль был автором еще двух романов — «Красного и Белого» и «Пармского монастыря», ряда рассказов и нескольких книг, посвященных тем, кого Стендаль более всего любил в мировом искусстве: английскому драматургу Шекспиру, немецкому композитору Моцарту, итальянскому художнику и скульптору Микель-Анджелло.

Стендаль писал в ту пору, когда мечтательность в литературе ценилась выше точности, а пышная красота описаний нравилась более мысли, изложенной просто, совсем просто. Пышность языка и богатые словами, но бедные мыслью описания безмерно раздражали Стендаля. Он сам рассказывал, что еще 17-летним юношей подрался на дуэли с поклонником поэта Шатобриана, любившего поражать воображение красноречием, иногда довольно пустым. Нужно сознаться, что это была выдумка Стендаля: на дуэли из-за Шатобриана он не дрался. Но ведь иногда человека хорошо характеризует то, что он сам о себе выдумывает. И вымысел этот был очень близок правде о вкусах Стендаля и взглядах его на искусство. С поклонниками Шатобриана он дрался не с помощью пистолетов, а с помощью пера. Книги Стендаля были вызовом всему высокопарному, лживому и туманному в литературе.

Но любители Шатобриана находили книги Стендаля, полные новых мыслей, острых наблюдений и больших чувств, сухими и даже непонятными.

Стендаль вынужден был утешать себя тем, что «пишет для читателя 1890 года». Это было не хвастовство, а предвидение человека, умевшего вглядываться в будущее. И в самом деле, на пороге нашего века Стендаля вновь открыли, полюбили и признали одним из величайших европейских писателей.

«Читатели будущего», люди нашего времени, оценили удивительное знание Стендалем человеческого сердца, его тонкое понимание искусства и страстный ум писателя-борца.

Стендаль ясно видел, что капиталистическое общество «расчленено как бамбуковый стебель». И все сочувствие Стендаля было на стороне простого народа. Об аристократии Стендаль говорил с презрением. Он писал о «низкой чести монархии» и в своем дневнике отмечал:

«В 1816 году английские присяжные, крупные помещики, приговорили к смерти прелестную шестнадцатилетнюю девушку за кражу муслина на 52 су. Эти богатые английские помещики, удобно усевшиеся в свои кресла, являются позором цивилизации».

Литературный труд был для Стендаля неразрывно связан с политической борьбой. Писателей, превращающих высокое дело литературы в доходное и спокойное ремесло, Стендаль ненавидел. Он говорил: «Писателю нужно почти столько же храбрости, сколько и воину».

Имена революционеров стояли для Стендаля рядом с именами любимых писателей. В томике комедий Мольера Стендаль хранил автограф одного из деятелей великой французской революции. Эпоха революции осталась для Стендаля «временем силы и здоровья, когда власть была в руках одаренных и энергичных бедняков». Эти люди из народа, сильные своим умом, волей и жаждой свободы, были любимыми героями Стендаля.

В годы жизни в Италии Стендаль сблизился с итальянскими революционерами. Они называли себя «карбонариями», что дословно значит «угольщики». Называя себя так, итальянские революционеры как бы напоминали о том, что цель их — глухое недовольство народных масс, подобное горению подземного угля, превратить в пламя восстаний.

Многие вожди карбонариев были друзьями Стендаля. В своих письмах Стендаль часто упоминал имя Сильвио Пеллико. Этот итальянский революционный поэт за принадлежность к организации карбонариев был приговорен судом к смертной казни, замененной ему затем заточением в тюрьме.

Европейская контрреволюция беспощадно подавила движение карбонариев. Но Стендаль навсегда сохранил веру в то, что дело тех, кто боролся за свободу своей родины, дело это восторжествует. До самой своей смерти Стендаль называл себя «миланским гражданином» и даже завещал, чтобы это звание было высечено на его надгробном памятнике. Ибо он любил итальянский город Милан не только потому, что там он слушал чудесную музыку в прославленном оперном театре, но и потому, что Милан был центром движения карбонариев — людей, боровшихся за освобождение народа от гнета иностранных интервентов.

Рассказ Стендаля «Ванина Ванини» описывает один из драматических случаев, связанных с борьбой карбонариев. И этот рассказ, созданный писателем, обращавшимся в своих мыслях к читателю будущего, прочитываешь с волнением, какое способны рождать только те писатели, которые, любя искусство, еще более любили свободу.

Ванина Ванини

Стендаль

Рис. П. Митурича

Случилось это однажды вечером весною 182... года. Весь Рим был в движении: известный банкир, герцог Б., давал бал в своем новом дворце на Венецианской площади. Для убранства этого дворца было собрано все, что только могут дать искусство Италии вместе с роскошью Парижа и Лондона. Стечение публики было огромное. Чопорные белокурые красавицы из английской знати добились чести присутствовать на этом балу и прибывали толпами. Красивейшие женщины Рима оспаривали у них пальму первенства.

В зал вошла в сопровождении отца молодая девушка, блестящие глаза которой и волосы цвета черного дерева обличали римлянку; все провожали ее взглядом. Необыкновенная гордость сквозила в каждом ее движении.

Приглашенные на бал иностранцы поражались его великолепием. «Этот бал,— говорили они, — затмевает празднества королей Европы».

При виде стольких замечательных женщин возник вопрос, кто из них самая красивая; некоторое время не знали, на ком остановиться, но, наконец, княжна Ванина Ванини, молодая девушка с черными волосами и огненным взглядом, была провозглашена царицей бала, и тотчас же иностранцы и молодые римляне, покинув все остальные залы, собрались толпою в той зале, где была она.

Ее отец дон Асдрубал Ванини пожелал, чтобы она сначала танцовала с двумя или тремя немецкими принцами. Затем она приняла приглашение нескольких очень красивых и знатных англичан, но их напыщенный вид наскучил ей. Каза-

лось, ей больше доставляло удовольствия мучить, повидимому, страстно в нее влюбленного, молодого Ливио Савелли. Это был один из самых блестящих молодых людей Рима, к тому же он был также князем, но, если бы ему дали прочесть роман, он бросил бы книгу на двадцатой странице, говоря, что у него заболела голова. Это было большим недостатком в глазах Ванины.

Около полуночи на балу распространилась новость, произведшая немалое впечатление.

В этот вечер, переодевшись в чужое платье, бежал молодой карбонарий, заключенный в крепости св. Ангела; в порыве романтической смелости, достигнув последнего тюремного караула, он бросился на солдат с кинжалом и был ранен. Сбиры [1] следовали за ним по кровавым следам, которые он оставлял за собой, и надеялись его поймать.

Она смотрела в окно сквозь отодвинутые жалюзи.

В то время как рассказывался этот эпизод, дон Ливио Савелли, ослепленный грацией и успехом Ванины, с которой он только что танцовал, почти обезумев от любви, воскликнул, подводя ее к месту:

— Но, ради бога, скажите: кто же мог бы вам понравиться?

— Только что бежавший молодой карбонарий, — ответила ему Ванина. — По крайней мере, этот совершил нечто большее чем другие, давшие себе лишь труд родиться.

На другой день после бала Ванина заметила, что ее отец, самый неаккуратный из людей, никогда не бравший в руки ключа, запирал очень тщательно дверь маленькой лестницы, которая вела на третий этаж дворца. Окна этого помещения выходили на террасу, уставленную апельсинными деревьями.

Ванина отправилась с визитами в город; на возвратном пути проехать через главные ворота дворца было нельзя, так как они были заставлены приготовлениями к иллюминации, и ее коляска въехала через задний двор. Ванина подняла глаза и, к своему великому удивлению, увидела, что одно из окон тех комнат, которые ее отец так тщательно запирал, было открыто. Она постаралась удалить свою служанку и поднялась на самый верх дворца; после продолжительных поисков ей удалось отыскать маленькое решетчатое окно, выходившее на террасу с апельсинными деревьями. Замеченное ею открытое окно было в двух шагах от нее. Несомненно, кто-то жил в этой комнате, но кто же?

На другой день Ванине удалось добыть ключ от маленькой двери, которая вела на террасу с апельсинными деревьями. Она крадучись приблизилась к окну, которое было попрежнему открыто. Она смотрела в окно сквозь отодвинутые жалюзи. В глубине комнаты была кровать, на которой кто-то лежал. Первым ее движением было уйти, но на одном из стульев она заметила брошенное женское платье. Разглядывая лежащего в постели человека, она увидела блондинку, повидимому, очень молодую, и не сомнева-

[1] Сбиры — полицейские агенты.

лась более в том, что это была женщина. Брошенное на стул платье было все в крови, кровь была и на женских ботинках, поставленных на скамье.

Незнакомка сделала движение, и Ванина увидела, что она была ранена. Большая запачканная кровью тряпка покрывала ее грудь и была привязана только тесемками: эта перевязка, очевидно, не была сделана рукою хирурга.

Ванина заметила, что ежедневно, около четырех часов дня, ее отец запирался у себя в комнате, а затем отправлялся навестить незнакомку, от которой очень скоро возвращался, и, садясь в экипаж, уезжал к графине Виттелески.

Как только он уезжал, Ванина поднималась на маленькую террасу, откуда она могла наблюдать незнакомку.

Она почувствовала горячую симпатию к молодой женщине и старалась разгадать ее историю. Брошенное на стул окровавленное платье, повидимому, было распорото кинжалом. Ванина могла сосчитать на нем дыры.

Однажды ей удалось лучше разглядеть незнакомку: ее голубые глаза были устремлены в небо; казалось, она молилась. Вскоре эти прелестные глаза наполнились слезами, и молодой княжне стоило много усилий не заговорить с нею.

На другой день Ванина осмелилась спрятаться на террасе перед приходом отца. Она увидела, как дон Асдрубал входил к незнакомке, неся маленькую корзинку со с'естными припасами. У князя был взволнованный вид, говорил он очень мало и настолько тихо, что Ванина не разобрала его слов, хотя оконный ставень и был открыт. Он очень скоро ушел.

«Должно быть, у этой женщины есть опасные враги, — подумала Ванина, — если отец с его беспечным характером не смеет никому довериться и ежедневно поднимается на сто двадцать ступеней».

Однажды вечером она тихо приблизила голову к окну незнакомки и встретилась с нею глазами, невольно обнаружив свое присутствие.

Ванина бросилась на колени, вскричав:

— Я вас люблю, я преданна вам!

Незнакомка сделала ей знак войти.

— Я должна просить у вас прощенья! — воскликнула Ванина. — Мое глупое любопытство должно казаться вам оскорбительным. Клянусь вам, что все останется втайне, и, если вы этого потребуете, я никогда больше не вернусь сюда.

— Разве можно найти человека, который не испытал бы счастья при виде вас? — сказала незнакомка. — Вы живете в этом дворце?

— Конечно, — отвечала Ванина. — Но, повидимому, вы не знаете меня. Я, Ванина, дочь дона Асдрубала.

Незнакомка взглянула на нее с удивлением, сильно покраснела и прибавила:

— Позвольте мне надеяться, что вы будете навещать меня каждый день, но я желала бы, чтобы князь не знал о ваших посещениях.

Сердце Ванины сильно билось. Манеры незнакомки казались ей полными достоинства. Эта несчастная женщина, должно быть, оскорбила какое-нибудь очень влиятельное лицо, быть может, в припадке ревности убила своего возлюбленного. Ванине казалось невозможным, что ее несчастье — следствие какой-нибудь простой причины. Незнакомка сказала ей, что она ранена в плечо, что рана уходит в глубину груди и заставляет ее очень страдать. У нее часто идет кровь горлом.

— И вас не навещает хирург?! — воскликнула Ванина.

— Вы знаете, что в Риме хирурги обязаны давать отчет полиции о всех раненых, которых они лечат, — сказала незнакомка. — Князь оказывает мне большую честь: он сам перевязывает мне раны этой полотняной тряпкой.

Незнакомка с большой ловкостью уклонилась от разговоров о своем несчастье; Ванина полюбила ее до безумия. Однако молодую княжну очень удивило то, что среди, несомненно, очень серьезного разговора незнакомка с большим трудом удерживалась от внезапного желания рассмеяться.

— Мне очень хотелось бы узнать ваше имя, — сказала ей Ванина.

— Меня зовут Клементиной.

— Так вот, милая Клементина, завтра, в пять часов, я приду к вам.

На другой день Ванина нашла свою новую подругу в очень плохом состоянии.

— Я хочу привести к вам хирурга, — сказала Ванина, целуя ее.

— Я соглашусь лучше умереть, — ответила незнакомка. — Разве я могу бросить тень на моих благодетелей?

Не говоря ни слова, незнакомка удержала ее и, взяв ее руку, поцеловала.

— Хирург римского губернатора, синьора Савелли Катанцара, — сын одного из наших слуг, — горячо возразила Ванина.—Он предан нам и по своему положению может никого не бояться. Мой отец недостаточно доверяет ему, но я его приглашу.

— Мне ненужен хирург! — воскликнула незнакомка с горячностью, удивившей Ванину. — Навещайте меня, а если бог призовет меня к себе, я буду счастлива умереть в ваших об'ятиях.

На следующий день незнакомка чувствовала себя еще хуже.

— Если вы любите меня, — сказала Ванина, расставаясь с ней, — то посоветуйтесь с хирургом.

— Если он придет, счастье мое будет разрушено.

— Я пошлю за ним, — продолжала Ванина.

Не говоря ни слова, незнакомка удержала ее и, взяв ее руку, поцеловала. Водворилось продолжительное молчание; у незнакомки были на глазах слезы. Наконец, она оставила руку Ванины и сказала с таким видом, точно шла на смерть:

— Мне надо открыть вам тайну. Третьего дня я солгала, назвав себя Клементиной, я несчастный карбонарий...

Удивленная Ванина отодвинула стул и поспешила встать.

— Я чувствую, — продолжал карбонарий, — что, сделав это признание, я теряю единственное, что привязывало меня к жизни, но обманывать вас было бы недостойно меня. Зовут меня Пьетро Миссирилли; мне девятнадцать лет; мой отец— бедный хирург в Сан-Анджело-ин-Вадо, я же карбонарий. Наша вента[1] была открыта, и я приведен в Рим в цепях из Романьи[2]. Брошенный в тюрьму, освещенную как ночью, так и днем лампой, я провел в ней тринадцать месяцев. У одного сострадательного человека явилась мысль спасти меня. Меня одели женщиной. В то время как я выходил из тюрьмы и проходил мимо стоявших у последних дверей солдат, один из них проклинал карбонариев; я дал ему пощечину. Уверяю вас, что это не было мальчишеской выходкой: сделал я это просто по забывчивости. После этого неосторожно-

[1] Вента — ячейка союза карбонариев.
[2] Романья — местность в Италии.

го поступка, преследуемый ночью по римским улицам, раненый штыком и уже выбившись из сил, я вбегаю в дом, двери которого были открыты, я слышу шаги солдат, бегущих за мной, прыгаю в сад и падаю в нескольких шагах от женщины, шедшей по тропинке.

— Графиня Виттелески, друг моего отца, — сказала Ванина.

— Что? Разве она вам сказала об этом? — вскричал Миссирилли. — Но, кто бы ни была эта дама, имя которой никогда не должно быть произнесено, она спасла мне жизнь. В то время как солдаты входили к ней, чтобы схватить меня, ваш отец увозил меня в своей карете. Я чувствую себя очень плохо: уж несколько дней, как рана, нанесенная штыком в плечо, мешает мне дышать. Я умру в отчаянии, так как не увижу вас более.

Ванина слушала его с нетерпением и затем быстро вышла. Миссирилли не нашел ни капли сострадания в ее прекрасных глазах, они выражали лишь оскорбленную гордость.

Ночью явился хирург, он пришел один. Миссирилли был в отчаянии: он боялся, что никогда более не увидит Ванины. Он осыпал хирурга вопросами, но тот пустил ему кровь, не отвечая на них. В последующие дни то же молчание. Глаза Пьетро не покидали окна, выходившего на террасу, через которое обыкновенно входила Ванина; он чувствовал себя очень несчастным. Однажды около полуночи ему показалось, что он видит кого-то в тени террасы: не Ванина ли это?

Ванина каждую ночь приходила и прижималась щекой к оконному стеклу.

«Если я заговорю с ним, я погибла! — думала она. — Нет, я никогда не должна его видеть».

Но, помимо своей воли, несмотря на принятое решение она вспомнила дружбу, завязавшуюся между ней и этим молодым человеком в то время, когда она так глупо принимала его за женщину. После такой близости надо было забыть его! В те моменты, когда Ванина могла рассуждать, ее страшила перемена, происшедшая в ее мыслях. С тех пор, как Миссирилли назвал себя, все предметы ее обычных размышлений казались ей чем-то далеким и точно подернутым туманом.

Не прошло и недели, как Ванина, дрожащая и бледная, вошла вместе с хирургом в комнату молодого карбонария. Она пришла ему сказать, что надо уговорить князя согласиться, чтобы слуга заменил его у постели раненого. Она пробыла не более десяти секунд, но через несколько дней из чувства человеколюбия пришла опять с хирургом.

Однажды вечером, хотя здоровье Миссирилли значительно улучшилось и Ванине нечего было более опасаться за его жизнь, она осмелилась навестить его одна. Миссирилли был наверху блаженства при виде ее, но постарался скрыть свою любовь; прежде всего он не хотел изменять чувству собственного достоинства, подобающему мужчине. Ванина вошла к нему с пылающим лицом, боясь, что он заговорит о любви, и была смущена тем, что он встретил ее с чувством дружбы и преданности, но не обнаружил ни малейшей нежности. Он не удерживал ее, когда она собралась уходить.

Миссирилли сгорал от любви, но он хорошо помнил о своем простом происхождении и лежавшем на нем долге и дал себе слово заговорить с Ваниной о своей любви только в том случае, если она в продолжение целой недели не придет навестить его. Гордость молодой княжны была уязвлена, и она решила не оставаться в долгу.

«Что за беда!—подумала она, наконец.— Если я вижусь с ним, то только ради своего удовольствия, но я никогда не признаюсь ему, что он меня интересует».

Ванина подолгу просиживала у Миссирилли, который разговаривал с ней так же, как он делал бы это в присутствии двадцати человек. Однажды вечером, после того как она целый день ненавидела его и обещала себе быть с ним еще холоднее и суровее чем обыкновенно, она сказала ему, что любит его.

Как ни велико было ее безумие, надо признаться, что она была бесконечно счастлива. Миссирилли не боялся более уронить свое достоинство; он любил так, как любят в первый раз, и любят в девятнадцать лет, и в Италии. Он дошел даже до полного раскрытия ей той хитрости, которую он применил, чтобы заставить ее полюбить себя. Он не ожидал, что счастье его будет так безгранично.

Четыре месяца пролетели стрелой. Наступил день, когда хирург возвратил больному свободу. «Что мне делать? — подумал Миссирилли.—Продолжать скрываться у одной из самых красивых жен-

щин Рима? Презренные тираны, продержавшие меня тринадцать месяцев в темнице, подумают, что сломили меня. Италия! Ты действительно несчастна, если твои дети так легко покидают тебя!»

Ванина не сомневалась, что для Пьетро будет величайшим счастьем навсегда остаться с нею. Он казался бесконечно счастливым, но одна фраза, сказанная генералом Бонапартом, звучала горьким упреком в душе молодого человека и влияла на его отношения к женщинам. В 1796 году, когда генерал Бонапарт уезжал из Брешии, городские чиновники, провожавшие его до заставы, говорили ему, что жители Брешии любят свободу более чем все остальные итальянцы.

— Да, — ответил он, — они любят говорить о ней со своими возлюбленными.

Миссирилли сказал Ванине довольно холодно:

— Как только настанет ночь, мне надо будет уйти.

— Позаботься о том, чтобы вернуться до рассвета, я буду ждать тебя.

— К рассвету я буду уже в нескольких милях от Рима.

— Очень хорошо, — сказала Ванина холодно. — Куда же вы пойдете?

— В Романью, отомстить за себя.

— Так как я богата, — совершенно спокойно ответила Ванина, — то я надеюсь, что вы примете от меня оружие и деньги.

Миссирилли некоторое время пристально смотрел на нее и затем бросился в ее об'ятия.

— Душа моя, ты заставляешь меня забывать все, даже мой долг. Но чем благороднее твое сердце, тем лучше ты должна понимать меня.

Ванина пролила много слез, и было условлено, что он покинет Рим только через день.

— Пьетро, — сказала она ему на другой день, — вы часто говорили мне, что знатный человек, например римский князь, располагающий крупным состоянием, может оказать большие услуги делу свободы, если Австрия будет когда-нибудь вовлечена в трудную войну далеко от нас.

— Несомненно, — сказал удивленный Пьетро.

— У вас великое сердце, вам недостает только высокого положения. Я предлагаю вам свою руку и двести тысяч ливров дохода. Я берусь получить согласие моего отца.

Пьетро бросился к ее ногам; Ванина сияла от радости.

— Я люблю вас страстно, — сказал он ей, — но я бедный слуга своей родины, и чем несчастнее Италия, тем более я обязан сохранить ей верность. Чтобы получить согласие дона Асдрубала, придется в продолжение нескольких лет играть недостойную роль. Ванина, я отвергаю тебя.

Миссирилли поспешил отрезать себе этими словами путь к отступлению. Мужество изменило ему.

— Мое несчастье в том, что я люблю тебя больше жизни! — воскликнул он. — Покинуть Рим — для меня ужаснейшая казнь. Но почему же Италия несвободна от варваров?! С каким удовольствием я уехал бы с тобой в Америку!

Ванина оставалась холодна как лед. Ее гордость была жестоко оскорблена отказом от ее руки, но через минуту она снова бросилась в об'ятия Миссирилли.

— Никогда не казался ты мне таким милым! — воскликнула она. — Ты так же велик, как наши древние римляне.

Все планы относительно будущего, все мрачные мысли исчезли. Когда рассудок вернулся к ним снова, Ванина сказала:

— Я буду в Романье почти одновременно с тобой. Я заставлю назначить себе ванны в Поретте. Я остановлюсь в нашем замке в Сан-Николо, близ Форли.

— Там я останусь с тобой до конца моей жизни! — вскричал Миссирилли.

— Отныне мой жребий — на все дерзать, — со вздохом сказала Ванина. — Я себя погублю из-за тебя, но не все ли это равно! Будешь ли ты любить меня?

— Разве ты не жена моя, жена, обожаемая на всю жизнь? Я сумею любить и защитить тебя.

Ванине нужно было выехать из дому. Как только она ушла от Миссирилли, он начал находить свое поведение варварским.

— Что такое родина? — сказал он себе. — Ведь это — не живое существо, которому мы обязаны благодарностью за сделанное добро и которое будет несчастно и сможет проклинать нас, если мы им пренебрежем. Отечество и свобода — то же, что мой плащ: полезная вещь, которую я должен, правда, купить, если я ее

не получил в наследство от отца; но, в конце концов, я люблю отечество и свободу потому, что и то и другое приносит мне пользу. Я не буду знать, что с ними делать, если они будут для меня тем же, что плащ в августе; зачем же покупать их и притом такой дорогой ценой? Ванина так хороша! Так даровита! За нею будут ухаживать, она забудет меня! Эти римские князья, которых я презираю как граждан, имеют так много преимуществ предо мной. Они должны быть обворожительны! Ах! Если я уеду, она забудет меня, я навсегда лишусь ее.

Ночью Ванина пришла к нему; он сказал ей о своих колебаниях и о том, как он стал понимать благодаря своей любви к ней великое слово «родина». Ванина была очень счастлива.

«Если ему придется выбирать между родиной и мной, — думала Ванина, — он отдаст предпочтение мне».

Церковные часы пробили три, настал час последнего прощанья. Пьетро вырвался из об'ятий своей подруги. Он спускался уже по маленькой лестнице, когда Ванина, сдерживая слезы, сказала ему улыбаясь:

— Если бы за тобой ухаживала простая крестьянка, разве ты ничего не сделал бы для нее из чувства благодарности? Разве ты не постарался бы вознаградить ее? Будущее неизвестно. Ты будешь окружен врагами. В знак твоей признательности подари мне еще три дня, заплати за мои заботы, как будто я бедная крестьянка.

Миссирилли остался. Наконец, он покинул Рим. С помощью паспорта, купленного в иностранном посольстве, он добрался до своей семьи. Все ему очень обрадовались: его уже считали погибшим.

Несколько времени спустя Миссирилли, преследуемый по пятам карабинерами, двух убил из пистолетов, подаренных ему Ваниной. Голова его была оценена.

Ванина не приезжала в Романью; Миссирилли считал себя забытым. Его тщеславие было задето. Он много думал о разнице в общественном положении, которая ставила преграду между ним и его возлюбленной.

В минуту нежности и сожаления о прошлом счастье ему пришла мысль вернуться в Рим, чтобы посмотреть, что делает Ванина. Эта сумасбродная мысль должна была взять перевес над тем, что он считал своим долгом, когда однажды вечером колокол церкви в горах прозвонил каким-то особенным образом, словно звонарь был чем-то отвлечен. Это было сигналом к собранию венты карбонариев, к которой Миссирилли присоединился по прибытии в Романью. Ночью все собрались в лесу, в келье отшельника. Два отшельника, усыпленные опиумом, не заметили, с какой целью воспользовались их хижиной. Миссирилли, пришедший очень печальным, узнал, что начальник венты арестован и что он, едва достигший двадцати лет юноша, намечен к избранию в начальники венты.

Узнав об этой неожиданной чести, Пьетро почувствовал, что сердце его забилось сильнее. Как только он остался один, он решил не мечтать более о молодой римлянке, забывшей о нем, и посвятить все свои помыслы исполнению своего долга — освобождению Италии от варваров [1].

Два дня спустя Миссирилли прочел в докладе о приезжающих и уезжающих, который ему представляли как главе венты, что княжна Ванина только что прибыла в свой замок в Сан-Николо. Увидя это имя, он почувствовал скорее смущение чем радость. Напрасно он думал упрочить свою верность отечеству, не поспешив в тот вечер в замок Сан-Николо: мысль о Ванине, которой он пренебрегал, помешала ему исполнять как следует свои обязанности. Он увидел ее на другой день; она любила его так же, как в Риме. Ее отец, желавший выдать ее замуж, отложил свой от'езд. Она привезла две тысячи цехинов. Эта неожиданная помощь дала Миссирилли возможность с честью занимать свой новый пост. Были заказаны кинжалы в Корфу, подкуплен личный секретарь легата [2], которому было поручено преследование карбонариев. Таким путем добыли список священников — шпионов правительства.

В это время был окончательно организован один из заговоров, менее сумасбродный чем остальные, к которым прибегали в несчастной Италии. Я не буду входить в излишние подробности и огра-

[1] «Освобождение Италии от варваров» — выражение итальянского поэта Петрарки.

[2] Легат — папский чиновник.

Ночью все собрались в лесу, в келье отшельника.

ничусь только тем, что скажу, что если бы предприятие увенчалось успехом, то на долю Миссирилли досталась бы большая часть славы. Благодаря ему несколько тысяч мятежников должны были восстать по данному сигналу и ждать с оружием в руках прибытия вождей. Решительный момент приближался, когда, как это всегда бывает, заговор был парализован арестом главарей.

Как только Ванина приехала в Романью, ей показалось, что любовь к родине вытесняет из сердца ее возлюбленного всякую другую страсть. Гордость

молодой римлянки была возмущена. Напрасно старалась она быть рассудительной: мрачная тоска охватила ее; она поймала себя на том, что проклинала свободу. Однажды, придя в Форли повидаться с Миссирилли, она была не в силах скрыть свое горе, которое гордость не позволяла ей до тех пор обнаруживать.

Вдруг Ванине пришла мысль бросить его и вернуться в Рим. Она испытывала жестокую радость, наказывая себя за свою слабость, только что заставившую ее высказаться. Через несколько мгновений ее решение было принято; она сочла бы себя недостойной Миссирилли, если бы не покинула его. Она с наслажденьем думала о том удивлении и огорчении, которые охватят его, когда он убедится, что ее нет.

Вскоре мысль о том, что она не может удержать любовь человека, из-за которого совершила столько безумств, огорчила ее до глубины души; она прервала молчание и сделала все возможное, чтобы вырвать у него хоть одно слово любви. Он с рассеянным видом говорил ей о своей любви; но в его голосе зазвучало гораздо более глубокое чувство, когда он заговорил о своих политических предприятиях и с тоской воскликнул:

— Ах! Если и этот заговор не удастся, если и он будет обнаружен правительством, я покину родину!

Ванина осталась неподвижной. Уже час, как она чувствовала, что видит своего возлюбленного в последний раз. Его слова дали роковой оборот ее мыслям. Она подумала:

«Карбонарии получили от меня несколько тысяч цехинов — они не могут сомневаться в моем сочувствии заговору».

Ванина вышла из своей задумчивости только для того, чтобы сказать Пьетро:

— Не желаешь ли ты поехать в замок Сан-Николо провести со мною сутки? Вечернее собрание венты не требует твоего присутствия. Завтра утром мы погуляем в Сан-Николо; это успокоит тебя и возвратит тебе самообладание, в котором ты так нуждаешься ввиду готовящихся событий.

Пьетро согласился.

Ванина ушла от него, чтобы приготовиться к отъезду; уходя, она заперла по обыкновению дверь комнаты, в которой она его прятала.

Ванина побежала к одной из своих прежних служанок, которая вышла замуж и открыла мелочную торговлю в Форли. Придя к этой женщине, она поспешно написала на полях часослова, который нашла в комнате, название места, где в эту ночь должно было состояться собрание венты карбонариев. Она закончила свой донос следующими словами: «Эта вента состоит из девятнадцати членов; вот их имена и адреса». После того как она составила список, перечислив всех карбонариев, за исключением Миссирилли, она сказала женщине, в преданности которой была уверена:

— Отнеси эту книгу кардиналу-легату. Пусть он прочтет то, что там написано, и вернет ее тебе. Вот десять цехинов; если легат произнесет когда-нибудь твое имя, — твоя смерть неизбежна, но ты спасешь мне жизнь, если заставишь легата прочесть страницу, которую я написала.

Все шло великолепно. Страх легата был так велик, что он совсем забыл про свой высокий сан. Он разрешил простой женщине появиться перед ним в маске, но с тем условием, что руки ее будут связаны. В таком виде торговка была приведена к высокопоставленной особе, которую нашла за баррикадой ввиде огромного стола, покрытого зеленым сукном. Легат прочел страницу часослова, держа книгу на большом расстоянии от себя из страха быть отравленным каким-нибудь невидимым ядом. Он вернул книгу торговке и не велел следить за нею.

Менее чем через сорок минут, после того как Ванина рассталась со своим возлюбленным, она снова предстала пред ним. Увидя, что ее бывшая горничная вернулась, она решила, что отныне он всецело принадлежит ей.

Она сказала Миссирилли, что в городе необыкновенное движение; видны патрули карабинеров на таких улицах, где они никогда не показывались.

— Если ты хочешь послушаться моего совета, то уедем сейчас же в Сан-Николо, — прибавила она.

Миссирилли согласился. Они пешком дошли до кареты молодой княжны, ожидавшей их в полумиле от города; в карете находилась компаньонка Ванины, ее наперсница, которой она хорошо платила.

Приехав в замок Сан-Николо, Ванина, смущенная своей странной выходкой

удвоила нежность к своему возлюбленному. Но когда она говорила о любви, ей казалось, что она играет комедию. Предавая накануне, она забыла об угрызениях совести. Обнимая своего возлюбленного, она думала:

«Достаточно одного слова — и он тотчас же и навсегда возненавидит меня».

Среди ночи один из слуг Ванины внезапно вошел в ее комнату. Ванина не знала, что этот человек был карбонарием. Значит, у Миссирилли даже в подобных мелочах были от нее тайны. Она содрогнулась.

Человек этот принес Миссирилли известие, что ночью в Форли дома девятнадцати карбонариев были окружены и их арестовали, когда они возвращались с собрания венты. Хотя их задержали неожиданно, девять успели ускользнуть. Десятерых карабинеры отвели в крепостную тюрьму. Входя туда, один из них бросился в очень глубокий колодезь и убился на смерть.

Ванина потеряла самообладание; к счастью, Пьетро не заметил этого: он прочел бы совершенное ею преступление в ее глазах.

— Теперь гарнизон Форли. — прибавил слуга, — оцепил все улицы. Солдаты расставлены так близко, что могут перекликаться. Жители могут переходить с одной стороны улицы на другую только в том месте, где стоит офицер.

По выходе слуги Пьетро на минуту задумался.

— В настоящий момент нечего делать, — сказал он, наконец.

У Ванины был вид умирающей; она дрожала под взглядом Пьетро.

— Почему вы такая странная?—сказал он ей.

Затем Миссирилли задумался о другом и перестал смотреть на нее.

Около полудня она осмелилась ему сказать:

— Вот и еще одна вента открыта; я думаю, что вы теперь успокоитесь на некоторое время?

— О, да! — ответил Миссирилли с улыбкой, которая заставила ее содрогнуться.

Ей необходимо было посетить священника деревни Сан-Николо, быть может, шпиона иезуитов.

К семи часам она вернулась обедать и нашла комнату, в которой прятала сво-

Ванина почти без чувств упала на стул, охваченная страшным горем.

его возлюбленного, пустой. Вне себя она обегала весь дом — его нигде не было. В отчаянии Ванина вернулась в маленькую комнату и только тогда заметила записку; она прочла:

«Я иду отдаться легату в плен: я не верю более в наше дело: небо против нас. Кто выдал нас? Повидимому, несчастный, бросившийся в колодезь. Так как моя жизнь ненужна бедной Италии, то я не желаю, чтобы мои товарищи, видя, что я один не арестован, могли вообразить, что я их предал. Прощайте! Если вы любите меня, подумайте о том, чтобы отомстить за меня. Погубите, уничтожьте бесчестного, выдавшего нас, даже если это мой отец».

Ванина почти без чувств упала на стул, охваченная страшным горем.

Она не могла произнести ни слова; глаза ее были сухи и горели.

Наконец, она бросилась на колени.

— Великий боже! — вскричала она. — Прими мой обет: я накажу бесчестного предателя, но верни раньше свободу Пьетро.

Через час она уже ехала в Рим. Отец давно торопил ее вернуться. В ее от-

сутствие он дал свое согласие на брак ее с князем Ливио Савелли. Как только Ванина приехала, он дрожа заговорил с нею об этом. И, к великому удивлению, она согласилась с первых же слов. В тот же вечер у графини Виттелески отец представил ей почти официально дона Ливио, она с ним много разговаривала. Он был одним из самых блестящих в ряду римских дворян, имел великолепных лошадей, но, хотя за ним и признавали ум, его считали в силу его легкомыслия совершенно неспособным к государственной деятельности.

Ванина думала, что, вскружив ему сначала голову, ей удастся сделать из него очень удобного агента. Она предполагала, что шпионы не осмелятся следить за ним, так как он был племянником синьора Савелли Катанцара, римского губернатора и министра полиции.

После того как в продолжение нескольких дней Ванина относилась к нему благосклонно, она об'явила ему, что он никогда не будет ее мужем, так как, по ее мнению, у него слишком легкомысленная голова.

— Если бы вы не были ребенком, — сказала она ему, — подчиненные вашего дяди ничего не скрывали бы от вас. Например, как решено поступить с пойманными недавно в Форли карбонариями?

Через два дня дон Ливио пришел сообщить ей, что все взятые в Форли карбонарии бежали.

Она остановила на нем свои громадные черные глаза с горькой усмешкой, полной презрения, и во весь вечер не удостоила его разговором. На следующий день дон Ливио, краснея, признался ей, что его сначала обманули.

— Но, — сказал он, — я достал ключ от кабинета моего дяди, и, судя по бумагам, которые я там нашел, я уверен, что собирается тайная комиссия, состоящая из пользующихся наибольшим доверием кардиналов и легатов; будет решаться вопрос, где следует произвести суд над этими карбонариями: в Равенне или в Риме? Девять карбонариев, взятых в Форли, и их начальник, некто по имени Миссирилли, имевший глупость добровольно отдаться в руки властей, в настоящее время содержатся в замке Сан-Лео.

При слове «глупость» Ванина бросила на князя уничтожающий взгляд.

— Я хочу сама видеть официальные бумаги и войти в кабинет вашего дяди: вы плохо прочли их, — сказала она ему.

Эти слова заставили дона Ливио содрогнуться. Ванина требовала от него почти невозможного, но причуды молодой девушки только усиливали его любовь. Несколько дней спустя Ванина, переодетая в красивую ливрею, какую носили слуги синьора Савелли, получила возможность провести полчаса за чтением самых секретных бумаг министра полиции. Ее охватила живейшая радость, когда она нашла один из докладов, который представлялся ежедневно об обвиняемом Пьетро Миссирилли. Ее руки дрожали, когда она держала эту бумагу. Перечитывая это имя, она была близка к обмороку. Выходя из дворца римского губернатора, Ванина позволила дону Ливио поцеловать себя.

— Вы выходите победителем из испытаний, которым я вас подвергаю, — сказала она ему.

После таких слов молодой князь зажег бы Ватикан, чтобы понравиться Ванине. В этот вечер был бал у французского посланника; она много танцовала и почти все время с ним. Дон Ливио опьянел от счастья; надо было помешать ему рассуждать.

— Мой отец бывает иногда очень странным, — сказала ему однажды Ванина, — сегодня утром он прогнал двух слуг, и оба они приходили ко мне жаловаться на свое несчастье. Один из них просил меня устроить его у вашего дяди, римского губернатора, а другой, служивший в артиллерии во время войны с французами, желал бы получить место в замке св. Ангела.

— Я их обоих возьму к себе, — поспешил сказать молодой князь.

— Разве я прошу вас об этом? — гордо возразила Ванина. — Я вам дословно повторяю просьбу этих бедняков, они должны получить то, о чем просят.

Нельзя было придумать ничего более трудного. Монсиньор Катанцара не был человеком легкомысленным и допускал в свой дом только людей, хорошо ему известных.

Среди жизни, на вид полной удовольствий, Ванина мучилась угрызениями совести и была очень несчастна. Медленность событий убивала ее. Поверенный ее отца снабдил ее деньгами. Не должна ли она была бежать из дома отца и идти

в Романью, чтобы постараться освободить Миссирилли? Как ни была безрассудна эта мысль, Ванина была готова привести ее в исполнение, когда вдруг судьба сжалилась над нею.

Дон Ливио сказал ей:

— Десять карбонариев из венты Миссирилли будут перевезены в Рим с тем, чтобы после их осуждения приговор был приведен в исполнение в Романье. Дядя узнал это сегодня от папы. Только вы да я во всем Риме знаем эту тайну. Довольны ли вы?

— Вы становитесь мужчиной, — ответила Ванина. — Дайте мне ваш портрет.

Накануне того дня, когда Миссирилли должен был прибыть в Рим, Ванина нашла предлог, чтобы поехать в Читта-Кастелляна. В тюрьме этого города устраивается ночевка карбонариев, которых перевозят из Романьи в Рим. Она видела Миссирилли утром, когда он выезжал из тюрьмы; он был в цепях и сидел один на тележке; Миссирилли показался ей очень бледным, но, повидимому, он не падал духом. Какая-то старушка бросила ему букет фиалок. Миссирилли с улыбкой поблагодарил ее.

Когда Ванина увидела своего возлюбленного, то мысль ее заработала с удвоенной энергией: она почувствовала прилив мужества.

Задолго до этого она оказала большую честь аббату Кари, священнику в замке св. Ангела, где должен был быть заключен ее возлюбленный: она сделала аббата своим духовником. Быть духовным отцом княжны, племянницы римского губернатора, — немалая честь.

Процесс карбонариев Форли длился недолго.

Закон против карбонариев был ясен; форлийские карбонарии не могли надеяться на пощаду; тем не менее они защищались отчаянно. Мало того что судьи приговорили их к смерти: некоторые подали даже голос за жестокую казнь — четвертование и т. д. Министр полиции, карьера которого была сделана (так как с этим местом расстаются только для того, чтобы выйти в отставку), не нуждался в четвертовании, так что, докладывая папе о состоявшемся приговоре, он добился для осужденных замены смертной казни несколькими годами тюрьмы. Один только Пьетро Миссирилли составлял исключение. Министр видел в этом молодом человеке опасного фанатика, к тому же Миссирилли уже был приговорен к смертной казни за убийство двух карабинеров, о котором мы говорили выше.

Ванина узнала о приговоре и о смягчении его через несколько минут после того, как министр вернулся от папы.

На следующий день синьор Катанцара, вернувшись во дворец около полуночи, не нашел своего лакея; удивленный этим, он позвонил несколько раз; наконец, появился старый, выживший из ума слуга; раздосадованный министр решил раздеться сам. Он запер дверь на ключ: было очень жарко; он снял свое платье и, свернув в комок, бросил его на стул; платье было брошено с такой силой, что перелетело через стул и ударилось о кисейную занавеску окна, причем обрисовалась человеческая фигура. Министр поспешно бросился к своей кровати и схватил пистолет. Когда он вернулся к окну, к нему приблизился юноша, одетый в ливрею, которую носили его слуги, с пистолетом в руке. Увидя его, министр прицелился; он хотел стрелять. Молодой человек сказал ему смеясь:

— Что это, монсиньор, разве вы не узнаете Ванины Ванини?

— Что означает эта глупая шутка? — возразил разгневанный министр.

— Будем рассуждать хладнокровно, — сказала молодая девушка. — Во-первых, ваш пистолет не заряжен.

Удивленный министр удостоверился в этом, после чего он вытащил кинжал из кармана своего жилета.

Ванина сказала ему с любезным и в то же время повелительным видом:

— Сядемте, монсиньор.

И она преспокойно опустилась на диван.

— Одни ли вы, по крайней мере? — спросил министр.

— Совершенно одна, клянусь вам! — воскликнула Ванина.

Министр проверил ее слова: он обошел комнату и заглянул всюду, после чего взял стул и сел в трех шагах от Ванины.

— К чему мне посягать, — с кротким и спокойным видом сказала ему Ванина, — на жизнь такого рассудительного человека, которого, по всей вероятности, заменит слабый человек с горячей головой, способный погубить как себя, так и других?

— Что же вам, наконец, угодно, синьо-

— Будем рассуждать хладнокровно, — сказала молодая девушка. — Во-первых, ваш пистолет не заряжен.

рина? — сказал министр с раздражением. — Эта сцена мне вовсе не нравится и не должна продолжаться.

— То, что я прибавлю, — возразила Ванина высокомерно, оставляя свой любезный тон, — относится к вам более чем ко мне. Есть люди, желающие, чтобы жизнь карбонария Миссирилли была сохранена; если его казнят, то не пройдет и недели, как вы последуете за ним. Я тут ничуть не заинтересована; сумасбродный поступок, на который вы жалуетесь, я совершила, во-первых, для того, чтобы позабавиться, а затем, чтобы оказать услугу одной из моих подруг. Я хотела, — продолжала Ванина, снова принимая дружеский тон, — оказать услугу умному человеку, который вскоре будет моим дядей и, по всем признакам, должен возвеличить свою фамилию.

Министр смягчился; красота Ванины, без сомнения, способствовала этой быстрой перемене. В Риме была известна слабость монсиньора Катанцара к красивым

женщинам, а в своем наряде лакея Савелли, в обтянутых шолковых чулках, в красной куртке и коротком плаще светлоголубого цвета с серебряными галунами, с пистолетом в руке Ванина была ослепительно хороша.

— Моя будущая племянница, — сказал министр, почти смеясь, — вы позволили себе безумную шалость, и она, конечно, не будет последней.

— Я надеюсь, что такой благоразумный человек, как вы, — ответила Ванина, — не выдаст меня и в особенности сохранит происшедшее втайне от дона Ливио. Если вы обещаете мне спасти жизнь того, за кого хлопочет моя подруга, я вас поцелую.

Вскоре монсиньор Катанцара с презрением отбросил всякий страх и рассказал своей племяннице о всех трудностях, которые он встретит, если захочет спасти жизнь Миссирилли.

Обсуждая вопрос, министр расхаживал по комнате вместе с Ваниной; он взял графин с лимонадом, наполнил хрустальный стакан. В ту минуту, как он подносил его к губам, Ванина завладела стаканом и затем, подержав его несколько времени, точно по рассеянности, уронила его в сад. Через минуту министр взял из бонбоньерки шоколадную конфетку — Ванина отняла ее и сказала смеясь:

— Будьте осторожны, у вас все отравлено, так как желали вашей смерти. Мой будущий дядя так ко мне милостив, что я не хочу входить в семью Савелли с пустыми руками.

Крайне удивленный, монсиньор Катанцара поблагодарил свою племянницу и дал большие надежды на спасение жизни Миссирилли.

— Наш торг заключен! — вскричала Ванина. — А в подтверждение этого вот награда, — сказала она, целуя его.

Министр принял награду.

— Да будет вам известно, дорогая Ванина, — прибавил он, — что я лично не люблю крови. К тому же я еще молод, хотя, быть может, кажусь вам стариком; меня может застать в живых то время, когда будут мстить за кровь, проливаемую в наши дни.

Уже было два часа, когда монсиньор Катанцара проводил Ванину до калитки своего сада.

Когда министр на другой день появился перед папой, смущенный тем шагом, который предстояло ему сделать, его святейшество сказал монсиньору Катанцара:

— Прежде всего я должен просить вас о помиловании; один из карбонариев Форли остался приговоренным к смерти; мысль об этом не дает мне спать; надо спасти этого человека.

Видя, что папа идет ему навстречу, министр представил массу возражений и кончил тем, что написал декрет, который папа вопреки обычаю подписал сам.

Ванина думала, что хотя ей, быть может, и удастся добиться помилования ее возлюбленного, но что его попытаются отравить. Накануне Миссирилли получил от аббата Кари, духовника Ванины, несколько пакетов с морскими сухарями, с советом не дотрагиваться до пищи, даваемой властями.

Затем Ванина, узнав, что форлийские карбонарии должны быть перевезены в замок Сан-Лео, захотела попытаться увидать Миссирилли на дороге в Читта-Кастелляна; она приехала в этот город на сутки ранее узников и застала там аббата Кари, приехавшего несколько дней тому назад. Он добился у тюремщика разрешения для Миссирилли быть у заутрени в тюремной часовне. Добились даже большего: если Миссирилли согласится на то, чтобы ему надели цепи на руки и на ноги, то тюремщик отойдет к двери часовни на такое расстояние, чтобы ему можно было все время видеть узника, за которого он отвечает, но чтобы нельзя было разобрать того, что тот будет говорить.

Наконец, настал день, когда должна была решиться судьба Ванины.

Она с утра заперлась в тюремной часовне. Кто мог бы рассказать мысли, волновавшие ее в течение этого долгого дня? Мог ли Миссирилли простить ее? Достаточно ли сильна для этого была его любовь? Она выдала венту, но она спасла ему жизнь. Когда рассудок брал верх в этой измученной душе, Ванина надеялась, что он согласится покинуть с ней Италию: если она согрешила, то потому, что она слишком любила его. Когда пробило четыре часа, она издалека услышала стук конских копыт: карабинеры в'ехали в городок. Этот стук словно отдался в ее сердце. Вскоре она различила грохот тележек, на которых везли арестантов. Они остановились на площадке перед тюрьмой; она увидела, как двое

карабинеров подняли Миссирилли, который сидел один на тележке в таких тяжелых цепях, что не мог двигаться.

«По крайней мере, он жив, — подумала она со слезами на глазах, — они еще не отравили его».

Вечер был ужасен, лампадка подле алтаря, поставленная очень высоко, для которой тюремный сторож жалел масла, освещала мрачную часовню. Глаза Ванины блуждали по могилам нескольких вельмож, умерших еще в средние века в соседней тюрьме. Их статуи имели свирепый вид.

Все звуки давно умолкли; Ванина была погружена в свои мрачные мысли.

Через несколько минут после того как пробила полночь, ей послышался легкий шум, как будто пролетела летучая мышь. Она хотела идти и упала почти без чувств на решотку алтаря. В ту же минуту два призрака приблизились к ней так тихо, что она не слышала их шагов. Это были тюремщик и Миссирилли, обвитый цепями. Тюремщик открыл фонарь и поставил его на решотку алтаря, около Ванины, так, чтобы не упускать из виду узника. Затем он пошел к выходу. Как только тюремщик отошел, Ванина бросилась на шею Миссирилли. Обнимая его, она чувствовала только его холодные и колючие цепи. «Кто заковал его в них?» — с болью подумала она. К этой боли примешалась другая, еще более острая: одну минуту ей показалось, что Миссирилли знал об ее преступлении: настолько холодно он ее встретил.

— Дорогой друг, — сказал он ей, наконец, — я сожалею о вашей любви ко мне; мне кажется, что я ее не заслужил. Забудем наши прошлые заблуждения; я не могу вам принадлежать. Простая осторожность требовала, чтобы я был арестован в ту роковую ночь в Форли. Почему я не оказался на своем посту в момент опасности? Мое отсутствие дало повод к самым ужасным подозрениям. Все это потому, что любовь к свободе Италии не была моей единственной страстью.

Ванина не могла придти в себя от перемены, происшедшей с Миссирилли; хотя он и не похудел, ему можно было дать тридцать лет. Ванина приписала эту перемену плохому обращению, от которого он страдал в тюрьме, и залилась слезами.

— Ах, — сказала она ему, — тюремщики обещали так хорошо с тобой обращаться!

Мало-помалу Ванине стало ясно, что поразившая ее в ее возлюбленном перемена не была следствием плохого с ним обращения, а была переменой чисто морального свойства. Горе Ванины, казавшееся ей беспредельным, еще усилилось.

Миссирилли молчал. Ванина, казалось, задыхалась от рыданий. Он сказал, видимо, слегка взволнованный:

— Если я кого-нибудь любил на земле, то это вас, Ванина, но, слава богу, у меня теперь только одна цель в жизни: я умру в тюрьме или же в борьбе за свободу Италии!

Снова водворилось молчание; повидимому, Ванина не могла говорить, хотя и пыталась. Миссирилли добавил:

— Требования долга жестоки, друг мой, но если бы их можно было исполнять без труда, то в чем заключался бы героизм? Дайте мне слово, что вы не будете искать со мной встречи.

Насколько позволяла ему его короткая цепь, он сделал движение рукой и протянул Ванине пальцы.

— Если вы позволяете тому, кто был вам дорог, дать вам совет, то лучше всего выходите замуж за достойного человека, которого предназначает вам ваш отец. Не делайте ему никаких неприятных признаний, но, с другой стороны, не ищите никогда свидания со мной; будем навсегда чужими друг другу. Вы пожертвовали значительную сумму на пользу родины; если когда-либо она будет освобождена от своих тиранов, эта сумма будет вам выплачена из национального имущества.

Ванина была убита. Во время разговора с ней взгляд Пьетро заблистал только в тот момент, когда он произнес слово «родина».

Наконец, гордость пришла на помощь молодой княжне. Она запаслась алмазами и маленькими напильниками; не отвечая Миссирилли, она подала их ему.

— Я принимаю это по обязанности, — сказал он ей, — так как я должен постараться бежать; но вас я никогда не увижу, клянусь вам в этом вашими новыми благодеяниями. Прощайте, Ванина, обещайте никогда не писать мне, никогда не искать со мной встречи; оставьте меня родине; я умер для вас. Прощайте!

— Ах, чудовище! — вскричал Пьетро, в ярости бросаясь на нее..

— Нет, — сказала Ванина в бешенстве, — я хочу, чтобы ты знал, что я совершила, руководимая любовью к тебе.

Тогда она рассказала ему все, что она делала с той минуты, как Миссирилли покинул замок Сан-Николо для того, чтобы отдаться в руки легату. Окончив этот рассказ, Ванина прибавила:

— Но мало того, я сделала больше из любви к тебе.

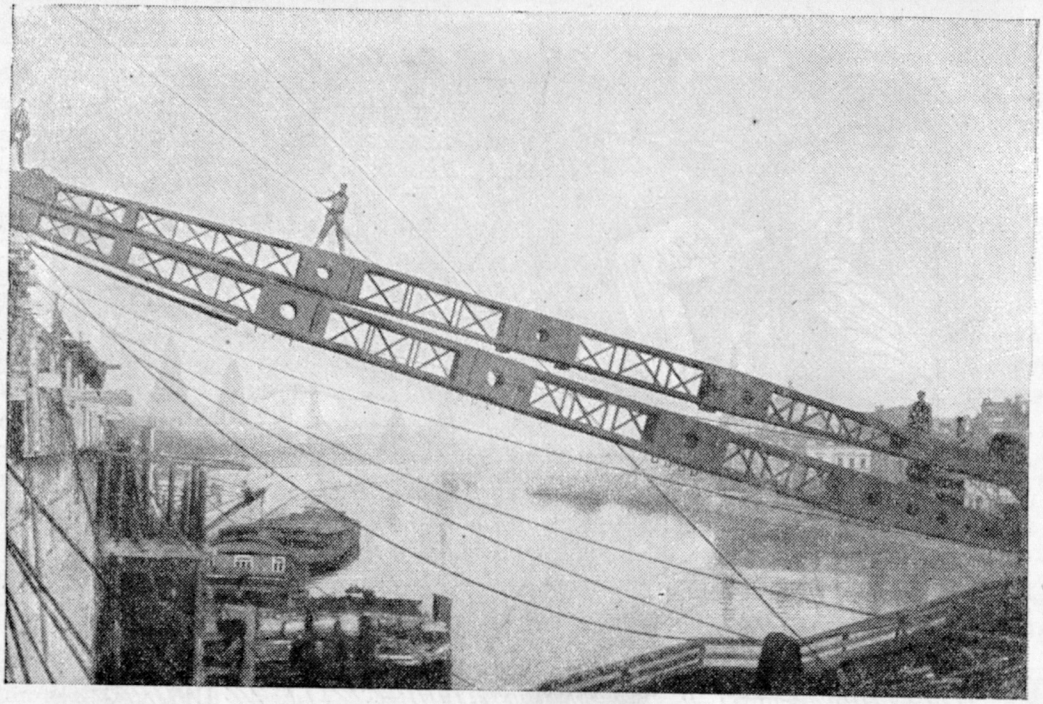
Тогда она сказала ему о своем предательстве.

— Ах, чудовище! — вскричал Пьетро в ярости, бросаясь на нее и стараясь убить ее своими цепями.

Ему, быть может, и удалось бы это сделать, если бы не тюремщик, прибежавший на крик. Он схватил Миссирилли.

— На, чудовище! Я не хочу ничем быть тебе обязанным! — сказал Миссирилли Ванине, бросая ей, насколько ему позволила цепь, напильники и алмазы, и поспешно удалился.

Ванина потерпела поражение. Она вернулась в Рим, и газеты сообщили об ее браке с князем Ливио Савелли.



Под'емный кран над Москвой-рекой. На нем верхолаз.

ВЕРХОЛАЗЫ

Е. Симонов

Когда начинается большая стройка, когда нужно воздвигать высокие сооружения, тогда вызывают верхолазов.

Это они ставили рубиновые звезды на древние башни московского Кремля, собирали стальные ворота канала Москва—Волга, подымали стометровые радиоантенны, монтировали высокие башни нового Крымского моста.

Верхолазы — это люди разных профессий, которые работают на высоте. Есть верхолазы-плотники, верхолазы — сборщики и монтажники, маляры и кровельщики. Я познакомился с верхолазами на стройке Крымского моста.

Этот мост не лежит на быках, как большинство мостов: он висит на цепях. Две мощные цепи, в треть километра длиной каждая и весом по нескольку тысяч пудов, перекинуты через пилоны, стальные 30-метровые башни. Когда я пришел на мост, верхолазы соединяли береговой конец цепи с речным концом. Под'емный кран подымал 60-пудовые стальные плиты, и верхолазы, примостившись в узенькой люльке, соединяли эти плиты на самой макушке пилона.

Перелезая с доски на доску, с одной стремянки на другую, я кое-как добрался до шапки пилона. Ветер бушевал здесь как на высокой горе. Огромные под'емные краны, длинные балки — все, что осталось на берегу, уменьшилось, с'ежилось и казалось отсюда далеким и маленьким.

Держась за поручни, я подошел к краям лесов и, взглянув вниз, невольно зажмурился. Мне казалось, что мост поплыл, что он падает и тянет меня за собой. Казалось, что леса и подмости качаются от каждого порыва ветерка. Я прижался спиной к столбу и старался не глядеть вниз. Я чувствовал себя так же, как новичок-альпинист, взобравшийся на высокую отвесную скалу.

С берегов и с середки моста к верхушке пилона подымаются цепи. Сначала они идут полого, но потом сразу изгибаются и уходят круто вверх. По этой цепи спокойно, мягкой походкой, совсем неторопливо подымался человек в спецовке. Он даже не

глядел, куда ставит ногу, хотя шел по цепи, которая висит на высоте 25 метров и не имеет ни перил, ни поручней.

Вслед за человеком в спецовке двигался другой. Глядя на него, я вспомнил самого себя. Он полз на четвереньках и не отрывал глаз от цепи.

Люди приблизились ко мне. Первый из них был бригадир верхолазов Семен Мамкин. Второй — геодезист, которому надо было с верхушки пилона промерить цепь. Один из них уже много лет работает на высоте, другой забрался сюда первый раз в жизни. Он передвигался почти ползком и хватался за цепь с таким отчаянием, как будто земное притяжение держало его за шиворот и тянуло обратно на землю. Он не был верхолазом.

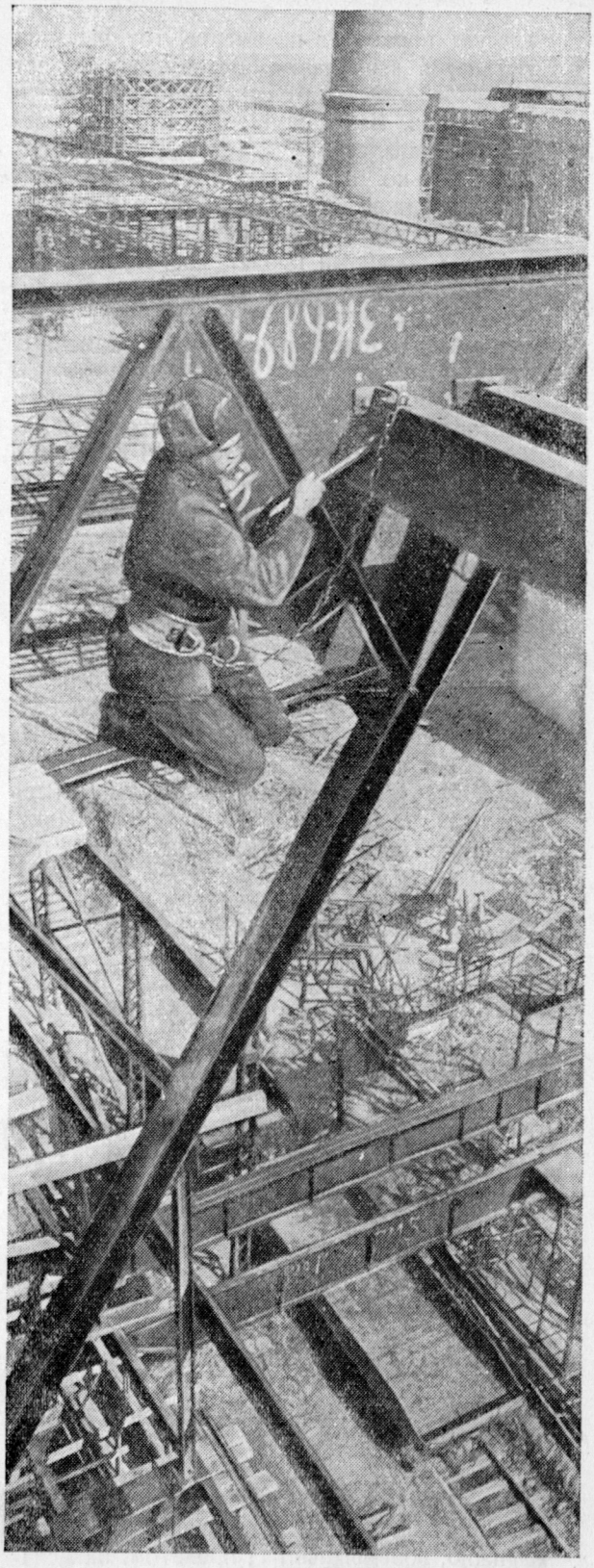
Конечно, я сейчас же спросил Мамкина, не страшно ли ему наверху, неужели он не боится работать на такой высоте.

Да, в первый раз ему было страшновато. Он боялся, как боится человек, впервые съезжающий на лыжах с крутой горы. Но день за днем он подымался все выше и выше и постепенно разделывался со своим страхом. Боится ли он теперь? И да и нет! Известно, что ничего на свете не боятся только дураки... Он теперь уже не только не боится высоты: он просто ее не замечает, не думает о ней. Ему все равно: работать ли над землей, над водой, на высоте в 5 метров или в 50. Были бы прочные леса, надежный под'емный кран и хороший пожарный пояс, которым он подвязывается к лесам. Плохо завязанный узел, подгнивший в кладовке канат, лихой, но невнимательный товарищ по работе — вот что может грозить опасностью, вот чего надо бояться.

Почти каждого человека охватывает страх, когда он впервые поднимается на высоту и видит под ногами бездну. Но храбрые люди, с большой силой воли, преодолевают этот страх, они подымаются все выше и выше; более малодушные долго топчутся на месте, никак не решаясь подняться, а многие так и остаются работать внизу.

Бывали случаи, что, расхрабрившись, человек подымался на высоту и даже работал там. Но вот наступало время спуска, и, оглянувшись вниз, он видел бездну под ногами, его охватывала неодолимая боязнь глубины. Иногда приходилось таким, вконец растерявшимся людям завязывать глаза и, держа их под руки, сводить на твердую землю.

Но тот, кто победил эту боязнь, кто как



Верхолаз, надежно привязанный, спокойно работает, крепя стропила будущего Оренбургского завода.

следует поработал на высоте, тот навсегда останется верхолазом. Ветер здесь гуляет на свободе. Отсюда видны широкие просторы и дали. Над самой головой летают веселые птицы.

Несколько лет назад бригадир верхолазов-сборщиков Семен Мамкин работал со своими земляками на постройке большого моста. Собранный пролет моста уже стоял на высоких деревянных подставках, связанных ввиде кустов. Сборщикам надо было поднимать пролет на постоянные каменные устои.

Мамкин в этот день пришел хмурый и настороженный. Он заметил, что к обычным звукам стройки — шипенью воздуха в шлангах, пулеметной трескотне клепальных молотков — примешивался новый звук, еле слышный для непривычного уха: потрескивало дерево. Так трещат деревья в лесу в сильный мороз. Но стоял веселый летний день, и здесь трещали подставки-кусты, которые с трудом удерживали пролет.

Мастер велел бригаде Мамкина перейти наверх и поднять на пролет стальную балку, которую подвезли на барже.

Пролет стоял высоко, не меньше 50 метров отделяли его от воды. Кусты теперь приняли на себя новую тяжесть — балку. Они скрипели и гнулись, как мачты под штормовым ветром.

Вдруг Мамкин насторожился и резко повернулся к своей бригаде.

— Кончай работу! Полундра! — закричал он.

Он повел за собой бригаду, прокладывая дорогу, откидывая в сторону доски и перепрыгивая через бревна, преграждавшие путь. Верхолазы бежали к каменному устою, до которого оставалось несколько метров. Треск усиливался, он возникал все в новых и новых местах. Мамкин добежал до конца пролета и, не переходя на устой, остановился. Он оглядел бригаду: все были налицо.

Навстречу с устоя спешил встревоженный прораб:

— В чем дело, Семен Степанович? Почему сняли людей?

Треск все усиливался, теперь уже все секции гудели, как будто под пролетом начиналась буря. Отрывались и летели вниз бревна. Весь пролет вздрогнул и стал медленно сползать с устоя. Устой стоял неподвижно, возвышаясь над пролетом, как спасительный островок. Мамкин со сборщиком Назимкиным перепрыгнули на каменные устои и стали помогать подбегавшим товарищам перебираться через расщелину, отделявшую пролет от устоя. Она все расширялась.

Целые деревянные конструкции целиком обрушивались в воду. Частые и тревожные гудки парового крана неслись над рекой. Это машинист, оставшийся в кабине, предупреждал всех: «Авария, спасайтесь!»

Огромное стальное тело пролета плашмя упало в воду, раздавив все деревянные подставки, точно это были пирамидки из спичек.

Рано утром несколько земляков Мамкина стали укладывать свое добро в сундучки и двинулись в контору за расчетом. Авария отбила у них охоту работать верхолазами. Мамкин даже не стал слушать эти разговоры.

— Рыба ищет где глубже, а верхолаз — где выше,— сказал он.— И не такие мосты подымем и построим.

Через несколько месяцев мост был открыт.

А потом верхолазы пошли на другую стройку, на московские мосты.

Про Москву-реку писали в прошлом веке:

«Не широка,
Не глубока,
Шумит, бежит Москва-река».

Но теперь Москва-река стала широкой, глубокой и полноводной. По ней, не цепляясь за дно, могут плыть большие пароходы. А еще недавно, до пуска канала Москва—Волга, жителям столицы, ее фабрикам и заводам было мало воды. Но даже когда река стала глубоководной, в нее еще не могли зайти белоснежные теплоходы с Волги, с Камы, с Каспия. Их не пропускали старые мосты, низко нависшие над водой.

Верхолазы начали собирать стальные арки новых мостов. Они были во много раз больше старых. На одном новом мосту — Большом Краснохолмском — можно было расставить почти все старые мосты. Металлические части одного Крымского моста были тяжелее на полтораста тысяч пудов чем все старые мосты, взятые вместе.

Самые опытные верхолазы работали на Крымском мосту, где надо было собирать над водой огромные стальные балки и подымать к небу высокие пилоны. С канала Москва — Волга пришел сюда деловитый прораб Чирков; с монтажа кремлевских звезд — инженер Кунегин и мастер Гурецкий; из тихой Коломны приехал строгий и знающий все, что касается мостов, Григо-

рий Михайлович Комаров. Он уже 43 года строит мосты.

На самых трудных и высоких работах стояла бригада Семена Мамкина. Они собирали огромные балки моста, они работали под самой шапкой пилона. Ветер трясе деревянную люльку, как ветку, но верхолазы работали здесь так же спокойно и уверенно, как на твердой земле. Строители торопились: они дали слово сдать мосты к Первому Мая. Осенью и зимой, днем и ночью шумела стройка над рекой. Они работали в самые злые морозы, когда дерево промерзает так, что от него отскакивает топор. Верхолазы были не только храбрыми, но и опытными людьми, они знали металл и дерево, знали их поведение и свойства при разной погоде, и поэтому никаких аварий с верхолазами не случилось.

Я уже сказал о том, что верхолазы укрепили над столицей 5 рубиновых звезд — созвездие Кремля. Когда верхолазам показали сверкающие четырехметровые звезды, которые надо было укрепить на макушках старых башен, даже самые бывалые сборщики призадумались. Верхолазы привыкли иметь дело с металлом, с деревом, с огромными, но прочными вещами. А тут надо было поднять на высоту 15-этажного дома звезду из стекла, да еще позолоченного.

Каждую из пяти звезд подымали целиком. Сквозь узкие окна кремлевской башни выдвинули стальные балки. Они торчали во все стороны, как спицы вокруг колесной оси. На балки настелили доски и поставили высокий стальной кран.

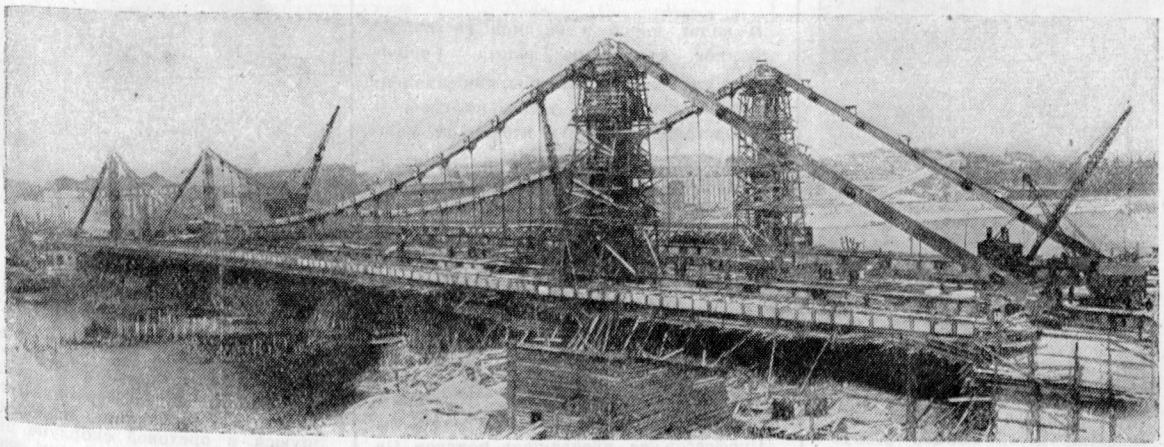
Получилась очень узкая площадка, и на ней работали верхолазы. Чтобы не стереть позолоты, верхолазы не дотрагивались до звезды голыми руками. Они обертывали пальцы ватой. А перед под'емом окутали ватой всю звезду и обшили ее ситцем. Так она и подымалась наверх в мягкой ватной шубе.

Шатер башни покрыт черепицей. Достаточно было уронить болтик или железный прут, чтобы перебить черепицу. И верхолазы глядели, чтобы ни один кусок железа, ни одна чурка не валялись без дела, как это бывает на всех стройках.

Полдня уходило у верхолазов на под'ем и установку звезды, и без малого два месяца занимала подготовка каждого под'ема. И ни одна звезда не была побита или поцарапана. Тихим сентябрьским вечером легкий ветерок уже поворачивал первую звезду над Водовзводной башней. Над шпилем столетней башни сверкали ее рубиновые лучи.

Верхолазы любят свое дело, любят высоту, на которой они создают красивые и прочные сооружения. Хотя они не боятся высоты, но относятся к ней с уважением. Нельзя играть с высотой. Когда верхолаз говорит, что он не замечает высоты, это значит, что он поборол первый страх и теперь носит в себе чувство высоты, как мерку, которой выверяет каждое свое движение на работе.

Верхолаз не спешит. Он идет по одному бревну, по узкой металлической цепи над рекой и даже не глядит себе под ноги. Он смотрит вперед. Он выработал чувство высоты и почти наощупь находит ногой опору. Он идет так же, как идет по острому гребню горы скалолаз, как двигается по проволоке канатоходец. Они тоже никогда не смотрят себе под ноги. Они всегда глядят вперед и только вперед.



На этих цепях, протянутых через пилоны Крымского моста, работали верхолазы.

ВОКРУГ СВЕТА

Шпионы на кухне

Немецкие девушки издавна славились аккуратностью и бережливостью. Богатые английские семейства обычно выписывали себе домашних работниц из Германии. Безработные немецкие девушки ехали в Англию искать работы.

Этим решила воспользоваться Гестапо. Теперь в Англии домашними работницами работают 25 000 немок. Большая часть из них прошла в Германии шпионские курсы.

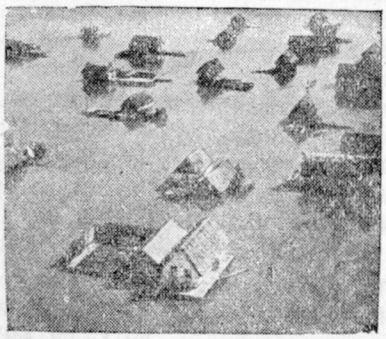
— Шпионы на кухне! — вопят английские газеты.

От таких шпионов трудно уберечься, трудно что-либо скрыть.

Диверсионная и шпионская работа гитлеровских агентов в Англии все усиливается. Недавно в Лондоне полиция обнаружила тщательно замаскированную лабораторию, где делали нитроглицерин—страшное взрывчатое вещество.

Хозяин этой лаборатории оказался гитлеровским агентом. Ясно, что не для домашних надобностей вырабатывался в лаборатории нитроглицерин.

Поселок на сваях



О свайных поселках мы знаем из истории. Мы знаем, что когда-то предки современного человека, чтобы уберечься от хищных зверей, строили свои жилища на воде. Опорой для этих жилищ служили сваи, которые забивались в дно рек и морских заливов.

Оказывается, и в наши дни можно найти свайные поселки. На фотографии вы видите такой поселок. Он построен в одной из бухт Карибского моря (на границе между Южной и Средней Америкой). Живут в этом поселке рыбаки. На своих лодочках бороздят они воды залива. В руках у них длинные палки с острыми зазубренными наконечниками — гарпуны. Этими гарпунами убивают они рыбу.

„МУССОЛИНИ РАЗДЕВАЕТ ВСЮ ИТАЛИЮ"

Синьора Мангини в Риме знают все: он хозяин самых больших в городе швейных фабрик. В его ателье шьется одежда для самого короля и членов королевской семьи.

Поэтому никто не удивился, когда в один весенний день на всех улицах Рима были расклеены кричащие рекламные плакаты:

«Мангини одевает весь Рим»

Полицейские и сыщики, глядя на эти плакаты, не подозревали, что им готовит завтрашний день. И как переполошились они, когда на другой день утром увидали, что ночью кто-то приклеил к каждому плакату полоску бумаги со словами:

«А Муссолини раздевает всю Италию»

Пока полицейские, орудуя ножиками, соскабливали со стен эти слова, их прочитали тысячи прохожих. Не только весь Рим, но и вся Италия вскоре узнала об этой пощечине, публично нанесенной Муссолини.

Писатель-антифашист Эгон Эрвин Киш находится в республиканской Испании. Он посетил детей бойцов республиканской армии, которые живут в детском доме на берегу Средиземного моря.

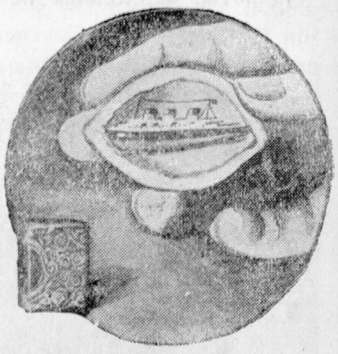
ЗОЛОТО ИЗ МОРСКОЙ ВОДЫ

В водах морей и океанов растворено огромное количество золота. Ученые давно уже нашли способы, как извлечь золото из морской воды, но способы эти настолько сложны, что грамм золота, добытый из морской воды, стоил в тысячу раз больше чем тот же грамм, добытый из золотой руды или золотого песка.

Французский профессор Даульмес много лет работает над тем, чтобы упростить способы добычи золота из морской воды. Ему удалось уже найти такой способ, при котором золото, добытое из воды, стоит только в 20 раз дороже обычного.

Профессор не прекращает поисков. Он уверен, что скоро будет выгодно черпать золото прямо из морской воды.

Пароход в ореховой скорлупе



В Бостоне (США) была устроена выставка самых маленьких вещей в мире. На этой выставке показывали модель французского парохода «Нормандия», помещающуюся в ореховой скорлупе. На фотографии снят еще один экспонат выставки—крошечная книга с ноготь величиной.

Наши братья — ребята Китая

ПИОНЕРСКИЙ КОРПУС

О замечательном походе 25-го корпуса с гордостью вспоминают и поныне бойцы и командиры 8-й китайской народно-революционной армии.

В этом корпусе не было ни одного бойца старше 18 лет. Дети партизан и бойцов китайской красной армии, когда им исполнялось 11—12 лет, уходили в горы искать своих отцов. Вот из этих мужественных ребят и сформировался 25-й корпус китайской красной армии. Его назвали пионерским.

В 1934 году коммунистическая партия Китая предложила находившимся в советских районах Китая отрядам китайской красной армии двинуться на север, чтобы грудью встретить наступавших на Китай японских захватчиков.

Китайские генералы, продавшиеся захватчикам Китая, собрали 600 тысяч войска и зажали части китайской красной армии в кольцо. Этим походом против красных армий руководил германский генерал Сект.

— Только мертвые или пленные выйдут из этого кольца,— хвастался он.

Командир пионерского корпуса, получив приказ, повел корпус в поход. В дождь и ветер, в зной и в стужу, через леса, горы и реки шли пионерские полки и батальоны. Рису было мало. Бойцы берегли каждую горсточку рису. Патронов было еще меньше. Бойцы берегли каждый патрон. Но у каждого города, на каждом горном перевале им приходилось вступать в бой с генеральскими войсками.

Если вычертить на карте все 5000 километров пути, пройденных пионерским корпусом, получится много кругов и зигзагов. Долгое время враги никак не могли сообразить, куда и зачем движется корпус. Они поняли это только тогда, когда пионерский корпус оказался в тылу армии генерала Ху Цзу-нана. Этот генерал, укрепившись в Миньских горах, занял перевалы и долго задерживал главный отряд китайской красной армии, которым командовал вождь китайских коммунистов Мао Цзе-дун.

Бойцы-пионеры ударили по генеральским войскам с тылу. Много дней продолжались кровопролитные бои. Но, зажатые с двух сторон, генеральские войска бежали.

С тех пор прошло четыре года. Ребята, храбро сражавшиеся в рядах пионерского корпуса, теперь стали юношами, бойцами 8-й китайской народно-революционной армии. Это армия, которая возглавляет борьбу всего китайского народа, она первая нанесла удар японским захватчикам.

Китайские ребята — участники живой газеты. Они разучивают коллективную декламацию.

ПОДВИГ ЧЕНА

Все четырнадцать лет своей жизни Чен провел в Шанхае. Отец был грузчиком, мать работала на текстильной фабрике. Когда началась война и в городе стали разрываться японские снаряды, Чен ночью пробрался к окопам. Он остался в полку.

Вместе с 6-м полком отступал он от Шанхая. Вместе с ним прошел длинный и трудный путь.

Любимец бойцов, Чен слыл одним из самых опытных разведчиков. Он часто перебирался в стан врагов. Запрятав маузер в боковой карман рваной курточки и состроив добродушное лицо, Чен бродил среди японских солдат, выведывая все, что надо было, и ни в ком не вызывая подозрений.

Ребята в особом (бывшем советском) районе Китая в школе обучаются грамоте.

Но как-то раз японский дозорный уж очень ловко замаскировался. Почти вплотную подошел к нему Чен, высматривая, где стоят японские танки.

И вот со связанными руками он стоит перед японским офицером.

— Подведешь нас тихо к лагерю — будешь жив. Нет — хлопнем. Понял?

Чен понял. Но он медлил с ответом. Конечно, он и не помышлял о том, чтобы стать предателем, изменником. Он думал лишь об одном: как передать своим, что танки здесь, близко, за рощей.

— Я провожу вас к лагерю,— сказал он офицеру.

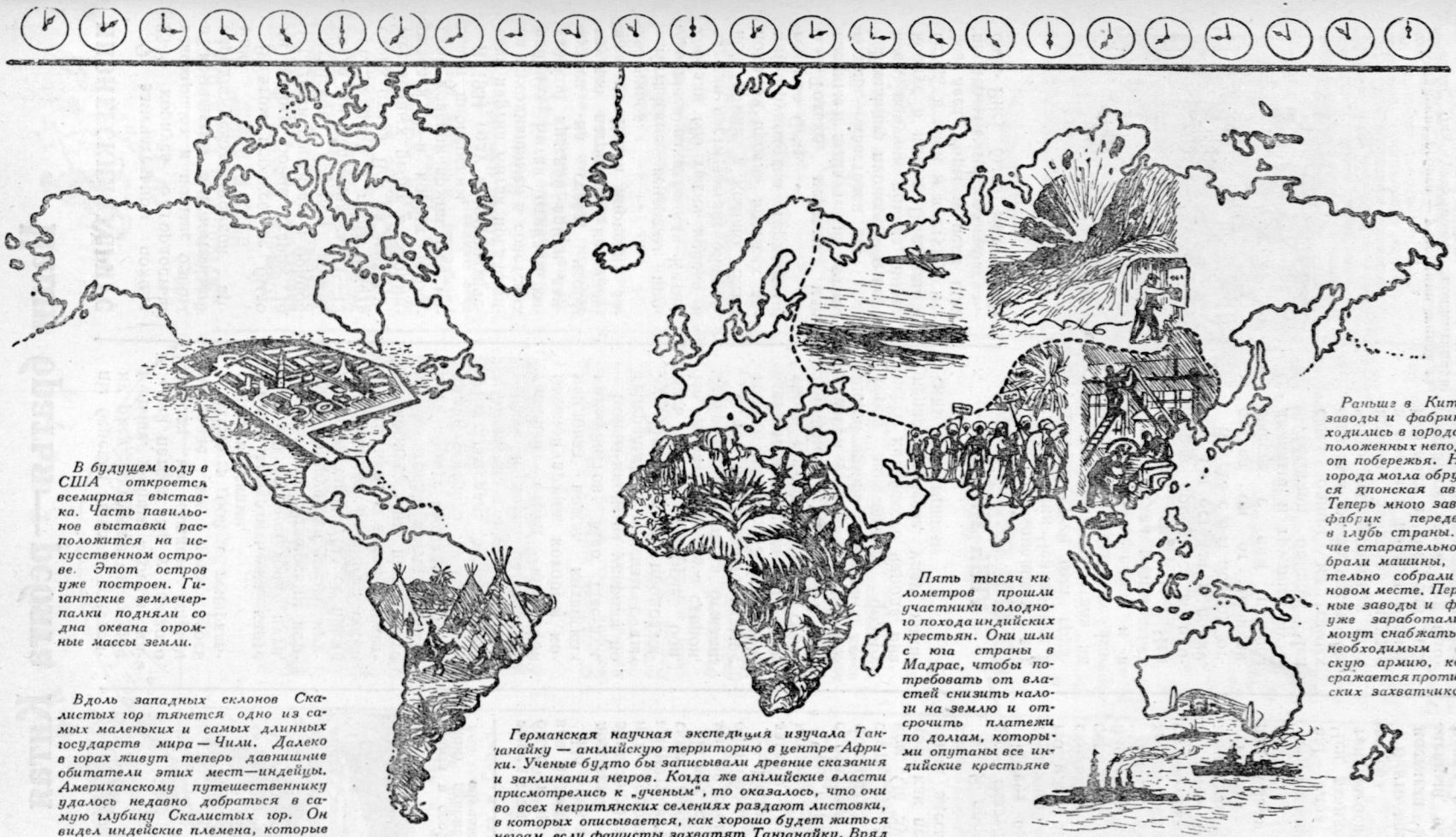
И вот он идет знакомой тропинкой обратно к своим. Но идет он не один. В нескольких шагах от него, скрываясь за кустами, пробирается японский дозор.

Внизу, у подножья этого холма, лагерь. До него остается 500 шагов. 450... 400... Где-то здесь, совсем близко, должны быть часовые.

И вдруг Чен рванулся вперед. Сзади загремели выстрелы.

— Танки за рощей, слева! — едва успел крикнуть Чен, завидев дозорного, притаившегося у поваленного дерева.

В это время японская пуля настигла Чена. Он упал сраженный, выполнив свой долг перед родиной.



В будущем году в США откроется всемирная выставка. Часть павильонов выставки расположится на искусственном острове. Этот остров уже построен. Гигантские землечерпалки подняли со дна океана огромные массы земли.

Вдоль западных склонов Скалистых гор тянется одно из самых маленьких и самых длинных государств мира — Чили. Далеко в горах живут теперь давнишние обитатели этих мест — индейцы. Американскому путешественнику удалось недавно добраться в самую глубину Скалистых гор. Он видел индейские племена, которые полностью сохранили и быт, и язык, и образ жизни своих предков. Они абсолютно схожи с теми индейцами, которых описывали путешественники двести лет тому назад.

Германская научная экспедиция изучала Танганайку — английскую территорию в центре Африки. Ученые будто бы записывали древние сказания и заклинания негров. Когда же английские власти присмотрелись к „ученым", то оказалось, что они во всех негритянских селениях раздают листовки, в которых описывается, как хорошо будет житься неграм, если фашисты захватят Танганайку. Вряд ли негры поверили лживым фашистским обещаниям. Но „ученых" попросили спешно убраться из Африки.

В этом месяце на Урале должен произойти один из самых больших взрывов, которые когда-либо были устроены подрывниками. На воздух взлетит 200 тысяч тонн земли. Откроется доступ к разработке больших железорудных месторождений. Небольшая группа подрывников выполнит работу, ради которой тысяча рабочих должна была бы работать целый год.

Пять тысяч километров прошли участники голодного похода индийских крестьян. Они шли с юга страны в Мадрас, чтобы потребовать от властей снизить налоги на землю и отсрочить платежи по долгам, которыми опутаны все индийские крестьяне

Раньше в Китае все заводы и фабрики находились в городах, расположенных неподалеку от побережья. На эти города могла обрушиться японская авиация. Теперь много заводов и фабрик передвинуто в глубь страны. Рабочие старательно разобрали машины, старательно собрали их на новом месте. Перевезенные заводы и фабрики уже заработали, они могут снабжать всем необходимым китайскую армию, которая сражается против японских захватчиков.

В Австралии строятся большие военно-морские базы. Англия, Австралия и Новая Зеландия создали единый „комитет обороны южной части Тихого океана". Это потому, что японцы собираются, захватив Китай, двинуться дальше, на Малайский архипелаг и Австралию.

552 километра на планере с пассажиром пролетел советский планерист Ильченко. Так далеко на планере с пассажиром еще никто в мире не летал.

СОБРАНИЕ В ТЕМНОТЕ

Свет в зале был погашен, все окна тщательно завешены. В темноте входили в зал люди. Ощупью рассаживались. В темноте председатель открыл собрание.

Это в Соединенных штатах Америки, в городе Канзасе, собрались, чтобы организовать свой профсоюз, рабочие мебельной фабрики.

Хозяин фабрики был против того, чтобы его рабочие организовались. Он пригрозил, что тот, кто вступит в профсоюз, немедленно останется без работы.

Хотя собрание собиралось втайне, рабочие боялись, как бы хозяйским агентам не удалось на него пробраться. Вот они и решили провести собрание в темноте.

Когда надо было выбирать правление союза, рабочие не называли вслух кандидатов. Каждый написал фамилии кандидатов на листке бумаги. Председатель собрания подсчитал, чьи фамилии чаще встречаются в листках, и этим рабочим он тихонько сказал, что они избраны в правление. Об'явить вслух результаты голосования тоже нельзя было: хозяин сразу расправился бы с избранными.

По конституции Соединенных штатов Америки, граждане пользуются всеми политическими правами. Они имеют право свободно собираться, создавать свои союзы и т. д.

Это по конституции. А как получается на деле, вы можете судить хотя бы по этому одному факту.

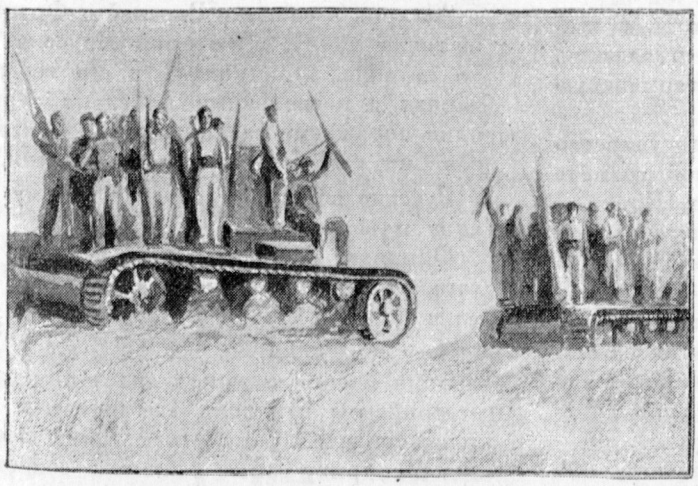
Многие радиослушатели в Калифорнии (Соединенные штаты Америки) каждое утро читают газету, которую за ночь «выпустил» у них же в доме радиоприемник — телевизор со специальным устройством.

Напечатанную с вечера в типографии газету-ленту помещают на передающей радиостанции перед аппаратом с фотоэлементом. Этот аппарат превращает печатные знаки и фотографии в радиосигналы.

Радиоприемники в домах, настроенные на передающую станцию, улавливают эти сигналы и передают их присоединенной к приемнику установке с пером. Перо это вычерчивает на бумажной ленте те же знаки и изображения, которые имеются на ленте, отпечатанной в типографии.

Таким образом, уже рано утром владелец приемника находит готовую газету-ленту с последними новостями и даже фотографиями.

НА ТАНКАХ В АТАКУ



Республиканские танки во время атаки перебрасывают подкрепление на один из участков фронта.

ВЫРОС ИЗ КОСТЮМА— ВОН С РАБОТЫ

В Англии много ребят вынуждено непосильным трудом зарабатывать себе на жизнь. Особенно много мальчиков служит в кинотеатрах. В кинотеатрах Лондона работает 23 тысячи подростков, из них 7 тысяч—больше 12 часов в день.

В Манчестере подростки, работающие в кинотеатрах, заняты еще больше: зачастую им приходится работать по 14 часов в день. Недавно в том же Манчестере хозяин кинотеатра уволил одного подростка потому, что тот вырос из служебного костюма. На его место хозяин нанял другого подростка, которому этот костюм приходился впору.

Исчезновение страны

Проф. Е. В. Тарле

Совсем недавно прекратило свое существование австрийское государство и фашистские войска Гитлера, заняв Австрию, присоединили ее к Германии.

Таким образом, Австрии не стало. Исчезло государство, которое просуществовало без перерыва 1200 лет.

Если посмотреть на карту Европы, то можно видеть, что Австрия, какой она была до последних событий, занимает сравнительно небольшой кусок земли.

Но еще до мировой войны, лет 25 назад, Австрия была великой державой. В нее входили вся Чехословакия, Венгрия и затем большая часть нынешней Югославии. Множество разнообразных народов населяло эту страну и было под властью этой державы, которую называли в свое время «лоскутной империей».

Как одно из самых древних государств Центральной Европы, Австрия имеет богатую историю, полную войн, нападений и распрей с соседями.

В первые столетия нашей эры, во времена великого переселения народов, много племен побывало на австрийской земле.

Владели ею и римляне, и готы, и гунны, приходили сюда и авары, и славяне, и венгры, наступавшие на германскую землю с востока.

И впервые Австрия как государство упоминается в 996 году в одной грамоте германского императора Оттона III.

Много веков тянулись кровавые распри между древними германскими императорами, герцогами и князьями за овладение Австрией, пока приблизительно в середине 14-го века династия Габсбургов не стала во главе австрийского государства, овладев и немецкой императорской короной, и Богемией, и Венгрией.

И, наконец, в 1713 году Карл VI об'единил всю австрийскую монархию, которая 100 лет спустя, с 1806 года, стала называться Австрийской империей, а еще через 60 лет, в 1867 году, — империей Австро-Венгерской.

Но об'единение это не обходилось без жестоких и долголетних войн. И больше всего приходилось Австрии воевать с германскими государствами.

Одна такая война длилась 30 лет, с 1618 по 1648 год.

В те времена Австрия была гораздо сильнее Германии, раздробленной на множество государств, на несколько сот маленьких владений.

Войска Австрийской империи победоносно проникали до самого Балтийского моря, занимая германские владения одно за другим.

И если бы не вмешательство других государств, главным образом Швеции и Франции, германским государствам пришлось бы очень плохо: они были бы покорены.

Другая долгая война длилась 7 лет, с 1756 по 1763 год, и началась с того, что прусский король Фридрих II внезапным нападением вторгся в австрийскую провинцию Силезию и занял ее своими войсками.

Австрия в союзе с Россией и Францией об'явила войну, в которой Пруссия чуть не погибла. Фридрих II и его генералы наряду с несколькими победами терпели одно поражение за другим: и в Саксонии, и в Силезии, и в Восточной Пруссии.

Русские войска подошли к самому Берлину и вошли в столицу Пруссии.

Фридрих II делал все возможное для того, чтобы спасти свое королевство. Сотни шпионов были разосланы им и в Россию, и во Францию, и в Австрию.

Один из его шпионов сидел при самом австрийском канцлере Каунице и в продолжение всей Семилетней войны доставлял Фридриху самые важные и секретные сведения.

Кауниц долгое время не мог понять, кто же этот изменник, который предает

Такой была Австрия в средние века.

государство и похищает секретные документы.

Только ближайший к канцлеру чиновник, имевший доступ к этим бумагам, мог это делать. Но таких чиновников было два. Один из них был предатель, а другой невиновен. Но кто же именно из них предатель, канцлер никак не мог установить.

Тогда однажды ночью он приказал вывезти и одного и другого на берег Дуная и утопить в реке обоих.

Но Фридрих, конечно, нашел других шпионов.

Однако и шпионы мало помогали. Военные неудачи продолжали преследовать прусские войска, и Фридрих II, совершенно отчаявшись в благополучном исходе войны, чуть с собой не покончил: он готов уже был принять яд.

От полного поражения спасла Пруссию только неожиданная смерть русской императрицы Елизаветы и вступление на престол Петра III, который был горячим приверженцем и ярым сторонником Фридриха II. Русские войска были отозваны, и вскоре был заключен мир.

В 19-м столетии Австрия подверглась ряду самых страшных поражений при Наполеоне, который несмотря на мужество австрийцев громил ее в течение нескольких лет. Он вел против Австрии 4 больших войны и всегда бил ее.

Он отнял у нее самые богатые провинции: Зальцбург, Крайну, Галицию и другие.

Но после неудачного похода Наполеона на Россию австрийский император Франц об'явил в 1813 году войну Франции и вернул не только свои утраченные провинции, но получил еще Далмацию и часть Северной Италии.

Австрия оправилась и снова стала великой державой, даже стала более сильной чем прежде и как великая держава существовала до 1914 года. Ей принадлежала огромная территория с населением в 54 миллиона человек.

Падение Австрийской империи началось с мировой войны.

Одним из результатов войны было то, что Австро-Венгрия распалась. От нее отделились чехи, словаки и венгры, образовавшие свои самостоятельные государства. Значительную часть Австрии отня-

Австрия в начале прошлого века.

ли Сербия и Польша, и от великой державы осталась земля, лежащая ниже быстрой и глубокой реки Энсы, та земля, от которой когда-то пошло начало Австрийского государства, сейчас переставшего существовать.

Германские фашистские батальоны занимают сейчас ее прекрасные города, хозяйничают на ее заводах, расхищают ее богатые рудой недра, леса и поля.

Еще с давних пор германская буржуазия стремилась так или иначе проникнуть в Австрию, которая была для германских промышленников большой дорогой к Востоку. По этой дороге мечтали они направлять свои товары на Балканы и в Турцию.

Мечты эти особенно усилились после окончания мировой войны, когда германская крупная буржуазия открыто стала настаивать на присоединении Австрии. Об этом писалось в газетах, говорилось на митингах.

Но этому противились Англия и особенно Франция, для которой Германия является опасным соседом.

Так было до 1833 года, когда в Германии произошел фашистский переворот и у власти стал Гитлер.

Человек малоразвитой, необразованный, при отсутствии настоящей, глубокой государственной мысли, он путем жестоких насилий зажал в кулак германский народ и задушил малейшие признаки какой бы то ни было свободы.

При помощи фашистских штурмовиков он довел когда-то богатую Германию до нищеты и голода.

Еще в 1933 году даже в бедной немецкой семье по утрам к завтраку всегда были молоко, масло и яйца, а теперь даже в лучших гостиницах к утреннему кофе подают только хлеб с маргарином.

— Нам нужны пушки, — говорят Гитлер и его министры, — чтобы расширить свои границы. Без масла мы обойдемся, а без пушек не обойдемся.

Едва только успел он захватить власть, как в первую очередь протянул руку к Австрии.

Он наполнил Австрию своими шпионами и диверсантами, которые взрывали

Австро-Венгрия во время мировой войны.

фабрики и заводы, портили телеграф и телефон, отвлекая этим внимание австрийского правительства от той опасности, которая ему грозила со стороны Германии. А между тем огромные громкоговорители, поставленные на границе с Австрией, день и ночь вели пропаганду в пользу фашистской Германии. Гитлеровские газеты и листовки, которые тайком печатались и распространялись в Вене и в провинции, говорили, что нужно прогнать австрийское правительство и присоединить Австрию к Германии.

Австрийский канцлер Дольфус, видя эту опасность для государства, обратился за помощью к Франции и Англии. Он поехал в Париж и там заявил французскому правительству, что Гитлер готовит нападение на Австрию. И когда Дольфус вернулся в Вену, он был убит. Убили его не из-за угла. Во дворец, где находился канцлер, явились люди в мундирах австрийских офицеров, отшвырнули швейцара и других, которые спросили, что им угодно, вошли в кабинет, застрелили Дольфуса и спокойно вышли. Это были подосланные Гитлером убийцы. Они думали такой расправой запугать австрийское правительство, чтобы оно даже не смело просить помощи.

Но опять-таки в то время Франция и Англия не дали Гитлеру расправиться с Австрией. И Англия дала фашистам понять, что если они захватят Австрию, то Франция об'явит Германии войну и Англия встанет на сторону французов.

Гитлеру пришлось сократить свою агитацию.

Так прошел еще год.

В 1936, а особенно в 1937 году дело стало несколько меняться.

В Англии наступили перемены.

Во главе правительства стал консерватор Чемберлен, всей своей политикой поддерживающий Гитлера.

Английские консерваторы враждебно настроены к Советскому Союзу и рассуждают так:

— Пусть Германия присоединяет Австрию, пусть еще что-нибудь присоединит. Но зато в тот далекий, а может быть, и близкий момент, когда Гитлер

Такой была Австрия до последнего времени, пока ее не захватили германские фашисты. Теперь Австрии на карте Европы нет.

захочет напасть на Советский Союз, у Германии будет достаточно сил.

Конечно, сам Чемберлен так прямо этого не говорит. Ему неловко, потому что он первый министр, а с Советским Союзом как-никак у Англии мир. Но те консервативные газеты, которые его поддерживают, заявляют об этом открыто.

И вот в декабре 1937 года в Германию прибыл один из членов английского правительства, лорд Галифакс. И хотя переговоры, которые он вел с Гитлером, считались тайными, однако всем стало известно, о чем они говорили.

Англия дала Гитлеру разрешение захватить Австрию.

Австрийское правительство, во главе которого стоял канцлер Шушниг, оказалось в отчаянном положении.

Канцлер, зная о переговорах Гитлера и лорда Галифакса, сделал последнюю попытку. Он предложил плебисцит, то есть всенародное голосование. Пусть весь народ сам ответит, хочет он присоединиться к Германии или не хочет. Канцлер был убежден в том, что народ никогда не захочет присоединиться к фашистской Германии, об ужасной жизни в которой и безработице, о голоде, о насилиях так хорошо знали австрийцы.

Тогда Гитлер решил предупредить плебисцит. Он тоже знал хорошо, что австрийский народ против него, и двинул фашистские войска через границу Австрии.

А так как у Гитлера солдат, пушек и танков было гораздо больше чем у австрийцев, то Австрия отпора дать не могла.

И сейчас в Австрии такая же ужасная жизнь, как и в фашистской Германии.

Свирепствует жесточайший террор. Люди кончают самоубийством, только бы не попасть в руки фашистов, в их концентрационные лагеря, где свирепствуют пытки и издевательства.

Людей избивают до полусмерти целыми сотнями.

Одного известного доктора, который раньше боролся против гитлеровцев, фашисты так избили, что он ослеп.

И такие неслыханные ужасы происходят каждый день.

Этим Гитлер решил запугать австрийцев, чтобы никто даже и думать не смел о сопротивлении.

Вместе с фашистами пришел в Австрию и голод. Не стало хлеба, масла, молока. Все вывозится в Германию.

Нужды австрийского народа гитлеровцев совсем не трогают. Фашисты открыто заявляют, что им нужны только новые земли, а не народ. Народ они будут истреблять.

Есть такое немецкое слово «ausrotten», что значит «искоренять». И всякий раз, когда немецкие фашисты говорят о народах, земли которых они намерены завоевать, они произносят слово «ausrotten».

Угроза войны снова нависла над Европой.

И не даром тотчас же после этого насилия над Австрией Франция энергично взялась за свое вооружение, отпустив на него миллиарды золотых франков. И это значит, что дальнейшего усиления Германии она не потерпит, даже если Англия и не будет с ней.

Франция — очень сильное государство. И хотя населения у нее в Европе меньше чем в Германии — всего 40 миллионов, но не надо забывать, что кроме того она владеет обширными колониями в Африке и Азии, где живет больше 50 миллионов ее подданных.

Во французских колониях введена всеобщая воинская повинность, причем колониальные войска Франции сражаются прекрасно, в особенности знаменитые сенегальские стрелки. Это огромного роста люди, черные как уголь, стройные, выносливые, обладающие прекрасным зрением, как все первобытные народы.

Они показали себя еще в империалистическую войну храбрыми солдатами и, несмотря на то что привыкли к жаркому, африканскому климату, целыми годами сражались на европейских фронтах. Это лучшие снайперы. В стрельбе они всегда брали первые призы.

И если бы Гитлер вздумал один на один пойти на Францию, то, конечно, он не справился бы с ней.

Тем более не победить ему нас.

Правда, более дикого, жестокого и преступного строя чем фашистский давно уже не существовало в мире. Только в самые далекие, варварские времена было нечто подобное. Но фашисты вовсе не так сильны, как это им кажется. И это прекрасно понимают некоторые гитлеровские генералы, которые не перестают указывать Гитлеру на то, что не стоит нападать на Советский Союз, потому что это очень опасно. И, конечно, если Гитлер все же решится броситься на Советский Союз, то он сломает себе шею. В этом нет никакого сомнения.

Но пока мы должны помнить о том, о чем несколько раз так упорно предупреждал нас товарищ Сталин: не надо закрывать глаза на опасность, нужно внимательно за ней следить и нужно быть готовым к защите нашей великой родины, потому что мы живем во враждебном окружении и, разумеется, дикий, варварский германский фашизм — один из главных наших врагов, самых злобных и самых бессовестных.

ИЗ ЖИЗНИ НАСЕКОМЫХ

А. Передельский

Почему гусеница превращается в бабочку

Все знают, что бабочки откладывают яички, что из яичек вскоре вылупляются маленькие гусеницы, что гусеницы растут, несколько раз линяют и, наконец, превращаются в куколок. Все знают, что из куколки через несколько дней выходит бабочка.

Но вот под действием чего гусеница превращается в куколку, а куколка — в бабочку?

Почему, в самом деле, совершенно непохожая на бабочку гусеница становится крылатой и меняет решительно весь свой образ жизни? Что вдруг изменяется, что происходит к этому времени в теле гусеницы?

Для ответа на эти вопросы я и другие ученые проделали многочисленные опыты.

Свои опыты я производил так. Тело гусеницы туго перевязывалось поперек крепкой шолковой ниткой. В одних опытах перевязка делалась между головой и грудью гусеницы. В других опытах гусеницы перевязывались между грудью и брюшком. В остальных опытах перевязка накладывалась где-нибудь между члениками брюшка. Во всех этих опытах строго учитывался возраст гусениц в момент перевязки.

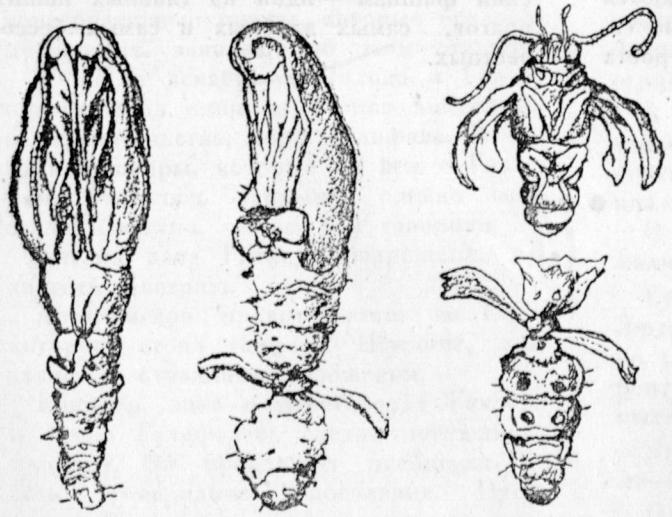
Пока все очень просто. Но результаты получились поразительные. Если гусеница была перевязана за несколько дней перед нормальным превращением ее в куколку, то обе части гусеницы — и передняя и задняя — превращались в переднюю и заднюю части куколки. Перевязка не помешала окукливанию. Если же поторопиться с перевязкой хотя бы на один день, то окукливается лишь передняя часть гусеницы. Задняя часть гусеницы, расположенная за перетяжкой, не окукливается.

Проходит время. Передняя, окуклившаяся часть превращается в уродливую укороченную бабочку. А задняя часть все еще остается гусеницей. Она так и умирает, не перелиняв на куколку.

Что это означает? А вот что. Выходит, что в передней части гусеницы, именно в голове, находится какой-то важный для превращения орган. Этот орган перед самым превращением гусеницы в куколку начинает выделять в кровь особое вещество, или, как говорят, гормон. Гормон разносится кровью по всему телу гусеницы и заставляет даже самые отдаленные от головы части ее тела перестраиваться в куколку и затем в бабочку.

Понятно, что если гусеницу перевязать раньше того срока, когда начинает выделяться гормон, то в заднюю часть тела гормон не сможет проникнуть. Только передняя часть перевязанной гусеницы может окуклиться после выделения в голове гормона.

Посмотрите внимательно на рисунки. На них изображены эти простые опыты. Вы еще лучше поймете, почему гусеница превращается в бабочку.

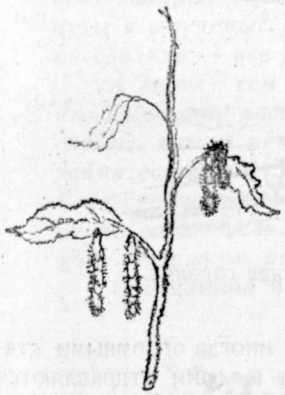


У перевязанных гусениц только передняя часть тела превращается в куколку, а затем в уродливую бабочку.

Болеют ли насекомые?

Люди, лошади, собаки, коровы, кошки, птицы часто болеют и заразными и незаразными болезнями. Болезни людей и способы их лечения изучает медицина. Наука о болезнях животных называется ветеринарией. Это очень древние науки, и с каждым днем они совершенствуются. Сейчас уже известно, что болеют не только высшие животные, но и ящерицы, и рыбы, и лягушки.

Ни одно животное не знает секрета вечного здоровья. Не исключение — и насекомые.



Эти гусеницы боярышницы мертвы. Они погибли от фляшерии.

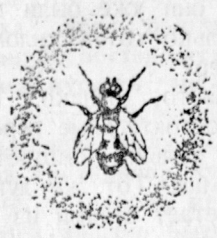
Вот в лесу на дереве висят вниз головой гусеницы бабочки боярышницы. Что с ними? Они мертвы. Они погибли от страшной, очень заразной болезни — фляшерии. Гусеницы заражаются друг от друга и через несколько дней умирают. Их губят проникшие в тело бактерии. Фляшерия неопасна для других животных и человека. Но гусеницы самых различных бабочек легко заболевают ею друг от друга. Там, где разводят гусениц шелкопряда (от них получают шолк), эта болезнь очень опасна. Фляшерия иногда приносит большие убытки шелководческим хозяйствам. Но еще опаснее для шелковичных гусениц другие заразные болезни — пебрина и желтуха. При желтухе гусеницы желтеют, загнивают живьем и превращаются в мокрые бесформенные комки. А при пебрине они, наоборот, как бы окаменевают. Бывает, что и у пчел в ульях появляется повальная болезнь — гнилец. Лечить ее пока не умеют, и если пчеловод не сумел предохранить ульи от гнильца, то дело плохо.

Часто насекомые гибнут от того, что в их теле поселяются микроскопические грибки и плесени. Так, от грибка эмпузы нередко погибает саранча прус. Заболев грибной болезнью, прус взбирается вверх по стеблю травы и крепко обхватывает ногами стебель. В таком положении прус и умирает, не разжимая своих ног. Издали даже кажется, что на стебле сидит живой, здоровешенький прус. В дождливое лето, в сырую погоду можно видеть мух, покрытых плесенью. Как будто вата расщипана и обернута вокруг мухи. Плесень — это спутанные тельца и отростки микроскопических грибков. Плесень проникает внутрь тела мухи, и муха гибнет. Вокруг ее тела опасная зона. Горе тем мухам, которые прилетят на это место. Они подхватят на ножки немного плесени и от этого врага больше не избавятся. Бабочки также заболевают в сырость сходной грибной болезнью.

Саранча прус, убитая эмпузой.

В обширном мире насекомых множество только ему свойственных болезней. Наши ученые изучают эти болезни и стараются найти спасительные средства для полезных насекомых. А для вредных насекомых ученые разрабатывают способы массового заражения болезнями. Плесени, грибки, бактерии станут могучими союзниками человека в его борьбе с полчищами вредителей, опустошающих сады и поля.

Яблоневая медяница, пораженная грибком энтомофторой.



Муха, убитая грибком эмпузой.

Дальние перелеты насекомых

Птицы весной прилетают к нам из далеких теплых стран. Осенью птицы улетают обратно. Дважды в год многие перелетные птицы пролетают десятки тысяч километров. Кроме птиц только насекомых можно назвать отличными летунами. Но насекомые малы, встречный ветер сильно мешает их полетам. Казалось бы, насекомые не в состоянии совершать дальних перелетов через горы и моря, как это делают птицы.

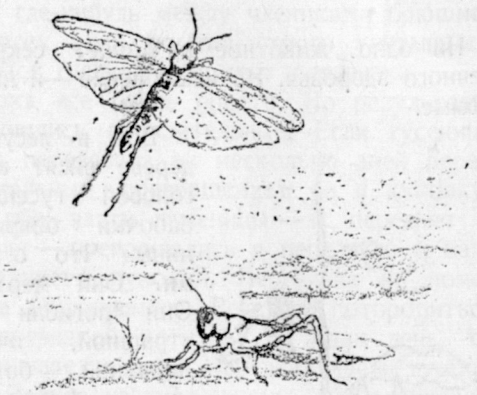
Действительно, большинство насекомых сами не улетают дальше 20—30 километров. Но часто ветер подхватывает их, поднимает высоко над землей и несет за сотни и тысячи километров, так что, в конце концов, насекомые попадают в совсем иные страны, куда сами они ни за что не долетели бы.

В 1932 году один из наших ученых поднимался на Эльбрус, на Кавказе. На высоте четырех тысяч метров он нашел на снегу и льдах множество бабочек, окоченевших от холода. Все это были обитатели равнин — луговой мотылек, совка гамма, горчичная и белянка. Конечно, они были занесены и брошены на склоны Эльбруса ветром со степей Дона, Волги и Северного Кавказа.

Много раньше, в 1824 году, путешественники нашли на снегах Шпицбергена, в далекой Арктике, маленьких, нежных, слабо и медленно летающих тлей. Почти все они уже были мертвы от холода. За сколько сотен километров занес их сюда ветер?

Часто, однако, насекомые совершают самостоятельные перелеты, а попутный ветер только помогает им лететь скорее и дальше. Тот же луговой мотылек весной вылетает стаями из южных степей Казахстана в северные степи. Здесь дольше сохраняется, не выгорает под солнцем растительность. А осенью луговой мотылек возвращается на юг, где к этому времени и теплее и подросла новая, свежая трава. Далекие перелеты совершают также самые обыкновенные у нас бабочки: капустные белянки, перламутреницы, репейницы.

А вот вьюнковый бражник и мертвая голова летают из Северной Африки в центр Европы. На пути у них высокие горы и широкое Средиземное море. Еще дальше, с юга Африки через весь африканский материк, через Средиземное море, через всю Европу и Немецкое море, летят в Швецию и Норвегию бабочки бу-



Пустынная саранча.

дячницы. Они летят иногда огромными стаями. Обратно же на юг они отправляются небольшими группами и поодиночке. Удивительный перелет за 5—6 тысяч километров! Редкие перелетные птицы летят так далеко.

Но к рекордсменам дальности перелетов среди насекомых принадлежат не только эти бабочки, но и саранча. Из северокавказских плавней саранча летит на север — в степи Саратова, Воронежа, Курска. В иные годы саранча летит тучей и там, где садится, с'едает дочиста всю растительность, даже жесткие стебли трав.

Другая, так называемая пустынная саранча летит с юга Аравии и долетает до Армении и Азербайджана. А из северо-африканской страны, Марокко, летит марокканская саранча. Она долетает до Кавказа и даже до Казахстана. Она пролетает путь в четыре тысячи километров.

Вот на какие огромные путешествия способны маленькие насекомые.

Чем заняться

Чем заняться в июле, в августе, когда все вы уже обегали: и ближайший лес, и луг, и поле,—когда вдоволь накупались и переиграли во все знакомые игры? Чем заняться в июле, в августе, если во дворе и на улице не осталось уже как будто ничего интересного, если все доступные человеку заборы, вершины деревьев, укромные углы на заднем дворе достигнуты и изучены? Как и следовало ожидать, особенных открытий вы там не сделали — все это было вам известно еще прошлым летом.

А между тем всюду вокруг вас столько интересных и веселых дел, что на них не хватит, если всеми заняться, и целого лета. Мы решили рассказать вам о некоторых таких интересных делах. Выбирайте любое и займитесь этим. Заняться можно вдвоем, втроем, а то и целым звеном. Если сделаете что-нибудь из того, что мы вам советуем, напишите — будем очень рады. Если советы наши вам нравятся, тоже напишите, будем помещать в каждом номере.

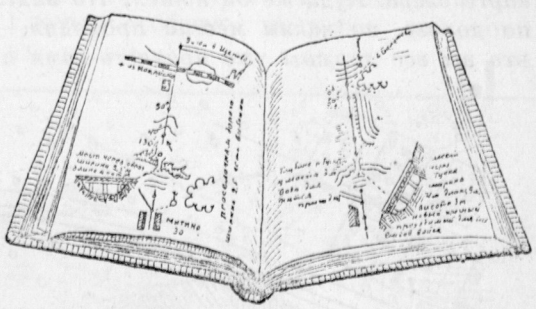
Счастливой игры, ребята!

Найдите огневую позицию

Представьте себе, что враг напал на границы нашей родины. Красная Армия разбила его передовые части и преследует противника на его территории. Вы командир одной из противотанковых пушек наступающего красноармейского батальона. Вы получили приказ найти хорошую огневую позицию для пушки, так как воздушная разведка донесла, что ожидается атака танков противника.

Огневой позицией называется место, откуда стреляет артиллерия. Не каждое место удобно для того, чтобы поставить на нем орудие. Для выбора огневой позиции нужно большое уменье.

Какая же нужна позиция? Прежде всего, чтобы с нее открывался хороший кругозор, чтобы перед пушкой была видна местность, по крайней мере, на 180 градусов. Опыт войны в Испании показал, что противотанковая пушка особенно метко стреляет на 700—1000 метров. Поэтому очень хорошо, если перед ней метров на 1200—1500 будет свободное пространство, по которому удобно было бы стрелять. Тогда, как только покажутся танки противника, ваш орудийный расчет сможет легко целить в них и меткой стрельбой уничтожить. Но этого мало: противник не должен заметить пушку ни с земли, ни с воздуха. Если пушку легко заметить, противник постарается ее уничтожить раньше, чем пустить танки в атаку. Значит, для огневой позиции нужно такое место, где пушка была бы укрыта, спрятана от глаз противника кустами, мелкими деревьями, складками местности. И, наконец, к ней должно быть



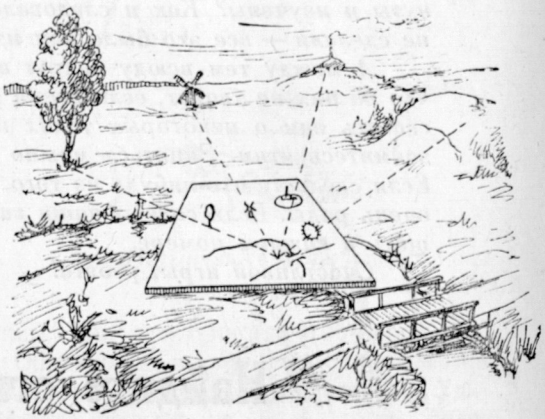
Так набрасывайте в записной книжке отчетную карточку местности.

удобно подвезти пушку и так, чтобы противник не заметил подхода артиллерии. Путь к огневой позиции должен быть скрыт от наблюдения противника. В Испании не раз бывали случаи, когда после ожесточенного обстрела найденных разведкой противотанковых пушек считали, что они уничтожены. Но, когда танки двигались в атаку, эти пушки встречали их ожесточенным огнем. Как только начинался обстрел, пушки быстро и незаметно перевозили на новые позиции. Вот какое большое значение имеет скрытый путь для артиллерии.

Напомним еще раз, какие три условия нужны для хорошей огневой позиции: хороший кругозор, хорошая маскировка и укрытый от наблюдения путь к позиции.

Было бы очень хорошо, если бы вам удалось сделать отчетную карточку (примерный план) местности перед выбранной вами огневой позицией. Такую карточку должен иметь каждый командир. Для вас как командира орудия очень важно, чтобы на карточку были нанесены ориентиры — примерные места, которые помогают ориентироваться по карте. Бугор, пень, груда камней, угол пашни, отдельное дерево — вот ориентиры для артиллериста. На карточке они должны быть перенумерованы, тогда вам как командиру будет легко командовать, когда танк покажется около угла пашни. Вы просто скомандуете: «Ориентир 5»,—этим номером он помечен на вашей карте. При нанесении ориентиров на карточку нужно определить примерное расстояние от огневой позиции до них.

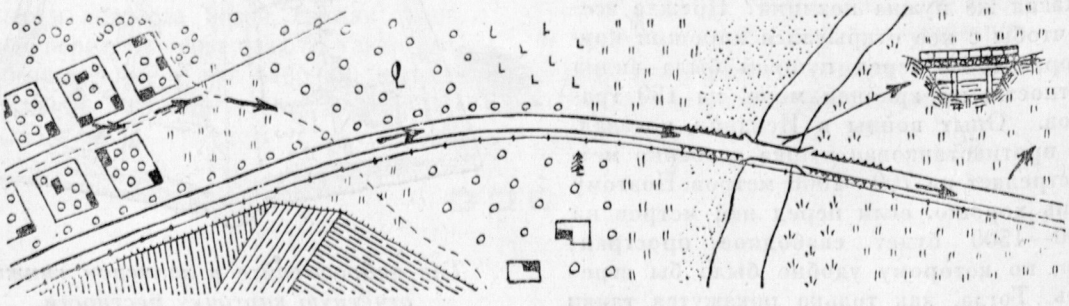
Нужно также найти удобные места для НП — наблюдательных пунктов. Они должны находиться в 1—2 километрах от орудия, и с них должно быть удобно просматривать местность. Найдите место для 3—4 НП как впереди огневой позиции, так и по сторонам ее. НП могут быть на пригорке, на высоком дереве, на крыше дома, стоге сена и т. п. Как составить карточку местности, какими пользоваться топографическими знаками, видно по нашим рисункам.



Так снимают план местности круговым визированием: сначала размещают на карте наиболее заметные местные предметы, определяя наглаз расстояния.

Рассказ о плане

Из дачного поселка, расположенного на лугу около опушки лиственного леса, вышел по грунтовой дороге мальчик. Через дорогу была видна пашня... Об этом вы можете прочесть внизу этой страницы, на карте слева. Куда же он пошел, что видел по дороге, по каким местам проходил,— это вы все должны уже прочесть сами по картам, которые идут друг за другом. Весь рассказ записан топографическими знаками. Их значение вы можете узнать на последней странице этого отдела. Запишите этот топографический рассказ и пришлите нам в редакцию. Фамилии записавших лучшие рассказы мы напечатаем в журнале.



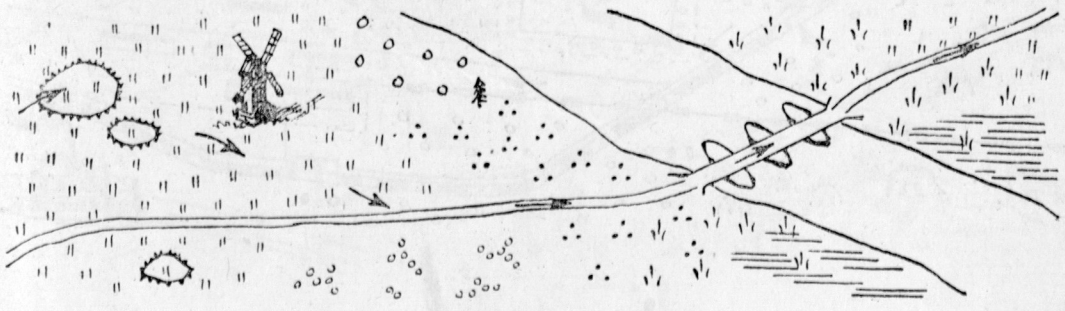
Есть еще одно интересное занятие — это маскировка. Она так же важна для артиллериста, как и выбор огневой позиции. Попробуйте стать маскировщиками.

Как сделаться невидимым

На одном из военных учений батальон, разделившись на две «враждебных» стороны, проводил игру в наступление. «Синяя» сторона наступала, а «красные», заняв небольшую вершину с мелким кустарником, оборонялись. Один «синий» приближался к предполагаемым окопам «противника» со всеми мерами военной предосторожности. Целые десятки метров он полз на животе, пробегал участки, закрытые кустарником, согнувшись до самой земли, и, наконец, добравшись до границы высоких кустов, выпрямился под их прикрытием, чтобы обойти эти кусты. Но, не сделав и десятка шагов по высокой траве, «синий» почувствовал, что задел ногой что-то очень твердое. Это был ствол легкого пулемета, за которым лежал «красный» пулеметчик, рядом — второй номер пулемета, и чуть поодаль — командир пулеметного отделения. Их совершенно нельзя было рассмотреть и в двух шагах. На фуражках у них была трава, лицо закрыто листьями, такая же богатая растительность «росла» и на спинах пулеметчиков. Пулемет был прикрыт сеткой, увитой травой. «Синий» был взят в плен.

Видите, какое важное значение имеет маскировка и умение находить вовремя замаскированного противника. Попробуйте где-нибудь в поле или в лесу замаскироваться так, чтобы вас не могли увидеть ваши товарищи. Один или двое из вас остаются на месте и завязывают себе глаза, а остальные ребята уходят в сторону шагов на 100 — 200 и маскируются. Если это луг, поросший травой, то самый удобный материал для маскировки — трава. Траву надо заткнуть за пояс, чтобы она закрывала спину, за воротник, вокруг фуражки, а если нет фуражки, обвязать голову веревочкой и заткнуть за нее траву так, чтобы трава закрывала вас сплошь. Лицо также прикрывайте пучком травы. Замаскированный так человек может не только лежать на земле незаметным, но даже незаметно передвигаться, конечно, по той местности, под которую сделана его маскировка. Когда все замаскируются, один из маскировавшихся кричит: «Готово!» — или свистит. Тогда ищущие снимают повязку, оборачиваются и стараются найти замаскировавшихся. Когда они кого-либо увидели, то указывают направление. Если они указали верно, опознанный встает. Если в течение пяти минут замаскированных не обнаружили, это очень хорошо.

Можно испытания провести и по-другому: обе стороны маскируются. Задача обороняющихся — быть незаметными, неподвижными. А задача наступающих,— используя кусты и лощинки, приблизиться возможно ближе к обороняющимся, чтобы их найти. Наступающие выигрывают, если обнаружат маскирующегося не ближе чем за 50 шагов. Можно сделать из веревочек небольшую сетку, утыкать ее травой и накидывать на себя. Можно взять мешковину, натыкать в нее травы и надеть на себя. Помните, что нужно учитывать фон (что сзади тебя). Если сзади у тебя светлые кусты, освещенные солнцем, а ты находишься в тени, то тебя будет хорошо видно силуэтом. Поэтому надо на светлом фоне самому держаться на свету, а на темном — в тени. Следите особенно за тенью: она может вас выдать.



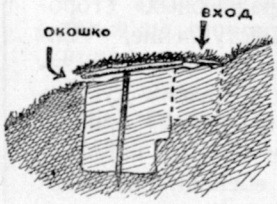
Очень интересно сделать хороший наблюдательный пункт. Тут вы должны применить все знания, которые приобрели, когда отыскивали огневую позицию и маскировались.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ

Наблюдательным пунктом может служить самое неожиданное место, лишь бы в нем не был заметен человек. Для этого делают ложные пеньки с окошечком, внутри которого помещается голова наблюдателя, а сам он сидит в ямке под этим искусственным пеньком. Делают ложные скирды и копны сена и даже искусственные тела «убитых» лошадей, внутри которых располагается наблюдатель.

А можно сделать наблюдательный пункт где-нибудь на возвышенном месте, лучше всего не на вершине холма или горы (противник может о нем легко догадаться), а на склоне, выкопав удобную землянку.

Делается НП так: роется углубление примерно в метр ширины и такой же длины, глубина его должна быть такой, чтобы наблюдатель мог или сидеть на земляной ступеньке или стоять.



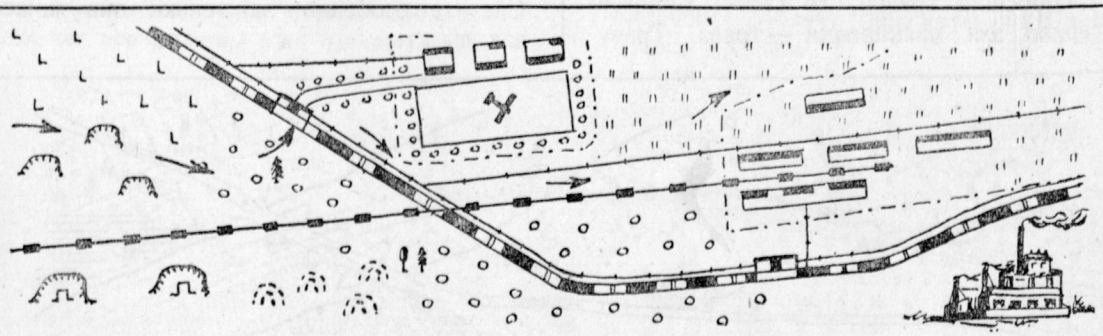
После этого сделайте крышу, вход и окошечки. Крыша делается из толстых веток или жердей, на которые набрасываются ветки и пласты дерна или же трава. Если такая крыша покажется непрочной, ее можно подпереть жердью. Особое внимание нужно уделить входу в наблюдательный пункт: он должен быть очень хорошо замаскирован. Его следует прикрывать небольшой крышкой, устроенной так же, как и крыша над главным углублением, или отводить, если позволяет местность, к какому-нибудь невидимому со стороны противника и даже с воздуха оврагу, лощинке, кусту.

ТОЧНЫЙ ГЛАЗ

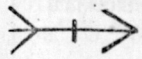
Для бойцов Красной Армии хороший глазомер — уменье точно и быстро невооруженным глазом измерять расстояние до цели — необходимое боевое качество. Разведчик должен уметь определить наглаз численность противника и расстояние до него. Пулеметчик и стрелок должны уметь быстро определить расстояние до цели. А особенно важен глазомер для противотанковой артиллерии. Представьте себе: вы командуете противотанковой пушкой, и вдруг из лощины неожиданно покажутся танки и помчатся на ваше орудие. Каждую секунду они проходят 5—8 метров. У вас просто не будет времени приборами определить расстояние до цели, да к тому же все время меняющей свое место. Вот тут-то к вам на помощь и придет ваш хороший глазомер.

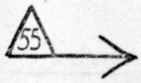
Но хороший глазомер надо развивать и тренировать. И даже тренированные глаза ошибаются на 10% в большую или меньшую сторону.

Советуем вам для тренировки такой способ. Когда вы гуляете, остановитесь и попробуйте определить наглаз, сколько шагов до какого-нибудь предмета перед вами: телеграфного столба, перекрестка, киоска, куста и т. п. Потом идите до намеченного предмета и считайте шаги. Довольно скоро вы начнете вносить поправки в первоначальные определения и определять расстояния все точнее и точнее. Если вас несколько, устройте состязания. Пусть каждый назовет цифру шагов, а потом подсчитайте, кто победил — назвал цифру вернее.



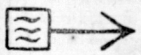
Дорожные знаки

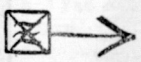

Опасность.

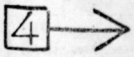


Дорога в лагерь.

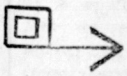
Пошел домой.


Там хорошая вода.

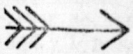

Там плохая вода.

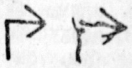


Письмо спрятано в четырех шагах.


Обходите справа.

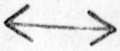
Идти нельзя.


Иди скорее.


Здесь свернуть.

Мы разделились.

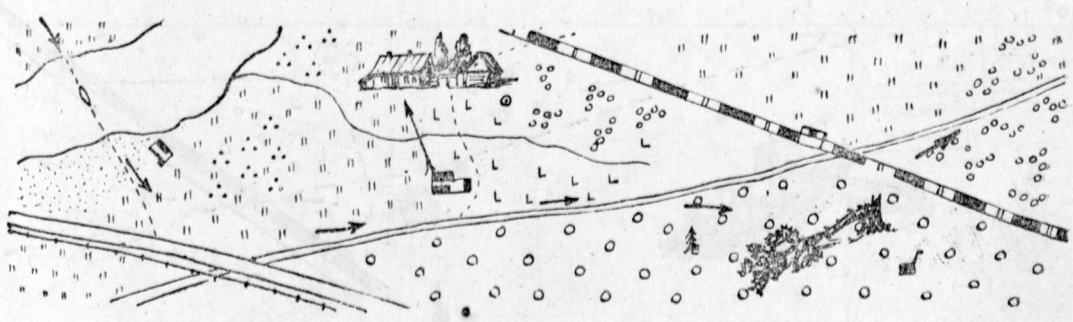
По этой дороге не ходи.


Жди здесь.

Правила разведки

Каждый разведчик должен всегда помнить, что за ним в любой момент может скрыто наблюдать противник, поэтому движения разведчика должны быть очень осторожными. Всегда нужно придерживаться правила: «Я противника вижу, а он меня не видит». Поэтому передвигаться разведчики должны очень хитро и осторожно: в лесу переходить от дерева к дереву; в поле, на открытой ровной местности,— ползком и небольшими перебежками от одного укрытия к другому (от куста к кусту, от ямы к стогу сена, от бугорка к камню). Перебежки нужно всегда производить от укрытия к укрытию еще заранее, пока вы притаились, намечая эти укрытия, например кусты, канаву, забор. Каждый разведчик должен стараться наблюдать за противником, применяясь к местности, т. е. быть своей одеждой похожим на местность. Для этого хорошо иметь одежду защитного цвета (похожего на цвет местности) или сделать маскировочный халат. Этот халат нужно коричневой краской разрисовать самыми причудливыми пятнами. Такой халат хорошо маскирует разведчика. Передвигаясь, можно задеть куст, траву и этим выдать себя противнику. Поэтому при передвижении нужно использовать порывы ветра, которые шевелят кусты и траву. Разведчик должен помнить, что нельзя становиться ногами на сухую траву и сухие ветки: резкий шелест может выдать разведчика. При передвижении по такой местности нужно использовать шум леса.

Из-за кустов надо наблюдать лежа, раздвинув немного ветки. С холма или высоты надо наблюдать не с вершины, а с правого ската высоты. Из-за дерева или столба тоже надо наблюдать, лежа с правой стороны ствола. Настоящий разведчик не наблюдает стоя, чтобы его не заметил противник. Каждый разведчик при наблюдении должен всегда осматривать сначала местность впереди себя до 200 метров, затем свой взгляд переносить далее, до 400 и до 800 метров. Обязательно осматривать наиболее подозрительные места (кусты, бугорки, пни, стога сена, отдельные деревья и т. п.): не скрывается ли там противник? Ступайте не всей ногой сразу, а сперва на каблук и затем осторожно ставьте всю ступню.



Звено в дозоре

Обычно, когда воинская часть двигается по дороге, она высылает вперед и в стороны дозоры. Если вы пойдете на прогулку с приятелями, разбейтесь на дозоры по одному бойцу и укажите каждому дозору, как ему двигаться. Например вы даете такую команду:

«Саша, двигайся по этой канаве на два отдельных дерева, располагайся около этих деревьев и следи до нашего подхода за опушкой леса: оттуда может показаться противник. А ты, Валя, двигайся от этого куста к стогу сена, а от него — к забору, оттуда веди наблюдение за окраиной деревни «Н», оттуда также может показаться противник. Я буду двигаться прямо по этой канаве до дороги, идущей в деревню «Н». Держите со мной связь».

Конечно, такой приказ надо отдавать, сообразуясь с условиями местности.

Двигаются дозорные в заданном им направлении. Расстояние дозора от отряда зависит от местности. В поле, на открытой местности, дозор удаляется метров на 200 — 300 для того, чтобы можно было легко связаться с отрядом. В лесу, где деревья и кусты, это расстояние сокращается до 50 — 100 метров. При движении и на месте разведчикам необходимо держать между собой связь. Для этого есть особые сигналы. Например сигнал «стой»—поднять и опустить руку несколько раз; «противник»— резко присесть на корточки или лечь; «назад» — вытянуть руку в нужном направлении; «вперед» — вытянуть руку в нужном направлении; «вправо» — правую руку вправо; «влево» — левую руку влево. Эти сигналы все разведчики должны хорошо знать. Проделайте несколько упражнений с этими сигналами.

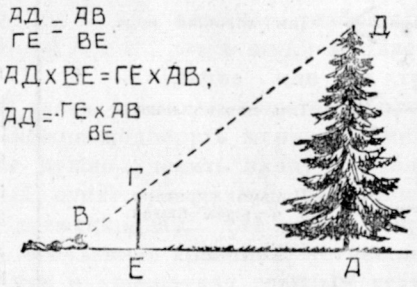
Если у вас во взводе целое звено, то вы можете выслать дозоры, как настоящая красноармейская часть. Дозор из двух бойцов высылается вперед — это головной дозор. Вправо и влево от отряда высылаются боковые дозоры, тоже состоящие из двух человек.

ОПРЕДЕЛИТЕ ВЫСОТУ ВАШЕГО ДОМА

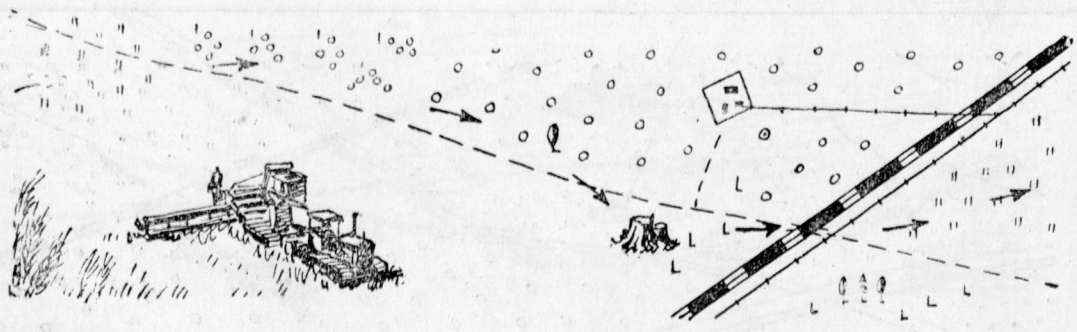
$$\frac{АД}{ГЕ} = \frac{АВ}{ВЕ}$$

$$АД \times ВЕ = ГЕ \times АВ;$$

$$АД = \frac{ГЕ \times АВ}{ВЕ}$$



Разведчику нужно уметь точно и быстро определять высоту. Представьте себе: вы ищете около огневой позиции место для НП — наблюдательного пункта. Перед вами высокое дерево. Вам надо узнать, какова его высота. Лезть на него и измерять—очень долго. Но есть очень простой способ. Пройдите от дерева **А** прямо шагов 15—30 до точки **Г**. Тут остановитесь и воткните палку метра в 1½—2. Затем продолжайте идти опять прямо до тех пор, пока ваш глаз у земли **В**, верхушка палки **Г** и верхушка дерева **Д** не будут на одной линии. Тут вбейте маленький колышек **В** или проведите линию. Дальше рассчитать высоту дерева очень просто. Надо расстояние от колышка до дерева **В А** помножить на высоту палки **Г Е** и разделить полученный результат на расстояние от колышка до палки **В Е**. Кто из вас изучал геометрию, знает, что это задача на подобие треугольников. Для тренировки попробуйте у себя во дворе измерить этим способом высоту вашего дома, деревьев и столбов около него.



Следопыты в городе

В городе летом для каждого, кто хочет наблюдать природу, интересного не меньше чем в поле, в лесу или на лугу. Птицы, насекомые, растения со всех сторон окружают вашу улицу, дом и даже комнату. Каждый любящий наблюдать может найти себе в июле интересное дело на своей улице, в своем доме.

КАКИЕ ПТИЦЫ ЖИВУТ ОКОЛО ВАС?

Несколько лет назад один московский натуралист нашел в одном из самых больших и шумных магазинов Москвы — в Гуме — гнездо серой мухоловки. Она выводила птенцов, выкармливая их мухами, которых ловила тут же, в магазине.

Мухоловка жила в Гуме несколько лет подряд, пока рабочие при ремонте не сломали ее гнезда и не застеклили дыру в крыше, куда она летала. Это не единственный случай, когда дикие птицы селятся в самых шумных местах города. Если вы осмотрите внимательно свой дом, то, наверное, найдете в нем и воробьев, и ласточек, и стрижей, и галок.

В июле очень многие птицы выводят и выкармливают птенцов. Это — самое интересное время для наблюдения. Найдите поблизости гнездо какой-нибудь птицы, замаскируйтесь и понаблюдайте, сколько раз птицы приносят корм птенцам и какой корм, где они его берут. Посидев полчаса у гнезда, вы поймете, какую пользу приносят птицы, окружающие вас, и как интересна их жизнь. В середине июля начнется обучение птенцов летанию и самостоятельному добыванию пищи. Понаблюдайте, какие птицы чаще всего держатся в местах, где много мух, комаров. А нет ли около вас еще каких-нибудь птиц, кроме воробьев, галок и ласточек?

ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ БЕРЕЗА НА КРЫШЕ?

Часто на старых деревянных крышах, в расщелинах старых кирпичных стен, на выступах замшелых камней растут молодые березки, липы, клены, одуванчики, крапива и другие растения. Откуда же они здесь взялись? Эту интересную загадку может разгадать каждый любитель природы в августе. В эти месяцы созревают семена многих растений. Соберите семена всех растений и внимательно их рассмотрите. Подумайте, как семена растений приспособлены к передвижению с места на место, тогда вы поймете, как очутилась береза на крыше. Одновременно вы можете собрать семена для своего живого уголка. Если вы будете в это время в поле, лесу или на лугу, соберите семена диких цветов и попробуйте их вырастить дома.

ВЫРАСТИТЕ РЕДИС НА ОКНЕ

Если у вас есть свободное солнечное окно, то попробуйте на нем устроить маленький огород. Сколотите во весь подоконник ящик и наполните его землей. Ближе к стеклу посадите несколько семечек огурца на расстоянии 10 сантиметров друг от друга (в один ряд). Затем за огурцами посейте рядами редис и салат (почаще). На противоположном от стекла конце ящика посадите несколько луковиц (срезав предварительно верхушки). Поливайте ваш огород каждый день утром нечастой лейкой. Через неделю ваш огород зазеленеет. Когда плети огурцов вырастут в 10—15 сантиметров, попробуйте заставить их виться по нитке вверх. Через 25—30 дней у вас созреют салат и редис. Зеленый лук будет готов через 10—15 дней. К концу июля зацветут огурцы. Попробуйте искусственно опылить их (перенести пыльцу с одного цветка на другой). В августе у вас вырастут огурцы. Зимой огород можно будет засадить цветами или же всю зиму выращивать свежие овощи.

КАКАЯ ЗАВТРА ПОГОДА?

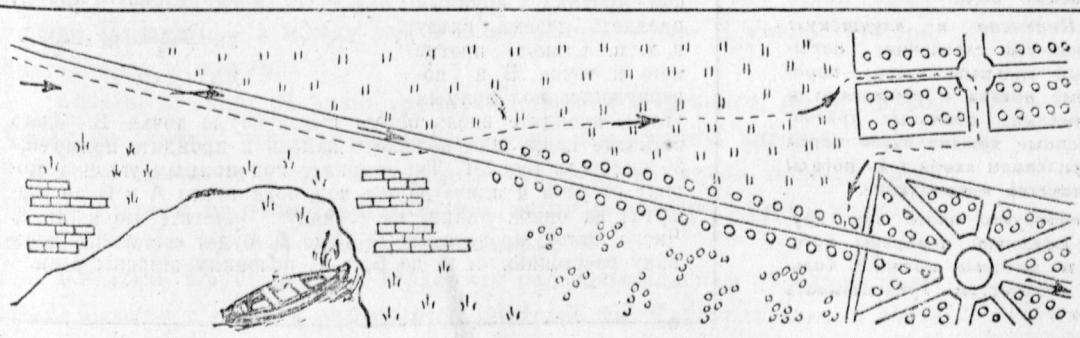
Научиться понимать признаки перемены погоды может каждый, внимательно наблюдая за окружающей природой.

Существует четыре группы таких признаков:

1. Признаки устойчивой хорошей погоды.
2. Признаки устойчивой плохой погоды.
3. Признаки перемены к «худшему».
4. Признаки перемены к «лучшему».

1. *Признаки устойчивой хорошей погоды:* высокое давление; несильный, стихающий к ночи ветер; безоблачное небо (или появляющиеся с утра и пропадающие к вечеру легкие кучевые облака); по ночам сильная роса; днем — жарко, ночью — прохладно.

2. *Признаки устойчивой плохой погоды:* низкое (понижающееся) давление; сильный ве-



Топографические знаки

Луг.

Песок.

Кочки.

Роща.

Срубленный лес.

Смешанный лес.

Кустарник.

Камыш.

Лиственный лес.

Дачный поселок.

Дом лесника.

Камни.

Хвойный лес.

Лесной питомник.

Непроходимое болото.

Проходимое болото.

Луг с кустами.

Курганы.

Ямы.

Парк.

Фруктовый сад.

Лесничество.

Станция железной дороги

Добыча глины.

Каменоломня.

Шоссе по насыпи.

Грунтовая дорога.

Тропа.

Проселок.

Железнодорожная двухколейка.

Электрифицированная железная дорога.

Провода телефона и телеграфа.

Мост деревянный.

Мост на судах или лодках

МТС.

Река.

Ручей.

Направление.

тер; быстро бегущие или часто меняющиеся облака весь день (при восходе и заходе солнца особенно); частый продолжительный дождь; температура умеренная и днем и ночью; воздух сырой.

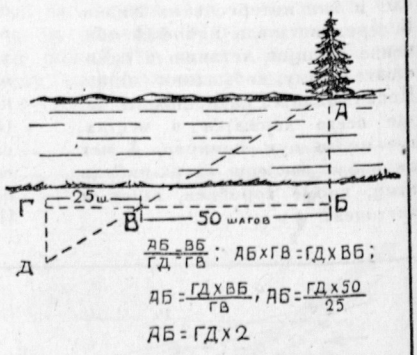
3. *Перемена к «худшему»:* быстрое понижение давления; ветер усиливается и меняет направление; увеличивается количество облаков, которые не исчезают к ночи; перистые облака быстро движутся; теплые безросные ночи.

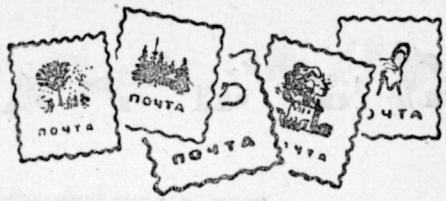
4. *Перемена к «лучшему»:* повышается давление; порывистый сильный ветер; переменные облака с разрывами и просветами; обильные кратковременные дожди; часто перед наступлением «хорошей» погоды чувствуется похолодание.

Попробуйте найти еще другие признаки перемены погоды, по которым можно с большей точностью предсказывать погоду.

ОПРЕДЕЛИТЕ ШИРИНУ РЕКИ

Представьте, что вас послали измерить ширину реки, через которую должна переправиться кавалерия. Ни лодки, ни плота у вас нет. Как же вам быстро это сделать? Есть простой способ. Заметьте на другом берегу реки какой-нибудь крупный предмет: дерево, скалу и т. п. Станьте против него в точке **Б** и, повернувшись под прямым углом, пройдите вдоль берега шагов 60 до точки **В**. Здесь воткните палку или положите камень и пройдите прямо еще 30 шагов до точки **Г**. Тут сверните под прямым углом в сторону от реки и идите до тех пор, пока точки **А** и **В** не окажутся на одной линии, не совпадут. Заметьте это место **Д**. Число шагов, пройденных от **Г** до **Д**, будет составлять половину расстояния от **А** до **Б**, т. е. половину ширины реки.





П О Ч Т А

Разговор о кашеварах

Письмо редактора

В «Почте» мы печатаем все время письма наших читателей. Мы получаем довольно много писем и отвечаем на каждое. Но есть такие вещи, о которых стоило бы поговорить не с каждым читателем в отдельности, а со всеми вместе. Несколько лет тому назад мы переписывались с читателями через журнал, потом перестали. За это время накопилось много мыслей, которыми хотелось бы с вами по-дружески поделиться.

Мы встречаемся с вами довольно часто: ребята приходят к нам в редакцию, мы бываем в школах, получаем письма, а ведь каждое письмо — это встреча, в которой знакомишься с живым человеком, с мальчиком или девочкой, — нашим читателем.

Эти встречи всегда приятны. Мы, конечно, не знаем каждого из вас, сотен тысяч читателей журнала, но знаем, что вы народ хороший, веселый, жизнерадостный, что вы любите свою родину и готовы, если будет нужно, отдать за нее свою жизнь. Многие из вас мечтают о героических подвигах и непрочь были бы очутиться на месте Папанина и его товарищей на дрейфующей льдине. Все это, конечно, очень хорошо.

Но если мне пришлось бы выбирать из вас будущих зимовщиков, исследователей, путешественников, я бы привел вас в лес или в поле, дал бы каждому спички, котелок, крупу и соль, предложил бы сварить кашу и судил бы по результатам. У кого получится вкусная, хорошая каша, тех бы отбирал для полюса и его окрестностей, остальных — домой, учиться кашу варить, потому что мечтателей среди вас много, а умеющих варить хорошую кашу маловато. Мальчиков таких почти совсем в природе не бывает, да и девочек немного.

— А зачем нам, собственно говоря, варить кашу, если у нас есть мама? — возразите вы.

— У меня тоже есть мама, — мог бы ответить на это Иван Дмитриевич Папанин, — а между тем я кашу варить умею. И уменье это мне пригодилось в жизни.

Кстати, о каше. Я знаю группу мальчиков и девочек, фамилии которых не назову, чтобы не срамить их на всю страну, которые варили в походе пшенную кашу следующим образом: насыпáли полный котел пшена, ставили на огонь, а потом уже, минут через пятнадцать, наливали воды. И такие на свете бывают кашевары!

Писатели Паустовский и Фраерман рассказывали нам об одном мальчике, бывшем с ними в экспедиции, который, увидев бурлившую в котле

воду, с удивлением спросил, что делается с водой. Он никогда не видел, как кипит вода.

Такой парень, конечно, — редчайшее исключение. Но мало ли у нас ребят, которые не умеют сварить щи, разложить костер, заштопать чулок, а есть такие, которые хвастаются этим неуменьем. Щи варить, чулки штопать, пуговицы пришивать, белье стирать — бабье дело, по их мнению. Поедет такой «герой» в лагерь, где мамы близко нет, порвет рубашку и так и ходит в рваной. Во многих лагерях белье стирают прачки, и многие ребята искренно вылупили бы глаза, если бы им предложили самим постирать свои трусики. Привыкли к нянькам наши ребята.

Но что говорить о варке щей и стирке белья! Я знаю такой случай. В одном из подмосковных лагерей к приезду ребят не успели подготовить волейбольную площадку. Целую неделю ребята не играли в волейбол потому, что никто из них не хотел или не умел поставить столбы для сетки. Пока сторож не поставил столбов, в лагере не было волейбола. Устроили площадку, ребята поиграли несколько дней; лопнула камера. Пять дней ребята не играли в волейбол, пока начальник лагеря не починил мяч. Будь я на месте этого начальника, ни за что не стал бы чинить.

У нас очень много заботятся о ребятах. Ни в одной стране не заботятся так о молодом поколении, как у нас. Страна, как мать, заботится о своих детях. Но неужели вы ответите на эту материнскую заботу тем, что будете расти белоручками и неженками? В семьях бывает так: мать все силы отдает ребенку, а сын или дочка любит мать, но лень им за водой сходить или пуговицу себе пришить. А по-настоящему не стоило бы затруднять мать такими делами, которые можешь сделать сам. Ответить на материнскую заботу страны вы можете, учась быть самостоятельными, не белоручками, не неженками. Вам придется стать на защиту своей родины, а белоручки и неженки не годятся для серьезных боев, для этого нужны люди не только отважные, но умелые, готовые на любую работу.

Теперь лето — времени и места, чтобы проявить свою самостоятельность, у вас сколько угодно. Не ждите, пока старшие придут и будут вас выводить за ручку на прогулки, на экскурсии. Если нужен совет взрослого, придите к нему за советом, а там — рюкзак за плечи или лопату в руки, отправляйтесь в походы и экскурсии, стройте, мастерите, сами себе устраивайте спортивные площадки, сами устраивайте во дворе или в лагере физкультурные состязания. В любом дворе можно построить пионерскую хижину, не хуже той, которую строил Робинзон на необитаемом острове. Только оглянитесь — и вы увидите огромное количество дел, в которых можете проявить свою самостоятельность, закалить себя, приучить к невзгодам. Все это к тому же очень интересно проделывать. И не забудьте научиться варить кашу.

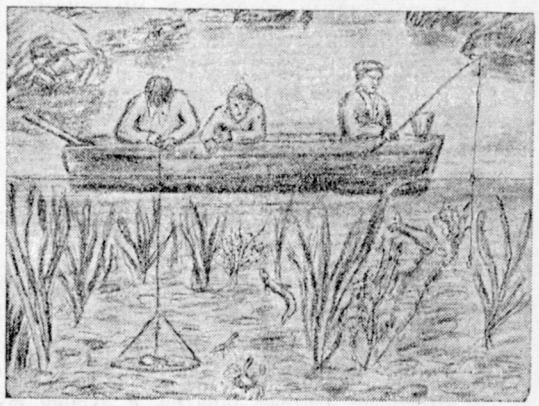
Б. Ивантер

ЧИЛИМЫ

Письмо Бори Акулова, Свердловск

Я хочу рассказать ребятам одну историю, которая случилась со мной, когда я жил на Дальнем Востоке, в поселке Славянка, расположенном на западном побережье Амурского залива, в бухте Тулану.

Ранним утром я и мои товарищи Женя и Воля пошли ловить чилимов [1]. Погода стояла тихая, над морем был легкий туман. Лодка лежала на песке. Мы стащили ее в воду, положили сетку, натянутую на обруч, удочку и отплыли. В лодке лежали три узкие доски, которыми мы стали грести, веревка с привязанным камнем—якорем—и ведро. Проехав метров двести, мы бросили якорь. Вода была спокойная и очень прозрачная. На дне полз краб, шмыгали пестрые рыбки, степенно плыл светлозеленый чилим, раздвигая водоросли. Мы опустили сетки на дно. Женя закинул удочку. Степенный чилим первый почуял приманку — маленькую рыбу иваси и залез в сетку. Постепенно сетка наполнялась чилимами, которые приплывали неизвестно откуда. Я медленно поднял сетку на поверхность и увидел трепещущую добычу. Волька складывал чилимов в ведро.

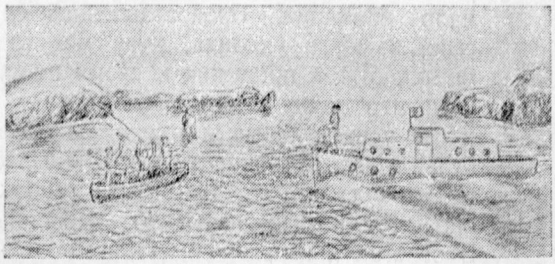


Мы опустили сетку на дно.

Я предложил ребятам лечь на дно лодки и погреться на солнышке. Чилимы и рыба уже не ловились, а ехать на берег не хотелось. Мы втащили сетку в лодку и легли на дно лодки. Пролежав так минуты три, Воля привстал, чтобы улечься поудобнее, и вдруг крикнул, что нашу лодку несет от берега в море. Веревка якоря была гнилая, она разорвалась, а все крепчавший ветер отнес нас на полкилометра от берега.

Папа рассказывал мне о жестоких штормах на море, когда десятки неуклюжих шаланд и кунгасов [2] разбиваются об утесы и гибнут. По Японскому морю часто проносятся большие тайфуны, которые топят даже большие пароходы. Мы думали, что нам придется плохо, но тут я вспомнил, что за мыском, который был от нас недалеко, есть рыбалка. Я сказал об этом ребятам и привязал на доску свою белую рубаху.

Когда из-за мыса показались строения и кунгасы, я стал махать палкой. Нас заметили и от берега отчалил катер, запыхтевший к нашей лодке. Катер подошел к нам. Молодой рыбак прыгнул в нашу лодку. Мы рассказали ему все, что с нами произошло. Рыбак прицепил веревку к носу лодки, прыгнул на катер, и наша лодка закачалась на волнах.



От берега отчалил катер.

[1] Чилимы — дальневосточное название креветок.

[2] Шаланды и кунгасы — большие гупоносые лодки.

Письмо Стюры Медведевой, Красноярский край

Курганы

За нашим селом, у подножья горы Средней, много курганов. На невысоких холмах стоят камни-памятники. Это могилы какого-то древнего племени. Раскапывать курганы запрещается. Но с горы весной текут ручьи, они размывают глинистую почву, и тогда видны гробницы. В могилах лежат различные вещи, погребенные вместе с умершим. Если похоронен мужчина, то вместе с ним положены его любимые вещи (топор, кинжал и т. д.). Один раз в могиле, размытой водой, рядом со скелетом человека нашли скелет лошади. Очевидно, это был любимый конь умершего.

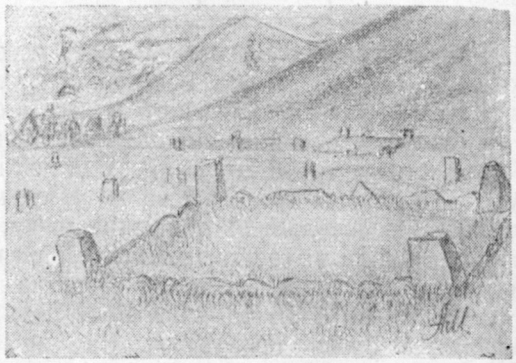
В женских могилах лежат украшения (кольца, браслеты, бусы).

Женщину в то время, видно, считали рабой мужчины. Над могилой мужчины насыпан высокий холм, вокруг холма стоят четыре больших камня. Между камнями торчат врытые в землю железные плиты.

Над могилой женщины насыпан маленький холмик и стоит одинокий камень.

Крестьяне часто находят в могилах старинные орудия сельского хозяйства и посуду. Однажды и мне попалась находка. Я не могу вспомнить точно, когда это было, но только помню, что в то время у нас начинали организовываться колхозы.

Было лето. Стояла сильная июльская жара. Время было горячее — сенокос. Все старшие нашей семьи были заняты работой на поле и на меня обращали мало внимания. Предоставленная сама себе, я могла уходить, куда мне вздумается. Я так привыкла к своим прогулкам, что даже в ненастную погоду не могла усидеть дома и уходила куда-нибудь: в лес, за реку, на гору. Чаще всего уходила к горе. Там были глубокие овраги, у нас их называют «вымоины». В оврагах я играла, спрятавшись от невыносимого зноя. Мне понравилась одна глубокая вымоина. Края ее заросли медвежником. Густые ветви тесно переплелись и образовали живую крышу. На дне этой вымоины я построила шалашик, чтобы прятаться во время дождя. Большой камень служил мне столом, а ворох сухой травы — кроватью, где я спала днем. Увидев однажды в своем шалаше змею, я ее убила, но больше спать там не решалась.



Могила мужчины.

Около шалаша я устроила «огород» из двух грядочек, на которых посадила рассаду цветов — астр — и два кустика помидоров.

Каждый день, рано утром, я уходила к своей «усадьбе», захватив с собой пищу на день и ведерко воды для того, чтобы полить огород. Так прошло несколько времени. «Огород» мой плохо развивался, потому что не хватало солнечного света для растений. Пришлось срубить несколько самых густых кустов над ямой. «Огород» поправился, цветы стали расцветать. Но зато моя «усадьба» стала видна с дороги: оставшиеся кусты плохо маскировали яму.

Однажды утром я пришла и увидела свою «усадьбу» разрушенной... «Огород» мой растоптали, шалаш раскидали, на столе лежали три дохлых суслика и две змеи. Это мальчишки, заметив, что я часто прихожу сюда, и воспользовавшись моим отсутствием, все разрушили. Я так привыкла к своей хижине, что

Моя находка.

решила ее снова построить. Пришлось переделывать все сызнова. На постройку нового «дома» я принесла из деревни досок и кольев. Мой новый «дом» получился лучше и удобнее прежнего. Оставалось только расчистить площадку для нового огорода.

Я стала копать землю. Вдруг лопата стукнулась о что-то твердое. Я сильно устала, но любопытство взяло верх. Я разгребла землю и увидела широкую длинную плиту. Ее можно было приспособить для дома, сделав из нее пол в шалаше. Я стала тихонько приподнимать плиту. Под плитой была яма. На дне ямы была сложенная из камней гробница длиною в два метра. Скелет человека, лежавший в гробнице, был засыпан землей. Я никак не могла понять, как попала в гробницу земля. Ведь сверху лежала плита. Очевидно, когда человека закапывали в гробницу, его нарочно засыпали землей. У ног скелета стоял бронзовый сосуд, имевший вид высокого горшка. Я боялась открыть его, потому что представляла себе, что в нем находится что-то страшное. Но потом я все же решилась заглянуть в него. Там лежали какие-то блестящие предметы. Я принялась их рассматривать, вынимая по одному. Здесь были и браслеты, и сережки, и кольца. Особенно мне понравились разноцветные бусы, выточенные нето из камня, нето из стекла. Они были очень хрупкие. Нитка, на которую они были нанизаны, истлела, и бусы рассыпались по горшку, я их собрала, нанизала на новую, крепкую нитку и спрятала под стол в шалаше. Бусы были такие красивые, что я ни за что не согласилась бы расстаться с ними.

На другой день я сказала о находке старшему брату. Он пошел, посмотрел и сообщил в город Минусинск по телефону. В тот же день приехали на легковом автомобиле какие-то два человека, забрали скелет и горшочек. Они долго были в моей вымоине, что-то вымеривали и записывали. Потом поехали к нам. Мама угощала их чаем. Приезжие подарили мне банку конфет и несколько интересных книжечек.

К вечеру они уехали. Не знаю, где сейчас находятся найденные мною сокровища, наверно, в каком-нибудь музее.

Бусы я долго бережно хранила, но недавно случайно раздавила их.

На том месте, где были вымоины, теперь образовался огромный овраг, его называют «крученый лог», потому что он очень крутой и глубокий. Весенние ручьи размывают его, и овраг становится все больше и больше.

Наш радиоузел

Письмо Бори Жебракова, Москва

Как-то вечером я составлял из маленьких высокоомных катушечек трансформатор.

Взял два наушника и начал отвертывать от них крышечки, потом подумая: «А что если сделать из этих катушек индукционный микрофон?» Но, поразмыслив как следует, пришел к выводу, что наушники или репродуктор и так являются своего рода микрофонами и что в них от звука возникают токи высокой частоты. Ну, а раз так, решил я, тогда почему не попробовать включить наушник в розетку для адаптера четырехлампового приемника? Я это сделал.

Результаты поразили меня: когда я неуверенно кашлянул в наушник, репродуктор так рявкнул, что я испугался.

Потом я обрадовался и сейчас же, не теряя времени, позвал ребят со двора, пообещав показать им нечто интересное. Ребята не заставили себя долго ждать и пришли к нам. Я включил приемник на короткие волны, пошел в другую комнату, куда я заранее провел провода с наушником.

Закрыв дверь, я взял наушник в руки и негромко сказал:

— Внимание! Говорит радиоузел дома 48, слушайте литературную передачу.

Стихотворение Бори Жебракова «Весна на родине»:

«...Солнышко нежно лучами ласкает
Землю сырую и крыши домов.
Яркими искрами капли сверкают,
Падая, звонкую песнь напевают...»

Потом я прочел стихотворения «Чудесный рейс», «Лес у границы» и другие, а затем открыл дверь и пришел к ребятам. Они, вытаращив глаза, смотрели на меня, ничего не понимая. Я об'яснил им все, и мы устроили настоящий концерт с музыкальными номерами и долго веселились.

УРЮК

Стихотворение Володи Тютикова, Ташкент

Набухли на урюке почки.
Денек, другой — урюк расцвел,
И вот красивые цветочки
Покрыли многолетний ствол!

К себе он манит пчел шумливых,
Жужжащих и всегда трудолюбивых,
И лишь вечернею порой
Смолкает их усталый рой.

Но вот прошла пора цветенья,
Не слышно больше пчел гуденья,
Не нужно больше их хлопот.
Цветы красивые завяли,
С них лепестки уже опали,
И вместо них уж зреет плод!

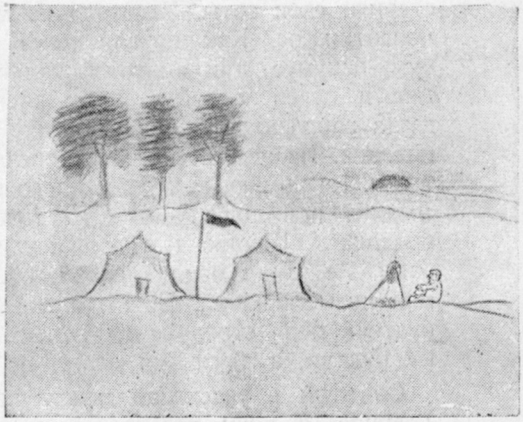
СЛУЧАЙ НА РЕКЕ

Письмо Вити Талаева, Москва

Летом я жил в селе Ракетине. Там была пионерская организация и я очень подружился с ребятами. Особенно хорошее и дружное было звено имени Горького. Ребята любили гулять всем звеном.

В выходной день они собрались на реку. Готовиться к этой поездке ребята начали за 6 дней.

Миша и Коля Алексеевы взялись чинить «флот», который состоял из 4 лодок. Они починили сиденья, законопатили щели и устроили ящик для продуктов. Клава Калашникова и Нюша Петрова взялись заведывать хозяйством. Они приготовили все продукты. Остальные ребята тоже не остались без дела.



Ребята разбили палатки.

Ранним утром звено выехало на лодках. Впереди, на «адмиральском корабле», так в шутку называли ребята переднюю лодку, было погружено хозяйство звена. Управлял лодкой Вова Спирин.

Скоро по берегам потянулись леса; ребята вылезли на берег, вытащили лодки и разбили палатки на опушке леса.

Несколько ребят, захватив удочки, отправилось удить рыбу. Вова Попов пошел гулять по берегу. Остальные ребята разбрелись кто куда. А Коля Алексеев тайком взял лодку и поплыл по реке. Он слышал, что дальше по течению реки есть пороги.

Когда он подплыл к устью реки, его повлекло течением к порогам Алексеев плавать не умел и испугался. А лодку все несло и несло. Вова Попов шел в это время по берегу. Вдруг он услышал крики Миши. Он побежал по берегу и увидел, что лодку быстро несет к порогам. Вдруг раздался грохот, лодка разбилась. Вова бросился в воду, с трудом вытащил Колю на берег и привел его в чувство. Обломки лодки бились о камни. К вечеру ребята добрались до лагеря, там уж волновались, что их долго нет.

Рано утром лагерь снова ожил. Ребята встали, позавтракали, разместились на 3 лодках и тронулись в обратный путь.

ПОЧТА

Летнее приключение

Письмо Вовы Спиридонова, Москва

Каждый год на каникулах со мной были приключения. 7 лет я учусь в школе — не меньше 7 приключений было со мной на каникулах. В деревне я бываю каждое лето.

Один раз ко мне, пятикласснику, в речке присосались две пиявки. Пока не напились моей кровушки, и снять-то их трудно было... Пришлось с ними бежать до дому.

Другой раз я полез в лесу на дерево (оно верхушкой чуть в облака не упиралось); я хотел достать сорочьих яиц, потому что тетя Ксения мне говорила: кто с'ест яйцо сороки, тот приобретет такую память, что всякая задача запом-

нится навек. А мне это нужно: по математике я отставал...

На верхушке мне трудно пришлось (отчего трудно, потом скажу), я даже закричал:

— Спасите меня!

А что было со мной, передать невозможно. Я попал рукой вместо сорочьего гнезда в осиное гнездо... Никогда не думал, чтобы осы на такой вышине мастерили свои соты. Налетело на меня с полсотни ос. Как начали меня учить «уму-разуму», так я от их жал в один миг и ослеп и оглох. Губы распухли, глаза заволокло, а из ушей даже кровь потекла. На землю с дерева просто скатился. Не помню, как добежал до речки, нырнул под воду... Дома на меня набросились «Шарик» и «Герой», наши собаки. Не узнал меня «Герой», разорвал мне новые брюки... Ночью я видел сон, будто в меня стреляют из пулемета, но не пулями, а тысячами ос...

Об этом я рассказал между прочим. Главное, я хочу рассказать о «белых саванах». Мы пошли в поле за цветами. Подошли ко ржи... Рожь выше нас ростом. По бокам ржи цветы... Здесь както каждая травка имеет такой сильный, свой, непохожий на другие запах, что прямо голова кружится... Хорошее у нас поле!..

Мы набрали цветов и душистой травы. Пошли к лесу, вдруг в шагах пятидесяти от нас идет человек, покрытый белой простыней, с поднятой рукой. Днем да в компании (нас было 6 мальчиков) чего бояться? Однако мы струсили... Человек преградил нам дорогу к лесу. А во ржи встала другая фигура, тоже закутанная в белое покрывало.

Мы побежали к соседней деревне.

— Давай, ребята, спрячемся среди колосьев, будь, что будет!—предложил нам Паша Лукин.

— А они догонят нас.

— Не догонят! — убеждал на бегу Паша.

Мы прилегли... Выглянули! Видим: во ржи снова стоит белая фигура. Мы вскочили и побежали дальше. Прибежали в чужую деревню, сели отдохнуть у плетня. Потом зашли в один двор воды попросить... Выходит к нам старушка.

— Бабушка! — просим мы.— Дай воды испить!

— А вы откуда?— спрашивает она.

Мы назвали свою деревню. Тут же не вытерпели и рассказали ей о людях, которые напугали нас в поле.

— Опять!— проговорила старуха.

— Что «опять»? — моргая глазами, задал вопрос Ларька Косой...

— Молоды вы — об'яснять вам... Ну, ладно уж, об'ясню... Вы не пугайтесь особенно. Это двое наших парней. Они хулиганят, нарочно людей пугают. К вашей-то деревне они не подходят.

Интересно: какие приключения ожидают меня этим летом?

От редакции

Вова Спиридонов и его товарищи просто струсили. А пугаться им было нечего. Дело было днем, ребят было много, да и чем же страшен бездельник, который завернулся в простыню?

Редакция советует ребятам: в другой раз, когда у них будут приключения, вести себя посмелее.

Неумирающие актеры

Ал. Гюль-Назаров

„По щучьему веленью"

Царевну зовут Несмеяна: она никогда не смеется, только плачет. Живет она в роскошном дворце, всего у нее вдоволь, а ей все скучно. Она глупая и капризная.

Гуся жареного царевна не ест:

— Ой, боюсь укусит! Боюсь, боюсь!..

Пирожков она требует с лягушками, а мороженое, чтобы было... черное — из дегтя!..

— Да, да, да — из дегтя!..—кричит царевна на мамку, топает ножками, машет ручками и плачет-разливается.

У царевны слезы брызжут фонтаном, бьют из глаз настоящими струйками и в лучах электричества, освещающего сцену кукольного театра, искрятся и горят, как бриллиантики.

Царевнины слезки брызжут прямо в публику и попадают на зрителей, сидящих в первых рядах. Царевна кричит и безутешно плачет. От ее рыданий стали торчком и трясутся две косички у нее на затылке.

Золотое ведро до верху, а серебряное наполовину наполняет царевна своими слезами...

Приходят женихи. Разодетые, важные. Жених — принц с мандолиной, жених — фокусник с обезьянкой, жених — индус с попугаем. За того, кто рассмешит царевну, царь выдаст ее замуж и даст еще полцарства впридачу.

Женихи стараются, да где там! Топает царевна ножками и кричит:

— Не хочу, не хочу, не хочу... Скучно, скучно, скучно!..

Да тут еще попугай говорит царю:

— Дур-рак, дур-рак!..

Женихов гонят с глаз долой. Царевна снова плачет:

— Скучно, скучно, скучно!..

А в деревне живет очень бедный мужик, Емеля-дурак.

Идет Емеля с ведрами за водой. Делает топориком на речке прорубь. Брызжет настоящая вода, и ее лакает прямо из проруби и радостно лает емелин песик.

Наполняет Емеля ведро водой. Ой, что-то тяжелое... Батюшки, щука попалась!..

— Отпусти меня, Емелюшка! — молит щука человечьим голосом.

Отпускает Емеля щуку, но в обмен за свою свободу она открывает ему «заветное слово».

— По щучьему веленью, по моему прошенью,— говорит Емеля,— идите ведра домой сами.

У ведер вдруг вырастают ножки, и, к великому восторгу зрительного зала, они бегут прямо в избу...

Но что ведра! Снова произносит Емеля щучьи слова — и с воем, со свистом — страшно делается!.. — проносятся сани — сами, без лошадей.

Сани мчат Емелю в лес.

— По щучьему веленью, по моему прошенью, — рубитесь дрова сами!

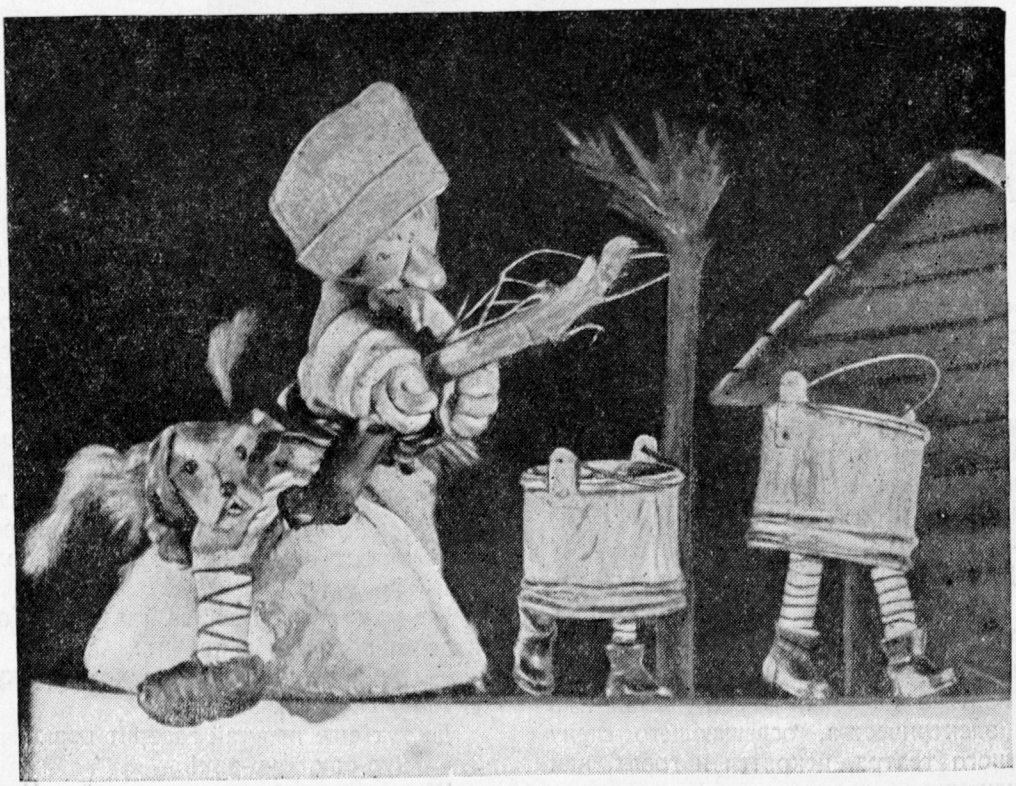
Вот так чудеса: сами собой рубятся деревья, дрова сами складываются в сани. Диву даются не только зрители, но и лесные звери: мишка, лиса и заяц, — сдружившиеся с Емелей.

Кукольные чудеса

Только на сцене театра кукол и можно показать такие чудеса: театру живых актеров они не по силам.

Описанный нами спектакль, сделанный Центральным театром кукол под руководством С. В. Образцова из народной сказки, особенно подходит для этой цели. Чего только нельзя придумать такого, что «по щучьему веленью, по моему прошенью» не могло бы исполниться!.. На сосне вырастают розы, зима мгновенно сменяется летом, печка вырывается из избы и дымя мчит Емелю в царский дворец (где ему удается рассмешить царевну и увезти ее с собой под носом у царя), пускается в пляс войско, пришедшее взять Емелю силой, дубинка сама бьет и царя-обманщика и мамку, среди лесной поляны вырастает целый дворец, скатерть-самобранка зовет всех на роскошный пир...

Только «по щучьему веленью» и можно «оживить», заставить говорить, бегать,



Ведра сами идут домой.

танцовать, выбрасывать фонтаны слез, проделывать всевозможные диковинные вещи деревянных актеров, изображающих и людей, и зверей, и вещи, потому что в театре кукол могут «жить», разговаривать и двигаться даже вещи. Пузатый комод может вспоминать о прошлом, а трюмо рассказывать о тех людях, которых оно когда-то отражало... В театре кукол сказка становится «взаправдашней», как говорят дети. В этом его привлекательная особенность. «Щучье веленье» исполняют в театре кукол, конечно, люди, живые актеры, но они так искусно говорят за них и так прячутся, что зритель видит и слышит только кукол. Аплодируют всегда только куклам...

Куклы на сцене до того становятся похожими на маленьких живых людей, что в старину нередки были случаи, когда темные крестьяне, часто подбиваемые попами, уничтожали театры кукол и избивали кукольников за то, что они «возятся с нечистой силой». Не раз кукольники появлялись и перед судом по обвинению в колдовстве... В Китае кое-где и до сих пор боятся и не любят деревянных кукол, предпочитая им игру прозрачных цветных теней на экране.

Театр кукол всегда очень любили и много писали о нем и для него многие великие писатели: Гете, Стендаль, Достоевский. Герцен и Лермонтов увлекались им в детстве.

У Сервантеса в его «Дон-Кихоте» спектаклю театра кукол посвящена целая глава. В ней рассказывается, как дон-Кихот так увлекся игрой, что принял кукольных мавров, преследовавших красавицу Мелисендру, за настоящих и обрушился всей силой своего тяжелого меча на ни в чем неповинных маленьких деревянных актеров...

Немного истории

«Как нельзя найти творца первой песни, так нельзя определить создателя первой марионетки», — сказал какой-то ученый, пытавшийся узнать, когда впервые зародился театр кукол.

Произошло это, повидимому, в очень глубокой древности. Люди поклонялись тогда «богам» — идолам, грубо вырезанным из дерева и ярко раскрашенным. Люди трепетали перед ними, приносили им жертвы. Идолов обслуживали жрецы, жадные, хитрые. Чтобы укрепить веру народа в своих «богов», они стали придумывать разные фокусы, имевшие целью поразить воображение верующих. Идолы начали открывать и закрывать глаза, кивать головами, отвечая на вопросы жреца. Поднимали руки, благословляя молящихся или изгоняя нечестивцев из храма. «Тайна» жрецов была очень несложной: глаза, голова и руки богов делались на петлях и пружинках и приходили в движение, как только жрецы дергали за нужную веревочку. Царевна Несмеяна, плачущая горькими слезами на сцене Центрального театра кукол в 1938 году в Москве, может быть, и не знает, что точно так же «плакали» когда-то и изваяния древнего Египта и «богородицы» христианских времен... Только тогда жрецы и священники просто наливали воду в металлические трубочки, подведенные к глазам «богов», а из глазок Несмеяны выбрасывает «слезы» резиновая груша, спрятанная в складках ее платья...

Римская бронзовая марионетка.

Позднее, когда народ перестал верить фокусам жрецов, они устроили настоящий театр кукол, в котором идолы исполняли роль актеров, разыгрывая пьески религиозного содержания — «мистерии», или «таинства».

Не так давно при раскопках в Египте нашли такой театр, по словам ученых, существовавший в XVI веке до новой эры, то есть 3400 лет назад. Возможно, что это был самый первый театр на земле.

Главные роли в нем играли «богиня» Изида и ее супруг «бог добра» Озирис. Брат и враг Озириса — Сет — приносил роскошный, выложенный драгоценными камнями ящик и обещал подарить его тому, кому он придется по росту. Ящик приходился по росту Озирису (для него-то он и был приготовлен). Сет запирал брата в ящик и выбрасывал его в Нил. Изида, воздевая руки, оплакивала Озириса. Появлялся «бог отец» Ра и «воскрешал» его.

Прошли тысячелетия, и спектакль с таким же точно содержанием повторился на сцене театра кукол — «вертепа» — и в христианские времена. Кукольная «дева Мария» так же оплакивала распятого Христа, как Изида Озириса, и так же «воскрешал» его «бог-отец»... Такой религиозный «театр мистерий» существует кое-где в Европе и до сих пор.

Вот как случилось, что идолы стали сна-

чала актерами «театра мистерий», а из этого театра ушли в уличный кукольный театр, жестоко высмеивавший и религию и жрецов.

Человек с дубинкой

Главным героем театра кукол почти во всех странах мира стал некрасивый, длинноносый, с горбами на груди и на спине человек с дубинкой, которой он постоянно кого-нибудь колотит.

Впервые этот человечек появился 300 лет назад, в театре кукол в Индии. Человек с дубинкой тогда назывался Видушакой — насмешником. Он издевался над жрецами, их жадностью, обжорством, любовью к деньгам и вину, раскрывал их обманы. Когда жрецы его преследовали, Видушака прятался в мешок кукольника и исчезал в толпе. Народ никогда не выдавал своего героя.

В котомке кукольника Видушака прошел по всему миру, и в какую бы страну он ни попал, он оставался там навсегда, меняя только свое имя.

Наиболее известным стало то имя, которое он приобрел в Италии. За пискливый голос его назвали там Петушком — Пульчинеллой. Во Франции он стал Полишинелем, а в Англии — Панчем. Может быть, от того же Петушка получил свое имя и наш Петрушка.

В Россию Петрушку занесли в начале XVII века немецкие скоморохи. В их театре героем был Ганс Вурст — Ганс Колбаса, страшный обжора, из-за колбасы готовый пойти на адские муки. Петрушка поесть любит, но он не обжора. Он больше дурачится и «работает» своей дубинкой. Дубасит «доктора-лекаря, из под Каменного моста аптекаря», попа, квартального, полицейского. Он боится только чорта, который появляется ввиде черного, лохматого пса и, схватив за нос, утаскивает Петрушку в ад.

Пьески, которые разыгрывают Петрушка и английский Панч, довольно схожи. Только Панч не поддается и чорту. Когда один из кукольников позволил чорту унести Панча, зрители забросали его грязью...

Театр кукол в Европе, особенно во Франции, Италии и Англии, обычно вмешивался в политику, в общественную жизнь, в литературу.

В Париже Полишинель пользовался таким успехом, что ему завидовали живые актеры: у них никогда не бывало стольких зрителей... Однажды французский королевский театр даже судился с Полишинелем,

Полишинель.

требуя, чтобы он убрался с той площади, на которой оба они давали свои спектакли. Дело выиграл Полишинель: он остался и еще язвительней высмеивал своего соперника...

Театр кукол всегда был театром народа, всегда был вместе с народом, близко к сердцу принимал его бедствия. Вот почему театр кукол часто преследовали, даже изгоняли из некоторых стран, но он вскоре появлялся снова. В Италии он восставал против попов, сжигавших на кострах великих ученых. Во Франции он участвовал на стороне народа во всех революциях. В Англии высмеивал правительство и политических деятелей. Издеваясь над аристократами, в день излюбленных ими скачек он устраивал... скачки ослов.

В России больше всего от него доставалось полиции.

Чудеса кукольного театра

Куклы на нитках — это первые актеры театра кукол. В древности куклы двигались, когда дергали за веревочку, связывавшую их сочленения. В древней Венеции таких движущих головками и ручками кукол носили в религиозных процессиях в «день Марии», в память освобождения 12 невест, похищенных пиратами. От этих «Марий» деревянные актеры и стали называться марионетками.

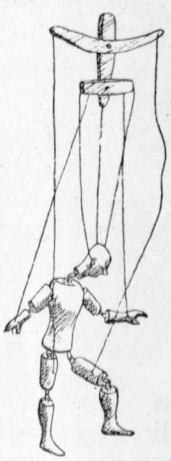
Устройство марионеток осталось в общем таким же, каким оно было в древности. Только с течением времени их стали изящ-

нее вырезывать, раскрашивать и одевать в роскошные, золотом и серебром расшитые платья. Все части их тела сделаны отдельно и скреплены колечками.

Спрятавшись над сценой так, чтобы его не видели зрители, кукольник выводит своих актеров на нитях, сливающихся с фоном темных, простых декораций и почти незаметных. Нити идут к сочленениям куклы, ее рукам и ногам, голове и ушам, от двух крестообразно сбитых планок в руках у кукольника. Искусно колебля «коромыслице», прикрепленное к концу длинной планки, кукольник заставляет своего актера кланяться, бегать, садиться, вставать, проделывать тысячи самых разнообразных движений. Особенно хорошо марионетки танцуют.

Позднее кукольники изобрели другой способ управления своими актерами, более простой и удобный, особенно для тех из них, кто бродил по ярмаркам с шарманкой и мешком с куклами.

Для куклы делаются из дерева только голова и кисти рук, иногда и ноги. Туловища нет. Его заменяет платье куклы, сшитое ввиде перчатки с тремя пальцами. Кукольник надевает это платье себе на руку так, чтобы его указательный палец был в середине и служил шеей, на которую насаживается голова куклы. Большой и средний пальцы кукольника заменяют кукле руки. Спрятавшись за ширму, кукольник выставляет своих актеров из-за ее края и, ловко двигая кистью руки и пальцами, заставляет кукол тоже двигаться. Встарину русские скоморохи делали свой «театр» из женской юбки, в подол которой они вшивали обруч. Надев эту юбку на себя, они вывертывали и поднимали ее так, что оказывались как бы в мешке, открытом сверху. Скрытые от зрителей, они выводили своих кукол на край обруча, который заменял рампу театра. Такими зарисовал наших кукольников в 1636 году секретарь голштинского посольства Адам Олеарий.



Неодетая кукла на нитках.

Обруч в подоле юбки теперь «механизирован». В нашем театре кукол, у которого есть своя настоящая сцена, он проходит по краю цилиндрической ширмы (колодца), за которой прячутся кукольники. Обруч вращается и выносит к рампе нужные декорации. От зрителей он скрывает «пол» сцены, которого на самом деле нет. Все, что за обручем, воспринимается воображением: река, проезжая дорога, поле. Если мчатся автомобили, они мчатся по краю обруча (вернее, их везет сам обруч). Если вырастают деревья, то тоже на краю обруча. Через него же перекидывают свои ножки и кукольные актеры, садясь «отдыхать»...

Вот так кукольник надевает платье куклы себе на руку.

Управляя движениями своих актеров, кукольник в то же время и говорит за них, меняя голос. Чем искуснее он это делает, тем сильнее впечатление. Особенно сильно оно в тот момент, когда безжизненная кукла из дерева и тряпок, только что вытащенная из ящика и небрежно брошенная на обруч-рампу, вдруг начинает шевелиться, дрыгать ногами, говорить. В эти минуты деревянные фигурки кажутся зачарованными, сказочными...

Петрушка наших дней

Петрушку не раз «хоронили». «В лице Петрушки умирает в России очень старый и очень знатный иностранец,— писали о нем сорок лет назад в одной серьезной книжке о театре кукол.— В его жизни была слава, был блеск, но он уже сыграл свою роль...»

Но деревянные актеры не умирают. Жив и Петрушка, хотя ему больше 3 тысяч лет. Он очень стар, но еще бодр и силен, и сейчас у нас он несет большую и ответственную работу. «Пыльный и скрипучий театр базара» позади, он не для нашего Петрушки. Мы

Петрушка.

Русские кукольники. С гравюры Адама Олеария.

живем теперь в стране, которая сбросила царей, помещиков, попов и генералов; в пьеске «Большой Иван» Петрушка увлекательно рассказывает, как это случилось. У нас нет теперь «королевских» или «императорских» театров. Все театры принадлежат народу, а Петрушка у нас целиком отдает себя детям.

У Петрушки свой большой театр, и не один, а несколько. Когда он выезжает, ему подают чудесную машину, у которой одна стенка откидывается и открывает сцену, и на ней появляются и «Каштанка», и «Кот в сапогах», и «Гусенок», и «Пузан», и другие любимые герои детских сказок.

И как всегда, радостно и шумно встречают и малые и большие зрители громадный нос Петрушки, появляющийся из-за кулис...

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ НАУК
БИОЛОГИЧЕСКИХ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ,
ГЕОЛОГИЧЕСКИХ, ТЕХНИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ

АРХЕОЛОГИЯ

Находки под водой

В Черном море, около Балаклавы, работали водолазы ЭПРОН. Однажды они натолкнулись на дне на затонувший корабль необычайного вида. Было ясно, что он пролежал под водой очень долго. Палуба и мачты сплошь заросли водорослями и ракушками. Около корабля валялись сосуды, похожие на античные амфоры.

Это была генуэзская каравелла, затонувшая во время шторма.

В Одессе, в штабе экспедиции ЭПРОН, образовался настоящий музей редчайших археологических древностей. На столе главного инженера хранится древняя персидская курительная трубка, сделанная из красной глины и вся искусно разрисованная. Эта трубка поднята со дна моря неподалеку от Одессы. Возле села Спорутино водолазы нашли в море, на большой глубине, руины древнего мола. Каменная стена тянется под водой на 150 метров в длину.

А из реки Буга поднят челн, выжженный из цельного дуба, 9 метров длины и 1 метр ширины. Этот челн похож на индейскую или океанийскую пирогу. Он пролежал в речном илу, вероятно, тысячелетия.

Сейчас академик Орбели предполагает организовать археологические раскопки под водой. Эти раскопки начнутся в море, у села Спорутина. Тут, в подводном грунте, вблизи руин древних портовых сооружений, столетиями скрыты замечательные памятники древности: остатки судов, скульптурные украшения, бытовые предметы, снасти и товары.

ГЕОГРАФИЯ

Радий за полярным кругом

Самое дорогое вещество на земле — это радий. О нем никак нельзя сказать, что он ценится «на вес золота»: он во много раз дороже золота. Во всех лабораториях мира найдется всего какая-нибудь пригоршня радия. И каждый грамм радия стоит целое состояние.

Вот почему английская печать подняла такой шум вокруг открытия нового радиевого рудника у полярного круга, в Канаде. Этот рудник находится в дикой и необитаемой местности. Ведь север капиталистических стран далеко не так освоен и обжит, как наш, советский. Американский север — это пустыня, и только погоня за случайно открытым бесценным радием привела туда людей.

Рудник находится у Большого Медвежьего озера. Два специально построенных парохода особой обтекаемой формы возят оттуда радиевую руду в провинцию Онтарио. Пароходы идут по реке Мэкензи и доходят до пункта Уотеруэс, в провинции Альберта. Это путь длиной 1500 миль, то есть 2400 километров, и значительная часть этого пути даже не была нанесена на карты и долго еще, верно, оставалась бы ненанесенной, если бы не находка радия.

Из Уотеруэса руда отправляется уже в запечатанных мешках на самолетах в Порт-Хоуп.

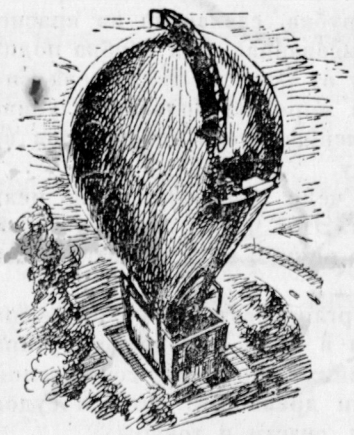
На руднике работают 105 рабочих. Туда проложили трубопровод из форта Нормэн на Мэкензи — по трубопроводу идет горючее.

Рудник оказался настолько богатым, что радий сейчас сильно «подешевел»: один грамм его стоит уже не 15 тысяч фунтов стерлингов, а «только» 5 тысяч!

ФИЗИКА

В атаку на атом

Как известно, люди еще не научились овладевать могущественной внутриатомной энергией — постоянной мечтой всех научно-фантастических романистов. Но физикам уже удается расщеплять атом. Правда, чтобы расщепить эту сверхмелкую частицу материи, требуется прибегать к огромным сложнейшим приспособлениям, к колоссальному электрическому напряжению.



Сейчас американцы строят в городе Питтсбурге установку для расщепления атомов — «атомную пушку» — поистине гигантских размеров. Она похожа на воздушный шар или чудовищную грушу высотой 14 метров и 9 метров в диаметре. Внутри ее находится 12-метровая вакуумная (с выкачанным воздухом) трубка-генератор, где будет развиваться почти невообразимое электрическое напряжение — 5 миллионов вольт (в самых высоковольтных сетях напряжение не превышает нескольких сот тысяч вольт). Через «пустую» трубку-генератор будут проноситься со скоростями сотен миллионов километров в час наэлектризованные частицы — «снаряды», которые должны бомбардировать атомы различных веществ.

ТЕХНИКА

Подземный завод «голубого топлива»

Недавно в газетах напечатано сообщение: «Котельная Горловского коксо-химического завода работает на высококалорийном газе, получаемом с опытно-промышленной станции подземной газификации угля».

Это сообщение говорит о величайшем техническом событии.

Сорок один год тому назад великий русский химик Д. И. Менделеев впервые высказал смелую мысль о подземном превращении каменного угля в «голубое топливо» — горючий газ.

«Можно будет ожидать тогда, — писал Менделеев, — очень крупного удешевления каменноугольного топлива».

Мысль Менделеева более подробно развил в 1911 году другой знаменитый химик — англичанин Вильям Рамсэй.

Он предложил провести с поверхности до каменноугольного пласта две трубы и с помощью электричества зажечь уголь. По одной трубе должен накачиваться воздух и притом так, чтобы уголь горел, но полностью не сгорал.

Тогда горячий «угольный» газ подымется наверх по второй трубе.

Никто, однако, не обратил внимания на замечательные идеи Менделеева и Рамсэя.

Нашелся только один человек, который оценил их значение. Это был Ленин. 4 мая 1913 года он поместил в «Правде» статью «Одна из великих побед техники».

«Открытие Рамсэя, — говорил в этой статье Владимир Ильич, — означает гигантскую техническую революцию...

Способ Рамсэя превращает каменноугольные рудники как бы в громадные дестиляционные аппараты для выработки газа. Газ приводит в движение газовые моторы, которые дают возможность использовать вдвое большую долю энергии, заключающейся в каменном угле, чем это было при паровых машинах. Газовые моторы, в свою очередь, служат для превращения энергии в электричество, которое техника уже теперь умеет передавать на громадные расстояния.

Стоимость электрического тока понизилась бы при таком техническом перевороте до одной пятой, а может быть, даже до одной десятой теперешней стоимости».

Но в 1913 году мировая буржуазия готовила страшную, разразившуюся через год бойню. И технический переворот не мог совершиться в странах, где главенствовали капиталисты.

Только в нашей стране впервые воплощена великая техническая идея Менделеева и Рамсэя, впервые оцененная Лениным.

Несколько лет назад, по предложению товарища Сталина, было решено приступить к опытам.

Впервые в мире под землей, в пластах каменного угля, были зажжены искусственные пожары. Сначала в Подмосковном бассейне, затем в Донбассе и на Северном Кавказе.

С 1913 года техника ушла далеко вперед. Сейчас уже есть возможность не просто сжигать газ на электростанции, но сначала добывать из него на специальных заводах бензин, керосин и парафин. Вот с какой небывалой полнотой подземная газификация дает возможность использовать каменный уголь и его энергию!

Опытная установка в Горловке была пущена в феврале 1935 года. За 14 месяцев она дала 12 миллионов кубометров горючего газа.

Теперь в Горловке работает первая очередь промышленной станции. 1 декабря прошлого года был зажжен угольный пласт на глубине 130 метров. Каждый кубометр «голубого топлива», сгорая, развивает 2 тысячи калорий тепла.

Энергия угля сама идет к людям наверх, не ожидая, пока люди спустятся за ней под землю.

Первая очередь этого небывалого в мире завода «голубого топлива» уже работает, а вторая — строится. Она вступит в строй в 1939 году.

Живые существа в стратосфере

На какую высоту могут подниматься без вреда для здоровья живые существа? Как действует на них разреженный воздух? Что происходит при этом у них в теле?

Чтобы получить ответ на эти вопросы, профессор В. В. Стрельцов проделал в Центральной лаборатории авиационной медицины множество опытов над животными.

Разумеется, животных не поднимали на специальных стратостатах с открытой гондолой. Да и не существует таких стратостатов, которые могли бы достигнуть высот, где «побывали» зверьки профессора Стрельцова, не выходя из его лаборатории.

Подопытных животных просто сажали в барокамеру (то есть камеру, откуда можно выкачивать воздух) и наблюдали через окна из прочного стекла, что с ними при этом происходит.

Результаты получились неожиданные.

Оказалось, что хуже всего переносят высоту... птицы. У почтовых голубей уже на «высоте» 5 тысяч метров появлялась «высотная болезнь»: сонливость, икота, рвота. А ведь это ниже Эльбруса, куда ежегодно поднимаются десятки и сотни альпинистов!

Собаки, кошки и кролики выдерживали бóльшую высоту, но и они гибли в судорогах, когда разрежение воздуха соответствовало высоте 10—12 тысяч метров.

Самыми выносливыми оказались... морские свинки и черепахи: они переносили даже разреженный воздух стратосферы (13 тысяч метров).

Впрочем, это был уже «рекорд». Ни одно из взрослых позвоночных животных не перенесло большей высоты.

Но вот оказалось, что молодежь гораздо выносливее взрослых. Новорожденные крысенята, голые и слепые, продолжали жить и тогда, когда погибла черепаха.

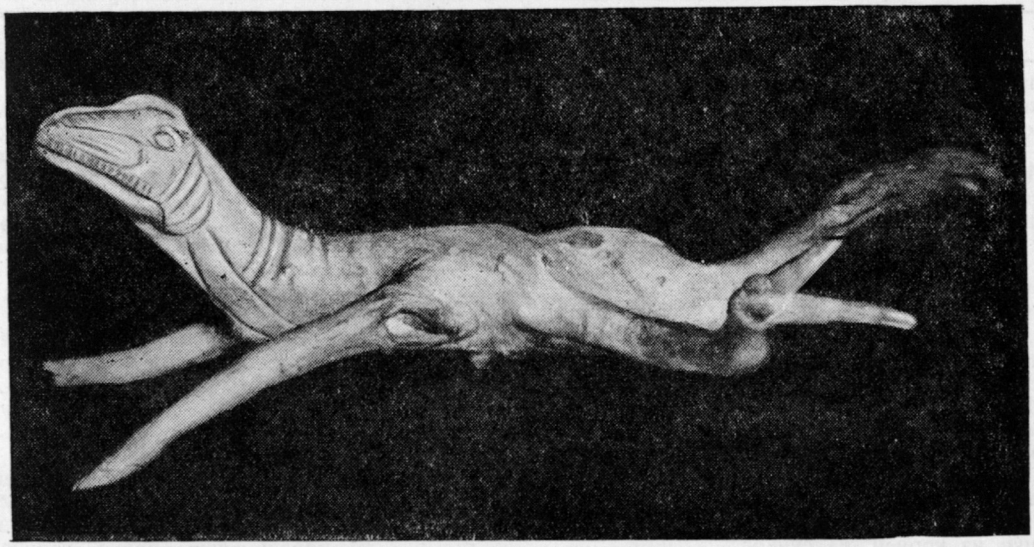
Изумленные ученые продолжали выкачивать воздух и, наконец, дошли до давления в тысячу раз меньшего чем атмосферное. Это давление 50-километровой высоты!

И что же? Крысенята не только остались живы, но когда в барокамеру впустили воздух, то увидели, что никакого вреда «полет» на эту невообразимую высоту им не принес.

Это было непонятно. Температура крови крыс — около 38 градусов. А чем меньше давление, тем ниже температура кипения. Уже на высоте 20 тысяч метров кровь крысенят должна была закипеть и убить маленьких животных.

Начали делать новые опыты и обнаружили еще одну поразительную вещь. Оказалось, что организм молодых животных борется с губительным действием разрежения, понижая температуру тела. В некоторых опытах она падала с 38 градусов почти до нуля!

Работы Центральной лаборатории авиационной медицины опровергают прежнее мнение ученых, что на высоте более 15 тысяч метров немыслима никакая жизнь. Кроме того они чрезвычайно важны для биологов и физиологов, — ведь им придется по-новому взглянуть на некоторые законы работы организма животного!



Березовая ящерица.

ЛЕСНЫЕ НАХОДКИ

Ф. Кучумов

В прошлом году я проводил отпуск в деревне на берегу лесной речки и охотился за местными пословицами и поговорками. Как-то при разговоре я второпях записал пословицу «Жизнь прожить—не мутовку облизать».

Позже, перечитывая записи, я запнулся на том, что не совсем понимаю пословицу. В тетради она значилась записанной со слов самого старого человека в деревне; он считался по всей реке лучшим мастером по лодкам.

Я попросил мастера растолковать, как он понимает пословицу. Мастер поднялся и вышел из избы со словами:

— Сейчас покажу.

Мастер принес горшок со сметаной, порылся на полке у печки и принес обычную деревянную мутовку. Делают ее очень просто: у молодой сосенки отрезается часть ствола с нижним ярусом радиальных сучьев; сучья укорачиваются.

Мастер сунул мутовку в горшок, осторожно околотил ее о краешек горшка и сказал:

— Вот потрудись теперь, оближи дочиста.

Это мутовка.

Все это выглядело так апетитно, что я принял мутовку и, не задумываясь, начал облизывать.

Но тут же почувствовал, как сучки мутовки ткнулись мне в нос и запачкали его сметаной. Я быстро обтер нос, но тут же опять запачкался.

— Трудно, а вкусно! — сказал я, смеясь.

— А жизнь-то потруднее трудного, слаще сладкого,— рассмеялся мастер.

Я подивился искусству показа пословицы.

Потом мы беседовали о разных лесных делах, о том, что человек выбирает в лесу дерево на корню не только прямое и ровное как хлыст. Доказательства были налицо: мутовка лежала на столе, самородная табуретка из отрезка ели с сучьями стояла на полу.

— Посмотри! — указал мастер за окно.

Около изгороди громоздились дуги разной природной кривизны; они идут на ребра-распорки внутрь лодок. На дворе стояла телега, корпус которой укреплялся на стволе с двумя корнями. К крыльцу прислонились сенные вилы из деревца с тремя заостренными ответвлениями на вершине. Посреди улицы находился колодец с природной вилкой на высоком столбе для укрепления колодезного коромысла.

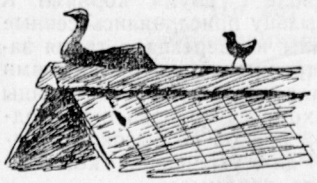
— Прежде таких изделий куда было больше,— рассказывал мне мастер.— Как что замыслишь сделать по хозяйству,— пойдешь в лес, обдумаешь и выберешь отрезок, чтобы прямо в дело шел или ближе к делу подходил. Да что говорить о хозяйственных вещах? — прервал сам себя мастер.— Фигурные украшения на избы делали, так и те в лесу выбирали; подбирали подобия разной живности в корневищах: птахи, гуси-лебеди, оленьи и лошадиные головы. Каждый выбирал по своему вкусу.

— Как же они работались?

— А что их работать-то? Главное выбрать. Выберешь в корневище или в овражной загогулине подобие по своему вкусу, отпилишь его. Отрубишь лишние корешки или сучья. Очистишь от коры. Подрежешь какой-нибудь носик, глазки. Еще для большего сходства надо иногда чуть подтесать. Тут и конец всему делу: тащи корневище на избу или на игрушку. Дела-то самая малость, остальное не твое: само выросло.

Мастер посоветовал побывать у председателя колхоза: у него хранится оленья голова с дедовской сгоревшей избы. Потом спросить лесника: у его ребят бывали игрушки из корней, из сучков. Во что бы то ни стало следовало сходить в деревню, километров за семь лесом от нашей деревни: там сохранились коньки и птахи на избах.

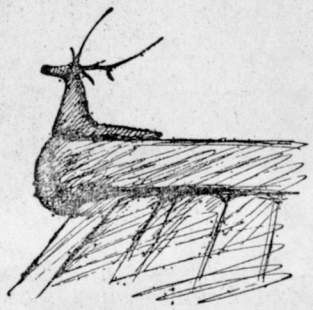
Меня заинтересовало народное творчество, о котором рассказывал мастер. Исподволь я осмотрел в деревне все, о чем он рассказывал. Лесник подарил мне две самодельные игрушки и дубинку: кошку из сучков, утку из корней, корневая рукоятка дубинки изображала волнистую фигурку горностая.



Гусек и птаха.

Гуляя, дошел я до деревни в лесу. Издали виднелись кой-где на избах фигурные коньки, все с гордыми шеями и грудью. Фигуры из корневищ изображали гусей-лебедей, был большой петух, голова лошади. Иногда около крупных фигур стояли отдельно более мелкие птицы — птахи.

На обратном пути мне особенно вспомнился один из гуськов. Он и стоял-то у колхозной бригадирши даже не на избе, а на крыше сарая. Грудь и шея его были выгнуты так же величественно, как у всех фигур. Но при этом гусек всей формой своей как бы кричал.



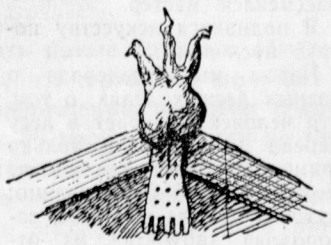
Олень из корневища.

Ходил я стрелять уток, ездил по реке за раками, а гусек бригадирши нет-нет да и вспомнится. Очень мне захотелось сделать самому для себя гуська.

Мне понадобились инструменты. Для вещей покрупнее необходимы пила и топор; я зашел к мастеру, попросил одолжить. Скоро я был за деревней в полном снаряжении: на поясном ремне висели с одного бока ножовка (пила) в фанерном футляре, с другого — небольшой топор в брезентовом чехле. Складной нож всегда в кармане.

По дороге мне попался колхозник-рыболов. Мы разговорились. Запустив руку в ведро, я вытащил красавца-окуня. Он выскользнул у меня из руки, упал на дорогу и затрепетал в глубокой пыли.

Свернул я в глубокий овраг, сюда много зимой наметает снега с полей, здесь дольше чем где-либо лежит он весной. Очевидно, тяжелые сугробы снега по-своему формуют деревья. Они



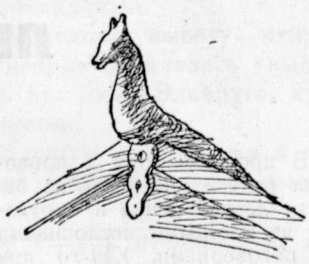
Трехглавое корневище.

росли разнообразно изогнутые в комлях.

Материала для выбора гуська было достаточно, но только я все еще не мог ни на чем остановиться. Наконец, неожиданно для себя вышел к старой сече (лесосеке), потоптанной скотом. На сече, среди еловых пней, изредка высились неубранные корневища ветровала.

Я сел чуть поодаль. Причудливо переплетенные, корни казались узорным кружевом. В этом деревянном кружеве я искал рисунок гуська. И нашел...

Один из толстых корней круто изгибался: это будут туловище и грудь. Дальше корень шел, резко утончаясь,— это шея. Она дальше перегибалась на небольшом утолщении: это будет голова гуська.

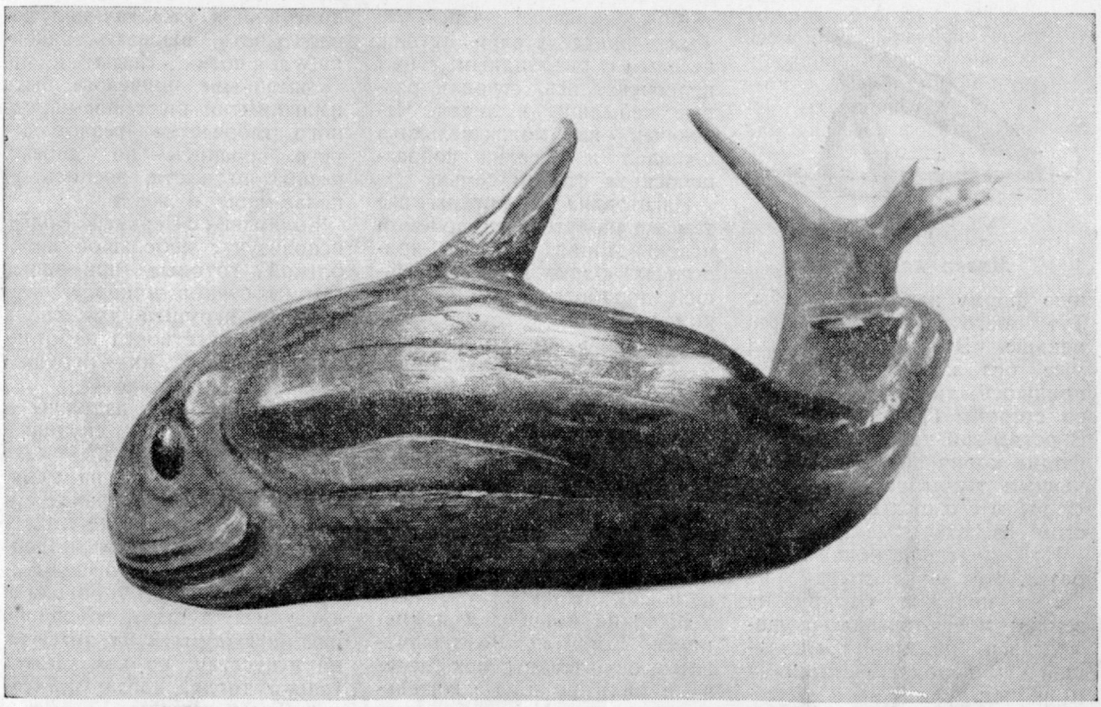


Лошадиная голова.

Мне следовало в первую очередь отделить подобие гуська от корневища. Грубый покров давно отмокшей коры легко снялся. Я отпилил лишнюю часть корня со стороны головы. Потом отпилил со стороны хвоста. Гусек был у меня в руках, но пока еще с тупым носом.

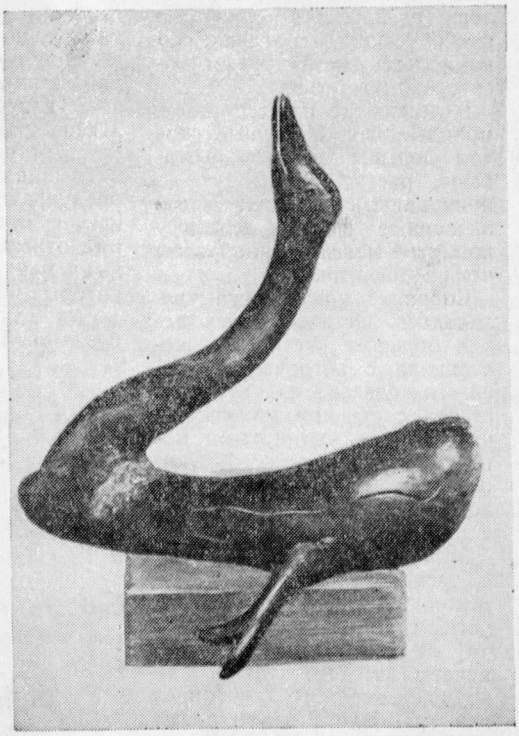
Оставалось для большего сходства доработать изображение. Сидя на пеньке, я отрезал торчащий из груди гуська лишний корешок, без труда вырезал клюв. Вот и все. Гусек был закончен. Он выглядел не хуже чем у бригадирши, на сарае. Мой гусек всей формой своей тоже как бы напряженно кричал, но иначе чем у бригадирши: не заботливо вдоль улиц, а сиротливо ввысь.

Я вертел и рассматривал гуська в разных положениях, как вдруг в корнях соседнего ветровала увидел прекрас-

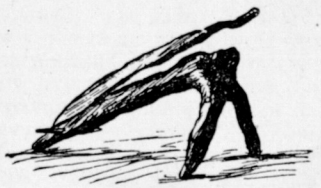


Всплеснувшаяся рыба.

Золотой петушок.



Лебедь пьет.



Мялка для льна.

ную форму наподобие рыбы. Тут моего дела было еще меньше. Этот корень был уже без коры; отпиливать пришлось только один раз со стороны будущей головы. В остальной части природная форма корня являлась законченным телом всплеснувшейся рыбы с плавниками и хвостом из ответвлений корня.

На отпиленном конце я вырезал, как умел, голову рыбы и положил фигуру на землю: мне открылся окунь-красавец, недавно трепетавший в дорожной пыли у моих ног.

Близилось время от'езда из деревни. Целыми днями пропадал я в лесах. Больше чем где-либо в лесу встречалось раскрытых корней на раскорчевках, на гарях, по подмытым рекой крутым косогорам на берегу.

В лесах, где пасется стадо, молодые изуродованные скотом деревья, те, что выживают, растут и крепнут на причудливых комлях; здесь надземные формы дерева у комля не менее разнообразны чем в оврагах.

Собрание моих фигур увеличилось. Остановившись перед большим кустом можжевельника с обгоревшей хвоей, я сделал из отрезков ствола с сучьями маленького человечка с вытянутыми ногами и распахнувшего руки, летящих птиц с разными разворотами крыльев и медведя с поднятой лапой.

Мой маленький человечек с распахнутыми руками переходил из избы в избу почетным гостем. Чтобы ребята не поломали, взрослые показывали его только во время семейного чаепития или за обедом; в это время человечек сидел или на крышке самовара или на высокой деревянной солонице.

Можжевеловый человечек был председателем стола, веселым и безобидным; с ним пересмеивались, строили разные небылицы в лицах. Человечек из можжевельника оживлял и веселил собравшуюся за столом семью.

Изготовлял я фигуры все тем же, простейшим приемом использования готовых природных форм, при наименьшей доработке пилой, топором и ножом.

Все очень просто. Поначалу, однако, были некоторые затруднения. Если весною при сокодвижении кора сдирается очень легко и начисто, то к осени это сделать затруднительнее. Еще труднее снять кору с высохшего дерева. Кроме того были неприятности: при высыхании на некоторых фигурах появились трещины.

В конце концов, я приноровился. Кору можно отмачивать, опуская отрезок дерева в воду на продолжительное время. На небольших же вещах проще сначала срезать осторожно, не затрагивая древесины, верхний слой коры, который плохо пропускает воду. Оставшийся слой при смачивании мокрой тряпкой быстро впитывает влагу и в этом виде легко соскабливается хотя бы заостренным сучком.

Трещины при высыхании предупреждал я тем, что сушил в комнате недоработанные отрезки дерева, отпиленные или срезанные торцы которых предварительно смазывал глиной или оклеивал бумагой. Только после такой просушки я уже начинал дорабатывать, вырезать какой-нибудь носик, глазки и пр.

Зимой мне привелось быть на открытии выставки народного творчества: резное дерево, роспись по дереву, резьба по кости, роспись по папье-маше и жести.

Колхозник с Верхней Волги, используя с небольшой доработкой готовые природные формы сучков и корней, понаделал игрушек для своих детей. Искусствовед заботливо собрал их — игрушки стояли на выставке.

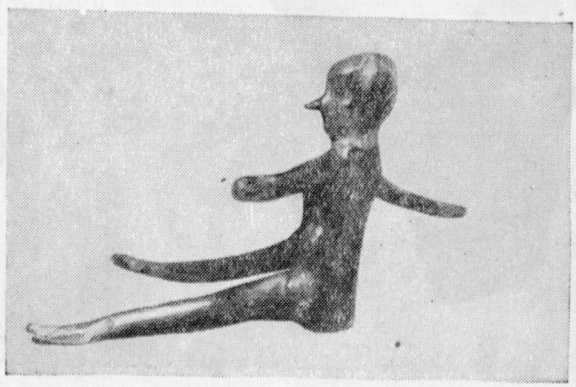
— Что это за изделия? — спросил я моего спутника молодого художника.

— Это... это,— он на минуту задумался,— по правде говоря, я сразу даже не подберу определения для подобных вещей, но это занимательно. Помните, у Гоголя в «Мертвых душах»: «Хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединяются вместе».

Сейчас, летом, вы, читатели «Пионера», живете в лагерях, в деревнях, часто ходите в лес на прогулки. Попробуйте-ка отыскать среди корневищ и деревьев различных зверей, людей, птиц. Вооружитесь ножиком, топором, пилой и отправляйтесь на разведку.

***

Лучшие и интересные ваши находки пришлите нам в редакцию. Мы устроим выставку ваших находок в редакции, а самые лучшие премируем набором инструментов.



Веселый можжевеловый человечек.

Загадки, задачи, игры и фокусы

СКОЛЬКО ОКОН В ДОМЕ?

Архитектор и инженер стояли против большого, многоэтажного дома, только что построенного.

— В этом доме,— сказал архитектор,— вполне достаточно света во всех помещениях.

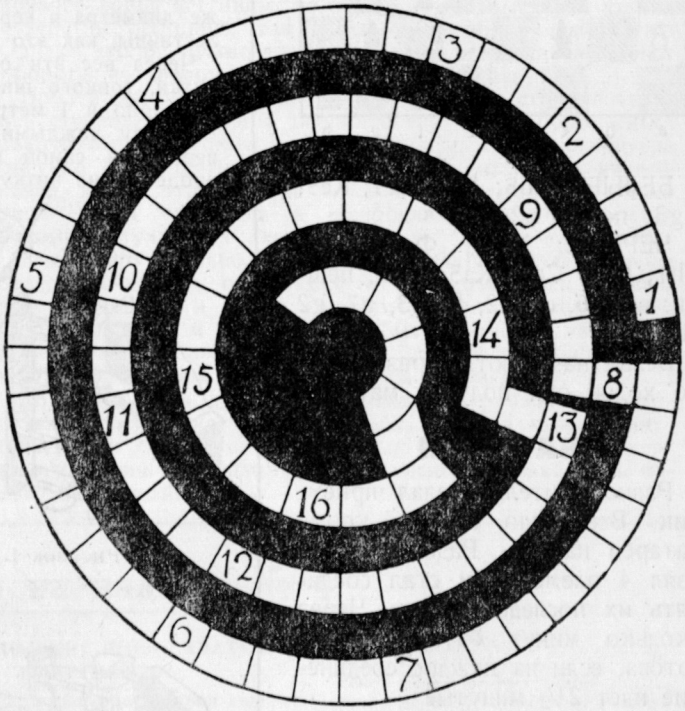
— Да, на переднем фасаде 145 окон, а на правой стороне дома, которая нам видна, 105 окон.

— Вы замечаете, что общее число окон на переднем фасаде и на двух боковых сторонах в 3 раза больше чем число окон на заднем фасаде? Число же окон на заднем фасаде в 2 раза больше числа окон на той, левой стороне дома, которая нам невидна.

Пользуясь этими сведениями, определите, сколько всего окон в этом доме, а также, сколько окон на каждой стороне и на фасаде дома.

Географический чайнворд

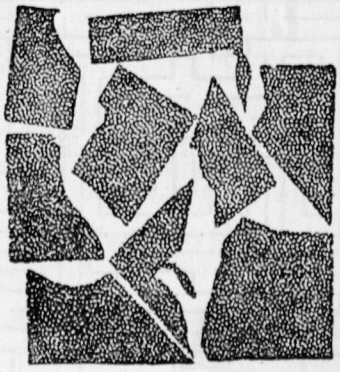
(Приспан Толей Димкевичем из Воронежа).



1. Крыша мира. 2. Река на Кавказе. 3. Высочайшая гора Урала. 4. Столица Якутии. 5. Промышленный центр Казахстана. 6. Гора в Армении. 7. Горы в Крыму. 8. Столица Армении. 9. Порт на Черном море. 10. Приток Волги. 11. Приток Лены. 12. Город на Амуре. 13. Полуостров в Черном море. 14. Губа на севере СССР. 15. Полуостров в Азии. 16. Возвышенность северозападной части СССР.

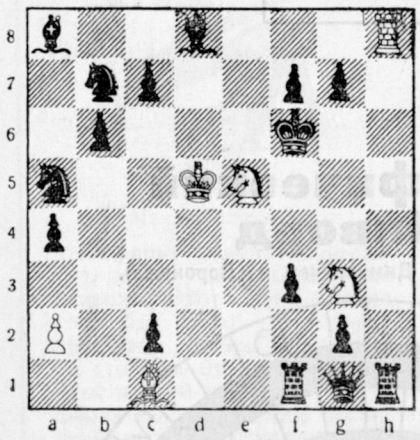
Попробуйте сложить

Перерисуйте нарисованные здесь кусочки и попробуйте сложить их ввиде прямоугольника так, чтобы в середине его получилось белое изображение животного. Какое это животное?



ШАХМАТНАЯ ШУТКА

Г. Ф. Л. МАЙЕР



БЕЛЫЕ: Крd5; Лh8; Сc1; Кe5; Крg3; пешка a2 (6).

ЧЕРНЫЕ: Крf6; Фg1; Лf1; Лh1; Сa8; Cd8; Кa5; Кb7; пешки: a4, b6, c7, c2, f7, f3, g7, g2 (16).

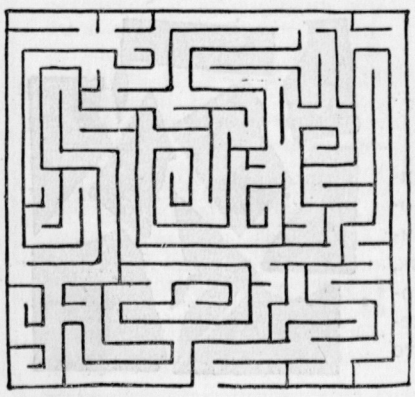
Белые начинают. Через сколько ходов они получат мат?

БАТАРЕЯ

Радиолюбитель сделал приемник. Все было готово, кроме батареи накала. Радиолюбитель взял 4 элемента и стал соединять их последовательно. Через сколько минут батарея будет готова, если на каждое соединение идет 2½ минуты?

ЛАБИРИНТ,

присланный Женей Петровым (Саратов)



Китайская лестница

Это старинная китайская головоломка.

Несмотря на кажущуюся простоту, даже если известен ее секрет, разгадка не так проста, и искать ее можно очень долго.

Головоломка состоит из маленькой деревянной лестницы с 4 ступеньками. Ее можно сделать любого размера. Но ступеньки должны отстоять достаточно далеко друг от друга, для того чтобы в промежутках между ними можно было удобно действовать пальцами при решении головоломки.

Подходящим расстоянием между ступеньками будет примерно 40 миллиметров или немного более. В каждой ступеньке лестницы необходимо просверлить 2 отверстия диаметром примерно 1½ или 2 миллиметра.

Кроме того просверливается еще одно отверстие того же диаметра в верхней части одной из боковых дощечек лестницы, как это видно на рисунке.

Через все эти отверстия продевается отрезок крепкой нитки, тонкого шпагатика или леска для удочки длиною примерно в 1 метр.

Между каждыми двумя ступеньками и на верхней поверхности самой верхней ступеньки помещаются также продетые на нитку маленькие круглые шайбочки.

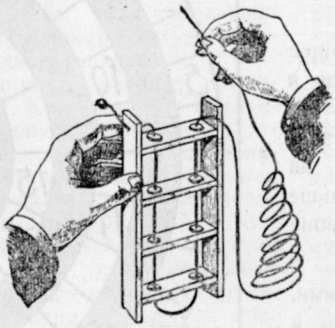


Рисунок 1.

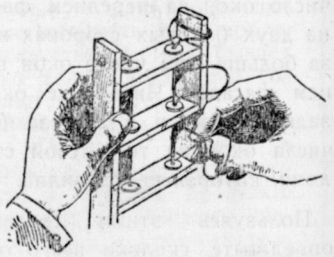


Рисунок 2.

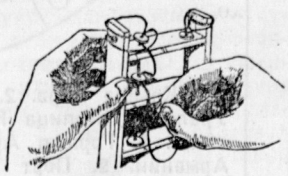


Рисунок 3.

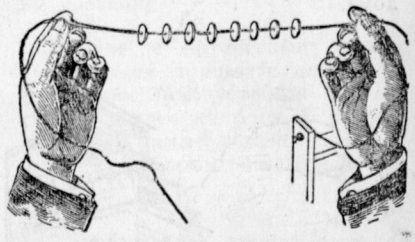


Рисунок 4.

Эти шайбочки могут быть сделаны по-разному: например от круглого деревянного стержня или от круглой пробки можно отпилить или отрезать кружочки и затем в их центре просверлить маленькие отверстия. Или же шайбочки можно выпилить лобзиком. Точный размер и форма этих шайбочек не играют роли.

Толщина шайбочек должна быть равна примерно от 1½ до 3 миллиметров. В центре каждой шайбочки должно иметься отверстие размером в 1½—2 миллиметра.

На рисунке 1 изображено, как эта головоломка выглядит в собранном виде с продетой через нее ниткой.

Конец нитки продевается через отверстие в верхнем левом углу лестницы, и к этому концу нитки привязывается стеклянная бусина или маленький деревянный шарик, для того чтобы конец нитки не мог выдернуться из отверстия.

ГДЕ РАЗОРВЕТСЯ ШНУР?

Достаньте палку, два одинаковых куска бичевки или шнура, не очень крепких, и самую толстую книгу, которая у вас только есть. Раскройте створки двери, положите на них палку и к ней привяжите бичевку. Внизу повесьте книгу. К книге привяжите второй кусок бичевки и внизу к ней привяжите рукоятку. Теперь возьмите за рукоятку и сильно дерните вниз. Где разорвется бичевка: над или под книгой?

На другой, свободный конец нитки узлом привязывается небольшой кусочек проволоки, который будет служить иголкой для продевания нитки.

Задача состоит в том, чтобы вынуть нитку из всех отверстий лестницы, но притом так, чтобы все шайбочки остались нанизанными на нитку, как это показано на рисунке 4.

Решение этой головоломки производится в несколько приемов. Первая стадия решения показана на рисунке 2.

Сделайте два—три оборота нитки вокруг верхнего правого конца лестницы не слишком туго, а лишь настолько, чтобы нитка держалась обернутой. Затем проденьте нитку вновь назад через все шайбочки и все отверстия в лестнице, вниз по правой стороне и вверх по левой стороне лестницы.

Как видно из рисунка, при этом воспроизводится первоначальное продевание нитки, но в обратном порядке, и если бы теперь сбросить 2 оборота нитки с верхнего правого конца лестницы, то нитку можно вытянуть как из отверстий лестницы, так и из отверстий в шайбочках. Однако это не нужно нам, и поэтому оставьте сделанные обороты на правом верхнем конце лестницы.

Продев иголку через шайбочку на левой стороне верхней ступеньки лестницы, оберните еще два оборота нитки вокруг левого верхнего угла лестницы, как показано на рисунке 3, и опять начните продевать иголку с ниткой назад, но на этот раз не через все отверстия, а только лишь через отверстия в шайбочках, минуя отверстия в самых ступеньках лестницы.

Когда это сделано и нитка с иголкой продета через отверстия во всех шайбочках, то обороты нитки, сделанные на правом и левом верхних углах лестницы, могут быть сброшены и нитка может быть вытянута из отверстий лестницы, причем на нитку останутся нанизанными все шайбочки, как это показано на рисунке 4.

Во время двух продеваний нитки при решении головоломки нитка может перекрутиться и тогда может запутаться при снятии ее с лестницы. Однако уже при первом решении головоломки станет ясно, как избежать такого запутывания.

Ответы на задачи № 4

КАК ЖЕ ПРАВИЛЬНО?

На вывеске должно быть написано: «Продажа бакалейных товаров».

СТРЕЛКА

Мышь, спина, Париж, мята, дятел, земля, «Правда», вода, теорема. Начало стихотворения «Мы с приятелем вдвоем...»

НЕПРАВИЛЬНОСТЬ В РИСУНКЕ

Флаги корабля на рисунке развеваются против ветра. Они должны быть направлены в ту сторону, куда надуты паруса.

ФАМИЛИИ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ

В США: Белль—телефон, Франклин — громоотвод, Эдисон—электрическую лампочку, Фультон—пароход; в Англии: Стефенсон—паровоз; во Франции: Монгольфье—воздушный шар, Фольден—спички; в России: Циолковский—металлический дирижабль, Попов—радио; в Италии: Торичелли—барометр, Галилей—телескоп; в Германии: Гуттенберг—книгопечатание; в Швейцарии: Гелем—часы; в Польше: Коперник открыл вращение земли вокруг солнца.

НА СКОЛЬКО ДНЕЙ ХВАТИТ МАТЕРИАЛОВ?

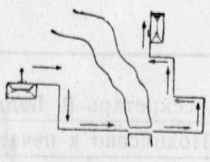
Для 12 человек материалов хватит не на 48, а на 64 дня.

В ПОЕЗДЕ

Если путешественник проехал половину того пути, что осталось, значит, он проехал 1/3, а осталось ехать 2/3. Если осталось ехать половину того, что проехал, то он проехал 2/3 пути, а осталась 1/3. Таким образом, он лег спать, когда проехал 1/3 всего пути, и спал до тех пор, пока не осталось ехать последнюю 1/3. Следовательно, путешественник спал 1—1/3—1/3=1/3 всего пути.

НАЧЕРТИТЕ ПОВОРОТЫ ПУТИ

Мой обратный путь имел следующие повороты: выйдя из



двери универмага, я повернул направо, снова направо, потом налево, опять налево и еще раз налево, далее направо, потом налево и, повернув еще направо, подошел к дому.

Повороты даны на чертеже (луна — за пределами нижнего края листа).

ШАХМАТЫ

№ 1. 1.О-О-Ох!
№ 2. 1.а5: в6х!

Нетрудно убедиться, что черные только что сыграли пешкой в7—в5, после чего белые получили право бить эту пешку «на проходе».

Остальные ответы будут помещены в № 8.

ПЕРВЫМИ ПРИСЛАЛИ ПРАВИЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ:

1. Гинзбург И. — Одесса.
2. Владлен Шнейдер — Москва.
3. Юра Марков — Одесса.
4. Яков Матовецкий — Шуя.

СОДЕРЖАНИЕ

Непобедимый союз 3
Острый зуб и Ведьма — *рассказ Е. Маркова. Рис. П. Митурича* 5
Сталинское племя — *С. Гарбузов* 25
Ночь в заповеднике. Песня о топоре и мече. Баллада о бобрах — *Стихи А. Оленич-Гнененко. Рис. Ю. Кискачи* 30
История футбола — *К. Оганесов* 33
Несчастный день — *Леонид Ленч. Рис. Ф. Полищук* 38
„Компас" — *Известия Географического общества читателей журнала „Пионер", № 20*:
2500 километров на льдине — *Э. Кренкель* 42
Подводные корабли — *Тоня Лаидова* 49
Арктический кружок — *Арнольд Танельвиц* 50
Плотина в море — *Юра Кашин* 51
Дополнить учебники географии — *Толя Горяинов* 51
Дедушка ледокольного флота — *Проф. Н. Зубов и А. Некрасов* 52
Поход „Красина" — *Ник. Шпанов* 57
Стендаль — *А. Роскин* 60
Ванина Ванини — *Рассказ Стендаля. Рис. П. Митурича* 62
Верхолазы — *Е. Симонов* 78
Вокруг света 82
Исчезновение страны — *Проф. Е. В. Тарле* 86
Из жизни насекомых — *А. Передельский* 92
Чем заняться — *Советы редакции* 95
ПОЧТА:
Разговор о кашеварах — *Письмо редактора* 103
Чилимы — *Письмо Бори Акулова* 105
Курганы — *Письмо Стюры Медведевой* 106
Наш радиоузел — *Письмо Бори Жебракова* 107
Урюк — *Стихи Володи Тютикова* 108
Случай на реке — *Письмо Вити Талаева* 109
Летнее приключение — *Письмо Вовы Спиридонова* 109
Неумирающие актеры — *Ал. Гюль-Назаров* 111
Научный телеграф 117
Самоделки. Лесные находки — *Ф. Кучумов* 121
Загадки, задачи, игры и фокусы 125

На обложке картина художника А. П. Бубнова „На Дальневосточной границе".

ПОПРАВКА

В части тиража на стр. 88 первая строка в правой колонке, вместо — «до 1883 тода» следует читать «до 1933 года».

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды", 24, комната 822, тел. Д 3-30-73.

Отв. редактор **Б. ИВАНТЕР**
Зам. редактора **В. Фраерман** Отв. секретарь **В. Поддубная** Худ. редактор **М. Аскинази**
Сдано в набор 23/V—38 г. Подписано к печати 20/VI 1938 г. Изд. № 574
Уполномоченный Главлита № Б—43167. 82×110 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе 16 п. л.
Типография газеты „Правда" имени Сталина. Москва, ул. „Правды", 24. Заказ № 1330. Тираж 84 500.

Ц. 1938 г.
Акт № 165

Цена 1 руб. 50 коп.

М4789
П29
34